НЕФАРТОВЫЙ

Виктор ГУСЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Три статуэтки ТЭФИ, правительственная премия лучшему пишущему журналисту и медаль «За боевые заслуги». Спасательная экспедиция в Антарктиде и война в Африке. Борьба за выживание на необитаемом острове и необычное кругосветное плавание. А еще — учеба в Америке, работа в НХЛ с легендарным тренером и жизнь на улице имени своего деда. Он прошел 15 олимпиад, комментировал на Первом канале матчи 13 чемпионатов мира и Европы по футболу. Совершал исторические заокеанские турне с хоккейными клубами «Динамо» и ЦСКА. Он выпускал судовую газету и первый в стране цветной журнал о футболе. Работал пресс-атташе футбольной сборной России и синхронным переводчиком на 50 конгрессах Международной федерации хоккея. А однажды стал «русским пингвином». Все это — один человек: Виктор Гусев. А его книга — это не только о хоккее и футболе. Это про лед, взломанный на пути к цели, и про поле жизни, насыщенной невероятными событиями. И еще это очень смешно…

- Нефартовый
  - Предисловие
  - Глава первая
    - Вердикт вождя
    - Какой армии — герои?
    - Жаль детей
    - Расти, Уткин
    - Синявский — Гусев: парный репортаж
    - Миллион жуков
    - Последний ответ Прусту
  - Глава вторая
    - Розги по-советски
    - Ну, за синекдоху!
    - Восстание «машин»
  - Глава третья
    - Разрядка напряженности
    - «Сладкие подружки»
    - Под крылом у Крыловой
    - Солженицын в шампуне
  - Глава четвертая
    - Как в кино
    - Она вам не танк!
    - Язык мой — друг мой

- На двух стульях
- Лучшая рыба — колбаса
- «Мамин маленький помощник»

○ Глава пятая
- Смерть «председателя колхоза»
- Бочки и йогурт
- Шмон героев
- Как с гуся вода

○ Глава шестая
- На холмах Грузии лежит ночная мгла
- Болл-бой для легенды
- Репортаж из казино
- Первый на Первом
- В ожидании Траха
- «Двужильный» Аленичев
- Внештатник в Штатах
- Попросили снять маечки
- Как корабль назовешь…
- Один — за всех или два — за одного
- С «Мараканы» — вслепую

○ Глава седьмая
- «Вратарь, не суйся за штрафную!»
- Ужин с Пеле
- Подкат под Еврюжихина

○ Глава восьмая
- Не хотелось бы никого обижать?
- Не уровня сборной
- О Симоняне на Копакабане
- Самый странный матч с Бразилией
- «Крокодиловы слезы» Сычева

○ Глава девятая
- Репортаж из-за решетки
- Пару слов без протокола
- …И пятьсот долларов — рублями
- Говорит палатка
- Ночь с козой
- Страшный сон комментатора
- Вместе на насесте

○ Глава десятая
- Колечко-колечко, выйди…
- Как вас теперь называть?
- Не как Чкалов
- «Надо бросать мимо!»
- Привет, Гус!

- Глава одиннадцатая
  - С задней мыслью
  - По ходу и подходы
  - Прощай, «как бы»
  - Когда простят все
- Глава двенадцатая
  - «Вы на нарезке не стояли?»
  - Временные трудности
  - Лемур и кенгуру
  - Загадка для Рода Стюарта
  - Синхронное плавание
- Глава тринадцатая
  - Лицом в салате
  - Зачем я дал слово «убийце»?
- Глава четырнадцатая
  - Моя фильмография
  - Как я был пингвином
  - Сказка Андерсона
- Глава пятнадцатая
  - Чьи это ноги?
  - Под пулями
- Эпилог

Нефартовый
Виктор Гусев

Предисловие
Летят гуси

«Как может быть фартовым или нефартовым телекомментатор? Способен ли человек, не участвующий в игре, не являющийся тренером или судьей, влиять на исход матча? Да и само странное слово «фарт». Англичане с американцами — те вообще, как его услышат, так удивленно вздымают брови и морщат нос… Посмотрите перевод в словаре».

Под ярким полуденным солнцем я шел по железнодорожной платформе Внуково, и все эти вдруг завертевшиеся в голове мысли не имели никакого отношения к реальности прекрасного августовского дня. Позади были очередные сутки летней Олимпиады, которую мы на этот раз освещали из Москвы. Без Рио-де-Жанейро и белых штанов — ничего страшного! В конце концов, футбольную Мекку удалось посетить за два года до того, когда в Бразилии был незабываемый чемпионат мира. Чего стоила хотя бы работа на «Маракане»! Помните, как немцы в дополнительное время вырвали победу у аргентинцев? То был мой шестой чемпионат мира в качестве телекомментатора Первого канала и четвертый репортаж о финальном матче.

И вот уже четырнадцатая Олимпиада, начиная с московской, на которой я работал в далеком 80-м еще корреспондентом ТАСС. Восемь лет спустя была совершенно необычная поездка на Игры в Сеул: туда я отправился переводчиком сборной СССР по борьбе. Поэтому жил в Олимпийской деревне и имел доступ в святая святых — за кулисы соревнований. А в Альбервиле на зимних Играх-92 получил предложение от телевизионщиков. С тех пор — в Останкино. И снова Олимпиады: еще пять летних и шесть зимних.

Так что начиналось все уже почти сорок лет назад в олимпийской Москве, и вот круг замкнулся. Интересно, что для «anchorman», как называют ведущего в студии англичане и американцы, особой разницы-то и нет. Сидней или Афины, Пекин или Лондон — наши рабочие помещения на их телецентрах мало чем отличались друг от друга. А все они, вместе взятые — от специальной студии, воздвигнутой на время Игр-2016 в Останкино.

В дословном переводе «anchorman» — это что-то вроде «человек-якорь». Очень точно: сидишь, как якорем к стулу прицепленный…

Кстати, про настоящий якорь. С его помощью я пытался

раскачать застрявший у побережья Антарктиды ледокол. Чистая правда! Но об этом чуть позже.

Итак, я шел по внуковской платформе, радуясь тому, что сейчас, добравшись до дома, смогу выспаться перед своим очередным «олимпийским будильником» в четыре утра. И при этом мысленно рассуждая о суеверии — жалком уделе тех, у кого нет веры. Так ведь говорят?

В эту секунду я почувствовал, что лечу. Нет, не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Под находившейся ближе к краю платформы левой ногой обрушился кусок бетона. Впрочем, это я узнаю только сутки спустя, когда Оля привезет фото рухнувшего подо мной перрона в больницу. А пока, совершив самый настоящий «фосбюри-флоп», я со всего маху и с довольно приличной высоты спиной брякнулся на рельсы.

Думаю, замысловатый стиль невольного прыжка во многом предопределил надетый через плечо тяжелый планшет. И он же в итоге спас позвоночник.

Сумку я купил в Берлине с четвертого за два года захода в один и тот же магазин. Сначала не было с собой достаточного количества денег, потом не срабатывала банковская карточка, в следующий раз сам предмет на время исчез с прилавка…

Мистика! За всю жизнь я ни разу так не стремился приобрести какую-то конкретную вещь, тем более столь прозаическую! Но ноги сами несли в ту неприметную лавку. А теперь, возможно, продолжают носить меня только потому, что при приземлении выстраданное немецкое приобретение счастливым образом оказалось между спиной и рельсой.

Более ста кг живого веса уже готовы были стать страшным приговором. Но сумка! Никогда не видел айпэд, словно лего, расколотый на мелкие кусочки. А как вам мобильник, превратившийся в подкову (на счастье?)! Интересна судьба банана, который я взял с собой на работу, но не успел съесть в олимпийской запарке. Он просто исчез! Точнее, стал частью текстуры самой сумки, въевшись в ее стенки настолько, что теперь всю оставшуюся жизнь я, открывая мою спасительницу, буду чувствовать запах далекой экзотической плантации. Или как минимум любимой с детства пластиночной жвачки Juicy Fruit, которую тогда привез из командировки на Кубу мамин папа — дедушка Коля.

…Над койкой в Боткинской улыбался лечащий врач:

— А вам повезло, Виктор Михайлович! Всего-то три сломанных, да и то не сами позвонки, а отростки. Это месяца два в постели. Пишите книгу.

— Спасибо, доктор. Но как — в таком положении?

— Ну как? Печатайте одним пальцем. И начните с того, что вы — фартовый…

Глава первая
И в какой стороне я ни буду

Девушки, гляньте,
Гляньте на дорогу нашу,
Вьется дальняя дорога,
Эх-да развеселая дорога.

Виктор Гусев.

Полюшко-поле

Вердикт вождя

Сталину не понравились слова гимна Советского Союза, которые написал мой дедушка. Говорят, вождь сказал: «Слишком мягкий текст. И не надо было так много о природе. Да и религию Гусев зачем-то приплел».

Виктор Михайлович Гусев проиграл не в одиночку. Во-первых, в соавторстве со своим давним другом композитором Тихоном Николаевичем Хренниковым. Во-вторых, были забракованы еще четыре варианта, предложенные участниками конкурса. Победили, как известно, стихи двух корреспондентов фронтовой газеты «Сталинский сокол» Сергея Михалкова и Габриэля Эль-Регистана. То, что предложили они, было признано более правильным по стилистике. Да и музыка Александра Александрова, положенная в основу, к тому времени уже прошла проверку временем как «Гимн партии большевиков».

Кстати, специальная правительственная комиссия по «госприемке» дала работе Гусева — Хренникова положительную оценку. Она сохранилась в архиве: «Торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Чувствуется сердечность, глубина».

Но стоит ли говорить, что комиссия комиссией, а решающим было слово Сталина.

Вот уже много лет я пытаюсь найти дедовский текст. Тщетно! Чтобы ни у кого не возникло тайных сомнений в правильности высокого выбора, все проигравшие работы были уничтожены. И хорошо, что только работы!

Конкурс объявили в разгар войны — в 1943 году. До этого функцию гимна исполнял «Интернационал». Новый утвердили и обнародовали в ночь на 1 января 44-го. Дедушка умер в холодной, но уже согреваемой реальной надеждой на победу Москве три недели спустя, всего семь дней не дожив до своего 35-летия. Умер на руках Хренникова, с которым были написаны все песни для снятых по сценариям Гусева кинофильмов «Свинарка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны».

Тогда, зимой 44-го, как первая ласточка неминуемо приближающейся мирной жизни, в Доме актера вновь открылось кафе, гордо назвавшее себя рестораном. Придя туда 23 января, они успели только снять пальто и сделать заказ. Виктор уронил голову на руки. Обширное кровоизлияние в мозг. А ведь сразу после Нового года было то же самое — в глаз. Врачи сказали предельно строго: по ночам — спать, меньше работать. Но куда там!

Говорят, современная медицина спасла бы…

У дедушки, страдавшего тяжелой формой гипертонии, с детства были сильнейшие головные боли. На фронт его не пустили, и, отправив жену с двумя маленькими детьми в эвакуацию в Ташкент, он с утра до ночи, по 20 часов в сутки, семь дней в неделю работал в Радиокомитете. Первый эфир из Москвы был уже 23 июня 1941 года: «Слушай, фронт!» Потом появилась и стала ежедневной программа «Говорит Западный фронт». Виктор готовил передачи, а в минуты отдыха писал стихи:

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве…

Это из «Свинарки и пастуха». Фильм, который до сих пор часто появляется на экранах телевизоров, начали снимать в Кабардино-Балкарии весной 1941-го, то есть еще в мирное для нас время. В июне, естественно, все остановилось. Режиссер Иван Пырьев записался добровольцем на фронт. Съемочную группу вернули в Москву, но вскоре последовало высокое указание: продолжать работу над картиной. Драматичный, а в то же время веселый и очень оптимистичный фильм должен был явиться символом уверенности в победе и спокойной силы русского народа. Главным действующим лицом стала… Выставка достижений народного хозяйства, где встретились два главных героя картины. Съемки на ВСХВ (тогда она носила такое название) прерывались авианалетами. Доделывали фильм в Алма-Ате. К уже процитированным раньше мирным стихам о любви, начинавшимся оптимистично: «Хорошо на московском просторе!» — в главной песне было добавлено:

И когда наши танки помчатся,
Мы с тобою пойдем воевать.
Для того ль мы нашли свое счастье,
Чтоб врагу его дать растоптать?

Каждый раз, когда я видел в театре или на экране исполнителя одной из главных ролей Владимира Зельдина, ловил себя на мысли, что такого просто не может быть. Поскольку невозможно победить время. Шутка ли сказать: он лично знал моего деда, общался с ним. И, как рассказывал сам Владимир Михайлович, именно Гусев посоветовал Пырьеву взять его на

роль дагестанского пастуха Мусаиба. 26-летний актер был уже определен в танковую школу, но продолжение съемок означало для него «белый билет».

«Это спасло меня от армии и, возможно, от смерти» — звучит немного, как сказали бы сейчас, неполиткорректно. Но к словам старейшего на тот момент действующего актера планеты, говорившего это в столетнем возрасте, мне кажется, можно не придираться. Легендарный актер ушел от нас осенью 2016-го, когда ему был сто один год.

Зельдин оказался единственным некавказцем из претендовавших на роль кавказца. Думаю, слово моего дедушки могло и не стать решающим, если бы не присутствовавшие на кастинге женщины из съемочной группы. Их никто не спрашивал, но спонтанная реакция дам не могла не повлиять на неравнодушного к прекрасному полу режиссера. Так знойный красавец из прозаического города Козлов Тамбовской губернии получил роль, которая на всю жизнь сделала его звездой.

Но не лауреатом Сталинской премии, доставшейся и исполнительнице второй главной роли Марине Ладыниной, и главному оператору Валентину Павлову, и Пырьеву, и Гусеву с Хренниковым. Говорят, кто-то наверху сказал, мол, Зельдину и так достаточно: в горах парня разыскали, в Москву привезли…

Какой армии — герои?

До премьеры еще одного своего фильма и до самих «шести часов вечера после войны» мой дедушка не дожил. Удивительным образом предсказанный Гусевым победный салют гремел над столицей, когда его прах уже покоился на Новодевичьем.

Хрестоматийную финальную сцену встречи на Каменном мосту разлученных войной влюбленных, которых сыграли снова Марина Ладынина и Евгений Самойлов, разбирают в голливудских учебниках кино. И до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно замысла автора: это было реальное свидание, или оно так и не состоялось, существуя лишь в мыслях двух героев картины?

Гусев имел в виду второй вариант. Варя случайно всего на несколько секунд встречает своего возлюбленного на полустанке, вновь провожает его на фронт и тут же погибает под бомбами «люфтваффе». А встреча в Москве на фоне салюта и кремлевских стен — это ее несбывшаяся мечта. Потрясающая сюжетная находка, если хотите, новое слово в драматургии.

Но Пырьев снимал фильм в 44-м и не мог лишить зрителей счастливого финала. Ведь вся страна жила надеждой далеко не только в кинематографическом смысле. Поэтому режиссер, сохранив долю неопределенности, все же облачил концовку в реалистичные, оптимистичные тона. И я уверен, сделал правильно, даже пожертвовав более высокой творческой эстетикой.

Фильм и вышел на экраны, когда еще гремели бои. За полгода до Девятого мая его посмотрели 26 миллионов человек. А Ладынина вспоминала письмо одного солдата: «Теперь и помереть можно, все-таки увидел конец войны…»

Как и в «Свинарке», персонажи фильма «В шесть часов вечера после войны» разговаривают стихами, но настолько умело вплетенными в обычные диалоги и монологи, что звучит это удивительно естественно, а зарифмованность только добавляет их речи легкости и лиричности.

Этот фильм — тоже по-прежнему на экранах. Звучат и его песни. А вокруг одной из них — «Песни артиллеристов», призывавшей: «Из тысяч грозных батарей — за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь! Огонь!» — развернулась настоящая идеологическая война. Строчку «Артиллеристы, Сталин дал приказ» — после осуждения культа личности XX съездом КПСС — решено было поменять. И началось: «Артиллеристы, партии приказ», и «Артиллеристы, точный дан

приказ», и уже позже — снова «Сталин дал приказ». Какие только варианты не звучат сегодня у разных исполнителей! А то, что автор назвал «песней», помимо его воли превратилось в «марш» и даже «гимн».

Кстати, недавно услышал что-то новенькое в тексте легендарной «Полюшко-поле». Эту песню, которую многие считают народной, на самом деле тоже сочинил Гусев. На этот раз вместе с композитором Львом Книппером, судьба которого достойна отдельной книги. Племянник жены Чехова, 19-летний солдат армии Корнилова, георгиевский кавалер, вместе с остатками войск Врангеля оказался за границей. Вернувшись домой в 1922 году, был завербован НКВД, стал разведчиком, а при этом… композитором и альпинистом.

По невероятному стечению обстоятельств горы свели его и с младшим братом Виктора Гусева. Александр Михайлович Гусев, ученый-метеоролог, полярник, профессор МГУ, заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, в январе 1934 года принял участие в первом зимнем восхождении на Эльбрус. А зимой 1943-го отряд капитана Гусева, выбив с этой вершины гитлеровцев, водрузил там красный флаг. К моему счастью, я еще мальчишкой застал «дядю Шуру» живым и здоровым, с его шутками, военными рассказами и бесплодными попытками поставить меня на водные лыжи. Много лет спустя, попав, словно по следам Александра Михайловича, в спасательную антарктическую экспедицию, я в очередной раз поразился превратностям судьбы и феноменальным совпадениям в нашей жизни.

Кстати, дядя Шура мне о Льве Константиновиче многое и рассказал. О том, как разведчик Книппер в 41-м году возглавил специальную группу смертников, которая должна была уничтожить Гитлера и его высшее окружение в случае взятия Москвы врагом и появления в городе фюрера. Подпольщику предписывалось, изображая симпатию к фашистам, выдвинуться на пост бургомистра. В стене его квартиры на Гоголевском бульваре был организован тайный склад взрывчатки, оружия и боеприпасов…

Бог мой, какие люди! Какие судьбы!

И словно по ходу дела, «в свободное от работы время» — 20 симфоний и более 500 различных музыкальных произведений. Включая «Полюшко-поле».

Так вот, в песне, официальное название которой «Степная кавалерийская», слова: «Едут по полю герои, это Красной армии герои» — в XXI веке вдруг оказались замененными на: «Едут по полю герои, нашего прошлого герои». А в другом варианте — «… русской армии герои». Мне очень интересно, кто и зачем все это в

наше время корректирует? Причем даже не спросив у наследников авторских прав.

Помню, когда в дни моей институтской стажировки в Университете штата Нью-Йорк в городе Олбани профессор Уилки, преподававший у нас «Риторику и общение», узнал, что слова «Полюшка» сочинил мой дед, сначала никак не мог поверить, а потом — успокоиться. Уже немолодой ученый, с волосами до плеч, приходивший на занятия в кожаной жилетке и потрепанных джинсах, из кармана в карман которых была перекинута толстая серебряная цепь, хватался за голову, восклицая на всю аудиторию: «Ведь ее же исполняет моя любимая группа «Jefferson Airplane»!»

Да, господин Уилки, и не только она. «Полюшко» в разное время также сыграли и спели Paul Robson и Marc Almond, Andre Rieu и Ivan Rebroff, Gamma Ray и Blackmore's Night…

И конечно, множество отечественных: от нашего внуковского соседа Леонида Утесова до «Поющих гитар» и «Песняров», от Хора имени Александрова до Хора Турецкого и питерской рейв-группы «Little Big». Сейчас песня — в репертуаре любимого «Пикника». Даже в двух вариантах. Один — более традиционный. Второй — почти «Led Zeppelin». Вот тут особенно хочется надеяться, что дедушке бы понравилось.

Жаль детей

…В страшный для семьи день 23 января 44-го моего девятилетнего папу принимали в пионеры. Узнав о смерти отца, он застыл с маленьким флажком у географической карты — ведь с самого начала войны они вместе, общаясь по почте и телеграфу, отмечали передвижение наших войск. Сначала — горькое отступление, а потом — вперед, вперед, вперед…

Крошечной Леночке только-только исполнилось два года. Бабушке позвонили: «Нина Петровна, с вами будет говорить товарищ Сталин». Через несколько секунд в трубке раздался до боли известный всем голос. И всего два слова: «Жаль детей».

Памятник вождю народов простоял в соседнем скверике перед Третьяковской галереей до 1958 года. Специально проверил это в справочнике, так как некоторое время думал: ну не могу я, родившийся в 55-м, то есть два года спустя после смерти Сталина, помнить эту скульптуру на фоне фасада. Оказывается, перенесли ее на задворки музея только в 58-м. И то, что, выйдя в одно прекрасное утро на улицу в составе детской прогулочной группы в родной Лаврушинский переулок, я увидел на месте привычного монумента клумбу — не сон и не фантазия. Бывает, спрашивают: какое самое раннее детское воспоминание. Наверно, вот это.

Первое опубликованное стихотворение Виктора Гусева — в 18 лет. Потом — две важные премии, другие награды, популярнейшие фильмы, известность поэта, драматурга и сценариста. Правильно ли будет сказать, что все это — горькая компенсация за уж слишком короткую жизнь? За невозможность хотя бы немножко, одним глазком заглянуть в будущее сына, которому в 38-м, когда появилось это стихотворение, было всего лишь четыре года…

Как много нового явилось у него.
Взгляни, — он стал немного выше ростом.
Какой-то новый блеск в глазах его возник.
Он спрашивает вечером о звездах,
Чтоб утром самому рассказывать о них…
…И знаешь, иногда мне делается страшно,
Захватывает дух такая скорость дней.
Ведь наша жизнь становится вчерашней
По мере роста наших сыновей.
Он старше стал — и радость, и волненье!
Я старше стал — уж не пора ль грустить?

У слова «жизнь» есть разные значенья,
Мне иногда их трудно примирить.
Жизнь, жизнь идет. Она всегда упряма.
Не подчиниться ей нельзя, — старей!
А рост детей — ведь это диаграмма
Движенья к старости отцов и матерей.
Но почему ж мне весело бывает
И радость появляется сама,
Когда меня манит и увлекает
Блеск пробудившегося в мальчике ума?
Но почему мне дороги и милы
Все новые слова, что он сказал?
Но почему растущий отблеск мира
Я вижу с гордостью в его глазах?
И как мне было б тягостно и душно,
Когда бы этот рост замедлился живой,
Когда б навек остался он игрушкой,
Когда б движения покинули его.
Нет, трижды нет! Расти, расти, приятель!
Весь мир узнай, расширь его, раскрой.
Мне потому шаг первый твой приятен,
Что вслед за ним последует второй.
Мне не забыть ручонки милой сына,
Но дню грядущему я радуюсь тому,
Когда я руку друга и мужчины,
Большую, мужественную, — пожму,
Когда мы с ним пойдем по внуковским
проселкам
Гулять среди осеннего огня,
Когда я буду молодым постольку,
Поскольку молодость зависит от меня.

Это было написано в ничтожные по меркам человеческой жизни 29 лет.

В вышедшем по пьесе Гусева в 1961 году фильме «Иван Рыбаков» главный герой, умирая, устами актера Бориса Бабочкина, больше всего известного по роли Чапаева, говорит: «Сыну смерть отца перенести легче, чем отцу — смерть сына».

Последней фразой самого Виктора Михайловича, обращенной к жене, было: «Береги детей!»

Но и в отмеренные 34 года жизни Гусеву не раз приходилось несладко.

Племянник Митя, сын моей младшей сестренки Машеньки, которая тоже ушла от нас бесконечно рано, для своей дипломной работы раскопал интереснейшие вещи, включая, например, сведения о взаимоотношениях Гусева с Владимиром Маяковским.

Великий поэт со всей своей известной мощью обрушился на начинающего, когда в 1929 году в первом сборнике гусевских стихов «Поход вещей» прочел стихотворение о взятии Зимнего дворца: «Последний фонарь застрелил броневик, шатаясь из Смольного в Зимний…»

На конференции Московской ассоциации пролетарских писателей Маяковский восклицал: «Вы только послушайте! Броневик воспринимается им как бегущее существо, которому безразлично, куда слоняться!»

Крайне не понравилось Владимиру Владимировичу и стихотворение Гусева о деде-алкоголике. «Эта поэзия идет не по линии создания новой, пролетарской, а по линии декаданса, старой упаднической поэзии. Вот, скажем: «Мой дед? — Не знали вы его? — Он был не здешних мест. — Теперь за тихою травой стоит горбатый крест». Это такой грошовый романтизм, давно выкинутый из арсенала революционной поэзии, что смешно им орудовать».

Дедушка тяжело переживал реакцию мэтра и, кстати, своего кумира. Впрочем, Виктор не озлобился и даже сделал правильный вывод. Ведь первые стихи были написаны, что называется, «на диване» — начитанным, влюбленным в книги и поэтическое слово, но лишенным какого бы то ни было жизненного опыта мальчишкой. Гусев начал ездить по стране, набираясь впечатлений и сюжетных тем.

Я был в Самарканде.
Я Волгу видел.
Я по небу мчался средь жутких стихий.
Работал в газетах полков и дивизий.
На канонерках читал стихи.
Я в краснофлотском играл джаз-банде.
Я в шахты спускался, взлетал наверх…

Сменивший гнев на милость Маяковский с улыбкой скажет на

одной поэтической вечеринке: «Расти, Уткин — Гусевым станешь!» По страшному совпадению прекрасного поэта Иосифа Уткина тоже не стало в 44-м. Осенью он погиб в авиакатастрофе недалеко от Москвы. Оба поэта похоронены на Новодевичьем кладбище.

…А во внуковском поселке, где живет моя семья, улица Гусева — совсем рядом с улицей Маяковского. Они не пересекаются. Но соседствуют.

Синявский — Гусев: парный репортаж

Дед (хотя странно так называть человека, которому в тот момент было слегка за 20) не только «поднялся с дивана», оторвавшись от любимых книг, но и стал, если можно так сказать, поэтическим журналистом. Некоторые его стихи даже заменяли передовицы в «Правде», появляясь на первой полосе газеты уже на следующий день после события. Ну, например, о том, как, забирая больного ребенка из горного аула, вертолетчик поднялся на небывалую высоту. Или как мужественные полярники сумели победить казавшиеся непроходимыми льды. А еще: испанские дети в Артеке, бои на озере Хасан, полеты Чкалова…

Как-то сразу приходит в голову пресловутое эстрадное: утром — в газете, вечером — в куплете. Но здесь все было не так: утром — и в газете, и в куплете.

Сейчас частенько думаю о том, что все это, включая еще и большую переводческую работу Виктора Михайловича, который представил русскому читателю творчество множества поэтов — от Белоруссии до Туркмении, каким-то совершенно загадочным образом преломилось и в моей биографии. Не говоря уже о комментаторской карьере деда.

На протяжении многих лет он вместе с коллегами, среди которых был и знаменитый писатель Лев Кассиль, и легендарный спортивный комментатор Вадим Синявский, вел репортажи с парадов на Красной площади. В том числе 7 ноября 1941 года, когда враг был под Москвой, фашистские самолеты по нескольку раз в день совершали налеты на столицу, а наши солдаты, пройдя маршем мимо Мавзолея, отправлялись на фронт.

В качестве корреспондента уже упомянутой программы «Говорит Западный фронт» майор Синявский работал в местах главных сражений. А в 42-м, попав в осажденный врагом город в Крыму, успел сказать в эфир только одну фразу: «Говорит Севастополь» — и тут же был серьезно ранен осколками разорвавшейся рядом мины. Только когда наши артиллеристы подавили немецкую батарею, его смогли вынести в безопасное место. Именно тогда Вадим Святославович потерял левый глаз.

В многочисленных интервью о моей семье я ни разу еще не рассказывал об этом удивительном сотрудничестве в радиоэфире. Нет, не берег для книжки. Просто раскопал знаменательную для меня историю только сейчас, в процессе работы. Мой отец, боготворивший Синявского после его репортажей о легендарном британском послевоенном турне московского «Динамо», много

рассказывал мне о великом комментаторе. Папе в 1945-м было 11 лет, и, припав ухом к радиоприемнику, он навсегда заразился футболом. Но в 42-м или 43-м рассказ маленькому Мишке о сотрудничестве с еще неизвестным ему, да и не только ему, Вадимом Святославовичем просто не имел бы смысла. А потом Виктора Михайловича не стало.

Получается, что папа даже на уровне предположения не мог связать между собой две знаковые для него фигуры. Иначе я с детства знал бы о невероятном факте парного репортажа: Синявский — Гусев.

Не так давно я попал в ту самую, как принято говорить, импровизированную комментаторскую кабину в здании ГУМа. Сейчас там офис моего давнего знакомого главы компании BOSCO Михаила Куснировича.

Но если спросите о чем-то главном для меня в творчестве деда, то на ум приходит не журналистское, не переводческое и даже не комментаторское. А совсем личное, обращенное к самому близкому человеку:

А если тень меж нами проходила
Иль недоверья стлался серый дым, —
Как плакал я и как мне трудно было
Опять себя почувствовать живым.
Но жизнь росла, цвела улыбкой сына,
Из нас троих — она была права.
Но жизнь сама для нас произносила
Для примиренья нужные слова.

Красавица-учительница Нина Петровна Степанова осталась одна с двумя маленькими детьми на руках. В каждую минуту их такой короткой супружеской жизни она была рядом. И даже в дни разлуки. 15 марта 1942 года он писал любимой из Москвы в Ташкент:

Напиши письмецо скорее,
Я прошу тебя, милый друг.
Что поделаешь? Наше время —
Это время не встреч, а разлук.
Потому-то я так упрямо
В этот поздний московский час
Двадцать слов твоей телеграммы
Перечитываю двадцать раз.

Миллион жуков

Возможно, из-за этого заголовка мой папа, всю жизнь писавший стихи, прочитавший, как мне казалось, все книги на свете, а также обожавший спорт и спортивную журналистику, в итоге не избрал соответствующую профессию.

После окончания школы перед обладателем золотой медали были открыты все двери. Конечно, будь жив отец, он бы наставил маленького Мишу на литературный путь. А так — за компанию с друзьями — вперед, на биологический факультет МГУ. Именно там, у памятника Ломоносову, познакомились они — мои будущие мама и папа. Благодаря чему вскоре появился и первый на курсе ребенок. При выборе имени для которого вариантов не было.

Мама, закончив биофак, пришла на работу в Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН. Где на базе Института нейрохирургии имени Бурденко и работает по сей день. Уже в течение 60 лет! Доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, Галина Николаевна Болдырева записывает и расшифровывает биотоки мозга для выявления опухоли или другого заболевания. Мама — активно живущий человек: прополка дачного участка, все новые и новые цветы и клумбы, с недавних пор — скандинавская ходьба. И конечно же, регулярный бассейн. Ну а как, скажите, может отказаться от занятий плаванием чемпионка МГУ, однажды принесшая своему курсу победу на водной глади в очной дуэли с таким серьезным соперником!

Каким? Вы прекрасно знаете Владимира Познера. Правда, тогдашний студент биофака и будущий телеведущий после финиша утверждал, что река в районе университетской базы в Звенигороде, где биологи проходили практику, была очень мелкой и он задевал коленками за дно. Замечу, что мама, возможно, превзойдя в выборе тактики одного из самых мудрых людей на нынешнем ТВ, плыла на спине…

Папа посвятил свою жизнь биофаку, воспитал сотни студентов и проработал деканом родного факультета более 30 лет. Профессор Гусев был видным микробиологом и экологом, членом комиссии ЮНЕСКО. Иногда я достаю из письменного стола его статью о правильном, с точки зрения взаимоотношений человека с природой, устройстве мира, по сути дела, ставшую научным завещанием. И поражаюсь тому, как активно повсюду заговорили на эту тему. Сейчас. А ведь папы нет с нами уже второй десяток лет.

Остались его коллекция марок, подшивки любимого еженедельника «Футбол», тематические вырезки из «Советского спорта» и «Спорт-экспресса». Есть книги, книги и еще раз — книги.

И есть 13-летний мальчишка. Внук, которого он, к счастью, успел застать в этой жизни. Пусть совсем ненадолго — чуть больше года… Его тоже зовут Мишей.

Ученый Михаил Гусев на протяжении всей жизни оставался гуманитарием. Говорит об этом даже стиль его научных работ. А сразу после окончания университета папа предпринял попытку вырваться из стеклянного королевства пробирок и колб, отправившись на радио. В качестве первого испытания потенциальному сотруднику весьма заботливо дали задание на знакомую для него тему: очерк о человеке, собравшем уникальную коллекцию жуков.

Через несколько часов небольшой материал под одновременно служившим анонсом заголовком «Тысяча жуков в коллекции ученого» лег на стол редактора, а Михаил пошел в буфет, чтобы перед озвучкой прочистить горло горячим чаем. Вернувшись, он нашел на столе свою работу с визой «в эфир» и даже каким-то лаконичным, но приятным комментарием.

Редактором были внесены всего две правки. Обе — в заголовок. Теперь он выглядел так: «Миллион жуков в коллекции советского ученого!»

Однажды я спросил папу, почему же его карьера репортера так и не была продолжена? «Знаешь, что-то сразу расхотелось», — улыбнулся отец. В мире бактерий и водорослей приспосабливаться не требовалось.

От Африки до Антарктиды — самые суровые жизненные испытания в моей голове превращались в захватывающие жюль-верновские приключения. Потому что обо всем этом он мне уже когда-то читал. А там — всегда невероятно интересно и просто не бывает плохого конца.

Книги про мужественных и благородных. И то самое стихотворение Евгения Евтушенко, строчки из которого — со мной на всю жизнь:

> И если сотня, воя оголтело,
> кого-то бьет, — пусть даже и за дело! —
> сто первым я не буду никогда!

А мама поет мою любимую колыбельную: «Ему приснилось, что он моряк…» Это — навсегда. В какой стороне я ни буду…

Последний ответ Прусту

Кстати, о Познере. Все забываю сказать Владимиру Владимировичу одну вещь. На съемках и просто при встречах в коридорах Останкино возникают другие темы, а об этой вспоминаю лишь когда в очередной раз сажусь смотреть программу «Познер». Где последним из «вопросов Марселя Пруста» почти всегда бывает: «Что вы скажете Богу при встрече?»

Ответы звучат разные. И о раскаянии, и об отрицании по разным причинам самой возможности такой встречи, и, чаще всего, о благодарности…

А меня продолжает удивлять, почему же ни один из собеседников не дал столь очевидный ответ.

Вот он: «А где здесь у тебя все мои? Где папа, где сестренка? Где бабушки с дедушками — ведь я думаю о них каждый день! Проведи меня к ним, дай обнять».

Неужели этого хочу только я?

Ведь про раскаяние и благодарность, согласитесь, можно и после…

Глава вторая
Волосы и портвейн

Пьющие школьники учатся хуже, чем непьющие.

С советского агитационного плаката 1930 года

Розги по-советски

В моей школе пороли детей. В год первого полета человека в космос.

Точнее, пороли не всех. А если совсем точно, то одного. Нет, не меня. Остроухова. При этом со значительной долей пафоса водружая его на учительский стол. Наказывали ремнем, но, уверен, не больно. Во-первых, серых, мышиного цвета (а иногда, казалось, и происхождения), штанов не снимали: как-никак время раздельного обучения было уже позади, и в классе имелись девочки. Во-вторых, на лице нашего однокашника никогда не было слез, а вот задорные гримасы присутствовали. Ну и, в-третьих, — банальное: если бы Остроухову было действительно больно, то он вряд ли продолжил бы совершать свои хулиганские поступки. Или, во всяком случае, не делал бы этого с таким приводящим в бешенство учителей упорством.

Поводом для одной порки невольно стал я. Дело в том, что я попал в эту «простую» школу исключительно из-за своего знака Зодиака. По тогдашним правилам спецшкол ребенку должно было исполниться 7 лет строго до 1 сентября. Поэтому мне, родившемуся 27 октября Скорпиону, путь в заветную «с преподаванием ряда предметов на английском языке» был заказан. Родители решили однозначно: год терять нельзя, а в «английскую» можно будет перескочить и следующей осенью.

Так доморощенный Витюша из «писательского дома» в Лаврушинском переулке, бегло читавший с пяти лет, оказался в одном классе с ребятами из подвалов и коммуналок Замоскворечья. Больше всех моему появлению обрадовалась замотанная жизнью учительница. Как минимум три раза в неделю мне выдавалась книга. Читай! Вслух! Сама же классная садилась за парту в уголке и проверяла тетради старших классов, при этом периодически засыпая. В комнате ее коммунальной квартиры с двумя маленькими детьми на руках возможности для нормального сна были ограничены.

Вот и в тот день, стерев с учительского стола воображаемую кровь Остроухова, я устроился на учительском же стуле и взялся за Марка нашего Твена. И, дойдя до хулиганистого беспризорника-бродяги Гекльберри Финна, невольно, без какой-либо задней мысли поднял глаза на него.

За словом мой опальный одноклассник в карман не лез никогда: «Пошел на х…… чтец!» Класс замер от ужаса. Но его руководительница лишь сладко всхрапнула над домашним заданием.

Впрочем, как это обычно бывает, нашлись те, кто доложил. Ведь октябрята всегда стояли за правду (тут, кстати, мне очень интересна лексика доноса). И весьма символическое, к счастью, наказание вновь настигло «несчастного».

В спецшколу меня перевели в середине второго класса. Там читали уже все, а многие даже по-английски. Для бывшего отличника наступили очень непростые времена. Довольно скоро из уст завуча в адрес моей мамы прозвучал почти приговор: «У нас особая школа. Мы готовим будущих переводчиков, журналистов, вообще публичных людей, умеющих общаться. Возможно, даже с большой аудиторией. У вашего сына этих качеств нет. Вам лучше выбрать что-то попроще».

Часто вспоминаю эту фразу и радуюсь, что в итоге все как-то более или менее обошлось.

Ну, за синекдоху!

Моя новая школа, навсегда оставшаяся родной и любимой, конечно же, не была лишена заморочек своего времени.

«Ты, что, волосы будешь до ж… растить?» — ласково обратился ко мне директор на торжественной линейке, посвященной возвращению учеников после летних каникул.

И как-то сразу стало ясно, что три прекрасных беззаботных месяца, посвященных футболу, «битлам», «битлам» и еще раз «битлам», уступили место… Чему? Ну, хотя бы необходимости каждый день созерцать монументальное панно, появившееся на школьной стене за время нашего отсутствия. Там был изображен сам директор в позе не Леннона, а Ленина, указывающего молодежи правильный путь во взрослую жизнь.

Глава нашего учебного заведения на плакате в гордой позе стоял, а вот в реальной жизни сел. Причем, по непроверенным данным, за нездоровый интерес к юным пионерам. Поэтому картина, до того как ее заштукатурили, успела приобрести особый смысл.

Впрочем, настоящим лицом школы, к счастью, были совсем другие люди. Великий преподаватель русского языка и литературы Давид Яковлевич Райхин с его классическим обращением к нам: «Отроки и отроковицы». Фронтовик, интеллектуал, понимавший всю убогость, ограниченность и зацензурированность программы, пытался донести до нас хоть что-то свежее. И ко всему прочему, давал советы, выходящие за пределы обязательного и предусмотренного. Например, одалживая ручку забывчивому ученику, наставлял: «Вообще-то свою ручку никому никогда не давайте. Так же, как свою зубную щетку и свою жену». В силу возраста мы не совсем понимали последнюю часть мудрой фразы. Но тем не менее чувствовали, что произносится нечто жизненно важное, ценили и любили за это своего преподавателя. А подкорка записывала. И, когда пришло время, главное всплыло. Во всяком случае, мне так кажется.

Я до сих пор не понимаю, как «Евгения Онегина» можно проходить в восьмом классе?! Точнее, понимаю, но только если делать это под особым углом. А конкретно — если тема сочинения по пушкинскому роману в стихах звучит так: «Угнетение крестьянства в царской России». Пять-шесть требуемых страниц предлагалось выстраивать вокруг всего лишь восьми строк из бессмертного произведения, словно специально на радость советской школе вставленных в свое творение

Александром Сергеевичем:

…В саду служанки на грядах
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели!
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)…

Я отдаю должное изобретательности школьников того времени… Накрутить целое обличительное сочинение на тему в общем-то неведомого тебе и по большому счету не сделавшего тебе ничего плохого политического режима, пользуясь при этом всего одной цитатой! Сегодня я бы это точно не осилил!

Райхин мог взять и устроить в классе спонтанную викторину — предвестницу, если хотите, телевизионного «Миллионера» или «Что? Где? Когда?». Например: «Пять тому, кто приведет пример синекдохи!»

И я уже тяну руку, потому что это-то я знаю! На литературе, русском, истории мы с моим другом на все времена Серегой Ужви — на первой парте! Это на математиках с физиками прячемся за спинами одноклассников. А в гуманитарных мы короли!

— «Все флаги в гости будут к нам», Давид Яковлевич!

— Садись, отрок, пять! Как обещал.

Отлично! Вот и обмоем. Прямо сейчас. На переменке.

Секундочку! В каком смысле?

Полную правду — так полную, а иначе зачем все эти рассказы? Ну а мой сын — школьник, надеюсь, поймет. И все же обратит больше внимания на синекдоху.

Да, на переменах мы выпивали. Класса с восьмого. Ученики элитной замоскворецкой школы между английским и черчением юрким ручейком спускались на набережную. А там — еще вниз, на пресловутые три ступеньки. К автоматам. Нет, дорогой читатель XXI века, не к игровым.

Автоматы выдавали портвейн. Ну, или то, что тогда называлось этим именем. Много лет спустя, попав в Португалию, я понял, что на самом деле портвейн — это… Стоп! Сейчас речь о другом.

Темная, непрозрачная жидкость была сладкой. Наверно, этот фактор все и решал. Вряд ли мы, еще в общем-то дети, со всеми особенностями вкусовых пупырышек наших языков стали бы пить водку. Да и кислое сухое вино не могло оказаться таким

магнитом. А вот портвейн, напоминавший забытый на солнце компот из сухофруктов, — это то, что надо!

Сделать все необходимо было «технично» — одно из любимых определений моего второго закадычного друга Андрюхи Гладкова, внука автора романа «Цемент» Федора Гладкова и соседа по песочнице.

Опущенная в разъем 20-копеечная монета давала тебе примерно две третьих стакана. Чтобы с помощью следующего двугривенного граненая емкость заполнилась до краев без даже минимального пере- или недолива, нужно было отпить так, чтобы места для второй порции освободилось достаточно — не больше и не меньше. Сказано же: «технично»!

Пили быстро. Без тостов. Школьная перемена всего на три минуты длиннее перерыва в футбольном матче. И — назад, за парты.

На родительском собрании наш математик Лев Давыдович Кобзон, кстати, родной брат Иосифа Давыдовича, недоуменно говорил собравшимся мамам и папам: «Думаю, ребятам надо поменьше играть в футбол на переменах. Да, это, конечно, хорошо, что они возвращаются в класс такими розовощекими, но уж слишком возбужденными».

До Райхина русский язык и литературу нам преподавали прекрасные женщины, похожие на музейных смотрительниц. Хорошо помню, как Антонина Ивановна Мухина настаивала на слове «раздевальня» вместо «раздевалка».

Как же я благодарен им за муштру! «В своей автобиографии Максим Горький…» — «Садись, двойка! Горький чужих автобиографий не писал!»

Вслед за моими школьными преподавателями профессора Института иностранных языков говорили: английский с французским подождут, мы сначала научим вас русскому — остальное приложится. Сегодня я не хвастаюсь какими-то особыми талантами: что-то в журналистской профессии умею, что-то — нет. Но точно знаю, что у корректоров, правящих этот текст, особых проблем не возникает.

Восстание «машин»

Возвращаясь к волосам. Тем самым, которые (все-таки директор школы немного преувеличивал их длину) лишь ниспадали на плечи. Мы-то ладно, но как вдруг взять и постричься тем, для кого мощная растительность на голове — часть сценического образа? Например, «Машине времени»? Да-да, легендарная группа Андрея Макаревича родилась именно в нашей «гимназии»!

Тогда они, наши старшеклассники, назывались «машинами» — во множественном числе. И «Time Machines». Просто при живых «The Beatles» название группы не могло быть в единственном. И не на английском. Тем более что тот репертуар команды Макаревича состоял еще не из собственных песен.

«Машины» вовсю играли на наших вечерах, что вызывало дикую зависть соседних школ. Ну и, конечно, имели соответствующие прически, пока костлявая рука директора (а он и на самом деле был худ) не добралась и до музыкантов.

Как сейчас помню их триумфальный проход по школьному коридору, наше благоговейное молчание и растерянность супостата. Да, «машины» постриглись. Но по призыву своего лидера — наголо! И не придерешься. Все, как было велено: нет волос! Но отправить стричься можно, а вот назад к бритому черепу волосы уже не приклеишь.

Замечу, что довольно скоро в группе не осталось ни одного из школьных товарищей Андрея. Но жесткие решения диктовала логика развития «Машины». Она становилась профессиональной группой, требующей музыкантов соответствующего уровня.

Много лет спустя мы с Макаревичем несли олимпийский факел по улицам Генуи. Это была часть эстафеты, конечным пунктом которой стал стадион в Турине, где состоялось открытие зимних Игр 2006 года. В нашу славную команду тогда вошли также Ирина Роднина, актер Александр Лазарев-младший, фигуристы Ирина Лобачева и Илья Авербух, журналист Дмитрий Губин. Помню, что Андрею достался самый трудный участок. Из всех нас только ему пришлось бежать в гору. Что ж, «Мы в такие шагали дали…».

Завершив забег, наша группа отмечала очень приятное и, думаю, знаковое даже для трехкратной олимпийской чемпионки событие шампанским. Выбрали для этого довольно странное место — гостиничный коридор, куда выходили двери наших номеров. Уселись прямо на полу. А усиливало эффект картины то, что бутылок было не одна и не две. Просто каждый вынес свою

из мини-бара. Роднина, Макаревич, Авербух… До сих пор не могу забыть лица семейной пары из России, в этот момент заселявшейся в отель именно на нашем этаже.

…А еще через три года резонансный призыв Макаревича повлиял на мое решение принять предложение Центра защиты прав животных «Вита» отправиться в Архангельскую область на берег Белого моря, лечь там на лед и не пустить охотников к беззащитным детенышам тюленей. Глаза бельков были очень похожи на глаза Мишки, моего тогда трехлетнего сына. Можете себе представить, какое впечатление на меня произвело торжественно предъявленное мне сторонниками жестокого промысла официальное «социально-экономическое соглашение о забое детенышей». Еще и с цифрами «квоты на забой»!

Живой щит, который весной 2008 года вместе со мной образовали Лайма Вайкуле, Алена Свиридова, Александр Ф. Скляр и Артемий Троицкий, сделал свое дело! Из Москвы нас поддержал депутат Госдумы, мой старинный друг, ученый и путешественник Артур Чилингаров. А ответом на нашу акцию отчаяния стал президентский указ, запрещающий истребление несчастных животных.

Когда я окажусь на Божьем суде (если, конечно, туда допускают атеистов) и вслед за историями, требующими покаяния, мне будет предложено рассказать о каком-то хотя бы одном хорошем поступке, я скажу, что защитил бельков.

И, кто знает, возможно, этого хватит…

Глава третья
Трудности перевода

Десять негритят пошли купаться в море,
Десять негритят резвились на просторе.

Агата Кристи. Десять негритят

Разрядка напряженности

Нас было десять. Счастливчиков из Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза, отобранных для стажировки в США на период лето — осень 1975 года.

Благостное время для советско-американских отношений. Побывав на экскурсии в Вашингтоне, мы, запредельно привирая, рассказывали своим новым заокеанским друзьям о том, что плавали в бассейне Белого дома вместе с президентом Фордом. И они искренне верили. А потом нас повезли в элитную военную академию США в Уэст-Пойнте. И — вот это уже правда — мы ходим по комнатам общежития (язык не поворачивается назвать его казармой), где располагались курсанты со специализацией (внимание!) русский язык. Прекрасные ребята, говорящие с московским, а если родина прикажет, то и с рязанским акцентом не хуже нас с вами. Хм, интересно, где-то они сейчас? Куда забросила их, скажем так, судьба?

А потом в какой-то из свободных дней трое из нас оказались там, куда по ходу строительства, видимо, не допустили установщиков тротуарной плитки. И поэтому мы шагали из нашего университетского кампуса в торговый центр прямо по трассе… По-советски гордо отказали пяти остановившимся машинам, думая, что придется платить. Нашу извечную дилемму понял только шестой водитель: «Садитесь, отвезу, куда надо, без денег — во имя разрядки».

Современный читатель может не понять, что речь шла о разрядке международной напряженности. Ну, появился тогда ненадолго такой, как сказали бы сейчас, «хэштэг».

Скажу сразу, все мы были студентами, а не студентками, что неудивительно, ведь девочек на переводческом факультете традиционно почти не наблюдалось. Аргумент: толмач — не женская профессия. Она, во-первых, трудна физически, а во-вторых, связана с поездками за границу, где именно девчонки, конечно же, склонны по уши влюбляться. И тогда, наплевав на перспективы грядущего через 20–30 лет общества коммунистического благоденствия и русские березки… Короче, понятно.

На следующий год вредные американцы ответили отправкой по обмену в Москву группы из девяти дам с одним парнем в роли этакого пастуха. Впрочем, и он, честно говоря, был больше похож на пастушку.

Но пока — год 1975-й. Август. «Аэрофлот» с тогда еще

разрешенным курением и обилием спиртного несет нас в Нью-Йорк, чтобы из главного города Америки мы отправились уже к месту окончательного назначения — Олбани. Размышляя об исторической несуразности того, что такой мегаполис, как Нью-Йорк, не является не только столицей всей страны, но и своего собственного штата, где главный — как раз город нашего грядущего университетского пребывания, я получаю записку с заднего ряда: «Привет от Василия Петровича. Передай дальше».

Чтобы, как говорят американцы, сделать длинную историю короткой, скажу, что автором текста был один из нас, накануне отлета приглашенный в организацию, координировавшую подобные поездки. Как, впрочем, и все остальное в жизни страны. Но под грузом поставленных перед ним задач наш добрый друг не понял, что ответственная функция «стучать» возложена исключительно на него, чистосердечно посчитав, что на беседе в самом центре Москвы побывал не только он, но и все члены отправлявшейся в Америку группы. Вот в самолете он и отправил нам этакое приветственное письмо в стиле: «пролетая над территорией Франции, шлю привет…»

Недоуменные взгляды остальных помогли ему быстро осознать собственную ошибку. Впрочем, на наше счастье, назначенный информатором оказался не только наивным, но и порядочным человеком. «Личные дела» нашей славной десятки, до сих пор хранящиеся в институтских архивах, в итоге не пополнились компроматом. Во всяком случае, так мне сказали несколько лет назад на встрече в альма-матер. И даже в знак благодарности за проведенный в качестве конферансье праздничный вечер подарили мое досье. Правда, почему-то без трех страниц. Ну, затерялись, наверно.

«Сладкие подружки»

Университет штата Нью-Йорк встретил нас в кромешной ночи прекрасными улыбками девушек, изучающих русский язык. Но уже их первый вопрос заставил подумать о том, что пресловутый Василий Петрович совсем не напрасно так беспокоился о судьбе своих невольных подопечных.

«Do you know the names of your suitemates?» Вопрос: «Знаете ли вы имена ваших соседей по комнатам?» — более чем безобиден. Но только в написанном виде. А прозвучал он для нас в тот «первый вечер свободы», как: «Известны ли вам имена ваших сладких (sweet) подружек?»

Почему мы не знали столь простое слово «suite», обозначающее всего лишь гостиничный номер, — об этом разговор особый. Но в тот момент в девяти комсомольских и одной партийной головах пронеслось: «Ну, вот, началось!» Правда, если быть до конца честным, пронеслось-то пронеслось, но не очень напугало. А может (эх, Петрович, правду так правду), даже, наоборот.

И тут же, как в довесок, о бритве. Веселая Мишель, дочь американского дипломата, когда-то жившая в Москве, вдруг показала на залепленную пластырем лодыжку: «Вот сегодня брила ноги и порезалась».

Ого, они ноги бреют?! А зачем? Мы, конечно, слышали о всяких там извращениях, но это что-то новенькое… Еще раз напоминаю: 1975 год.

Впрочем, убедительно сказать свое слово мы смогли быстро. Американки достали начатую бутылку «Southern Comfort», предупредив, что это «очень крепко — специально для русских». Мы сказали: «Конечно, девчонки, целых 30 градусов — это сильно!» И ответили пятью бутылками водки. Сразу и безумно расточительно бросив на кон одну четвертую нашего общего запаса.

Что и говорить, мы в 19–20 лет прилетели в совсем другой мир. Да и сам английский язык был у нас другим. Я не собираюсь бросать камень в родной МГПИИЯ, ставший сейчас Лингвистическим университетом. Больше того, вернувшись домой после четырехмесячной стажировки, я понял, что в академическом смысле за это время даже отстал от остававшихся дома друзей по группе. Теория перевода, языкознание, история языка, английская литература — все это преподавалось на очень высоком уровне, в хорошем ритме, по умно составленным программам.

Да и сами американцы отмечали наши глубокие знания и подготовленность по многим аспектам лингвистики. А уж когда речь заходила о политике, тут их челюсти вообще отвисали: поговорить с нами на тему нераспространения стратегических вооружений или все той же разрядки не мог никто из новых заокеанских друзей. Зато в некоторых других областях мы откровенно плавали. Казалось бы так просто: хочу глазунью, а не болтушку. Эх, ну ладно, давайте, что хотите! Ведь детали слишком сложно объяснять. Ну, что делать, не преподавали нам в инязе про яйца.

Чего-то мы не знали просто из-за отсутствия некоторых понятий в той нашей жизни. Готовя в качестве курсовой работы перевод рассказа Джона О'Хары «Деньги», я был вынужден попросить знакомых американцев объяснить мне значение неведомого слова: «рэкет». И в сноске, внизу страницы, вкратце расшифровал смысл этого «уродливого явления в жизни капиталистического общества». В свою очередь, мое сообщение об отсутствии «рэкета» не только в советской жизни, но и в русском языке как таковом вызвало дополнительное уважение американских друзей к далекой стране.

Фразы для любовных признаний давались значительно легче. Когда в этом возникала необходимость, мы прекрасно объяснялись строчками из любимых английских песен. Благо Джон, Пол, Джордж и Ринго спели все главное.

Наша руководительница, почтенная Инна Павловна Крылова (хм, перечитав начало фразы, подумал, что она тогда была значительно моложе меня нынешнего), оказалась далеко не ханжой и прекрасно понимала пыл горячих сердец своих юных подопечных. Да и задача ее заключалась не в том, чтобы нам что-то запрещать, а в том, чтобы это «что-то» в итоге не повлияло на численность группы при возвращении домой. Как у Агаты Кристи: «И вот вам результат — девять негритят!» Попутно замечу, что в оригинале у знаменитого автора детективов речь шла не о негритятах, а о «маленьких индейцах».

В представлении Крыловой, у большинства американских студенток, окружавших ее «мальчиков», как она нас называла, была одна цель: склонить к невозвращению на родину. Тем более что, к вящему ужасу Инны Павловны, «герлз» были рядом с нами не только в часы учебы, но и в тревожное время отдыха от занятий.

Под крылом у Крыловой

Крылову заботила и наша безопасность. Так, было сказано решительное «нет» любым рок-концертам. Причем аргумент «там слишком много насилия» стал главным основанием для вето, наложенного не только на посещение в общем-то безобидной группы «The Doobie Brothers», но и двух выступлений совсем уж фольклорных ансамблей. А я бы с удовольствием пошел и на кантри. Просто мне, уже тогда балдевшему от рок-музыки, хотелось — если уж нет Цеппелинов или Флойд — попасть хоть на что-нибудь. Хоть одним глоточком вдохнуть атмосферу места, где мои кумиры в принципе могли бы быть, а может, даже когда-то бывали.

Нынешнему поколению любителей рока, избалованному регулярными приездами в Россию всех и вся, сложно понять это чувство. И все же я не завидую моим юным друзьям: лучшие-то все равно уже не приедут. Просто они со своими гитарами, барабанами, а уже многие — и с жизнями, навсегда остались там же, где наша молодость, мечты и первая любовь.

Единственным просчетом, который за все время допустила наша руководительница, оказалась поездка в Бостон. Альтернативный вариант Баффало она отвергла: «Там только Ниагарский водопад, мальчики, а Бостон — город настоящей американской культуры». И действительно, прибыв в столицу штата Массачусетс, мы сразу отправились на выступление… советского цирка.

Мне, честно говоря, уже давно непонятно, когда, попав за границу, соотечественники начинают искать, скажем, русские рестораны. Зачем? Смысл-то в том, чтобы попробовать как раз не наше, а местное. Понимаю, если ты годы живешь вдали от родины. Но если это недельная поездка!

Русский цирк — еще более вопиющий пример. В условиях всего одного дня в Бостоне! Ну, Инна Павловна и получила то, что «хотела». У входа — люди с плакатами: «Советский клоун смеется, а советский еврей плачет». И корреспонденты с микрофонами наготове. Вот и съездили в город настоящей американской культуры.

Для еженедельных, а также дополнительных, экстренных собраний группы Крылова нашла надежно окруженную кустами площадку на задворках кампуса. Собираться внутри общежития было нельзя, ведь, по словам бдительной руководительницы, комнаты и коридоры американцы, наплевав на разрядку, напичкали подслушивающей аппаратурой.

Уже много лет спустя, снова посетив Олбани, я узнал, что пятачок, где проходили наши летучки, был местом сбора университетских любителей марихуаны. Так вот, оказывается, кто были эти люди, смотревшие на нас, наконец-то вышедших из кустов, такими полными признательности глазами.

А эмоциональные слова Инны Павловны о том, что такую симпатию во взгляде она в последний раз видела у иностранцев двадцать лет назад в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, сразу приобрели дополнительный смысл.

Солженицын в шампуне

Ближе к концу стажировки принимающая сторона сделала нам неожиданное предложение. Дело в том, что летом следующего года Америка должна была отметить 200-летие независимости. Так вот, руководство университета сказало: оставайтесь. Еще на семь месяцев, до четвертого июля 1976-го. Все расходы мы берем на себя.

На широкий жест американцев совершенно непредсказуемым и удивительным для нас образом отреагировала Москва. Пусть ребята решат сами! Иняз дал нам карт-бланш.

Голосование группы закончилось с теннисным счетом 6:4. В пользу того, чтобы не менять сроки и немедленно возвращаться домой. Много лет спустя как минимум два человека признались, что они готовы были продолжить стажировку, но проголосовали иначе, подумав, что демократизм родного института — это на самом деле проверка, ловушка, провокация.

Итак, мы собирались домой. 72 доллара в месяц, которые нам выдавали в течение почти полугода, были тогда приличной суммой. Джинсы по 11 долларов, пластинки по 3–4, кока-кола из автомата по 25 центов за баночку, кстати, тоже входившую тогда в число экзотических сувениров… А еще — в большом количестве книги и подаренные нам американцами толстенные словари. В итоге наши чемоданы набрали неприемлемый для «Аэрофлота» вес.

Ручная кладь, спасай, милая! Помню, один из нас, купивший юной жене искусственную шубу, вложил к ней в кофр еще несколько килограммов печатных изданий и небрежно (мол, так, мелочь в салон) перекинул его через мощное плечо. Уловка едва не закончилась серьезной травмой. Провожавший нас местный профессор решил помочь гостю и перехватил у него «шубу». Не ожидая, что предмет одежды может оказаться столь тяжелым, ученый под грузом родной литературы рухнул на пол прямо перед таможней.

Наши прозаические проблемы не очень волновали моего близкого друга. Ведь он был занят упаковкой литературы запрещенной. По одному листочку — в специально для этого купленные бутылочки с шампунем.

Маленькая книжечка с протоколом заседания Союза писателей СССР по делу Александра Солженицына была обработана по всем, какими я их себе представляю, законам контрабанды. Каждая страничка крамольного текста заворачивалась в маленький целлофановый пакетик и

отправлялась в густую непрозрачную жидкость. В итоге таможня — уже советская — не усмотрела ничего странного в запредельной «чистоплотности» студента, везущего домой со стажировки пятифлаконовый запас жидкого мыла. Потом видел странички развешанными у друга в ванной — подсушиться. А шампунем вся его семья пользовалась еще полгода. Как раз до 200-летия независимости США.

Книга была сброшюрована обратно и надежно спрятана. Сегодня аналогичную можно приобрести в Интернете простым нажатием компьютерной мыши. Что ж, в такие моменты вспоминаю Бориса Гребенщикова: «Восемь суток на тракторе по снежной степи… Красота никогда не давалась легко…»

Чем-то похожая ситуация, но уже с книгами авторства самого Александра Исаевича возникла у меня в Африке. В разгар войны в социалистической Эфиопии можно было спокойно купить любое из запрещенных в СССР изданий. Этим парадоксом с удовольствием пользовались наши военные переводчики, к числу которых я относился в период с 1977 по 1979 год.

С тех пор произведения Солженицына, творчество которого я очень люблю, в основном существуют в моей голове на английском. Ведь из всего собрания сочинений я впоследствии перечитал на русском только «Раковый корпус». Ну и, естественно, три восхитительных рассказа, переводная версия которых меня не интересовала. Ведь они еще в 62–63-м годах были опубликованы у нас в «Новом мире». Везти антисоветские книги домой, в отличие от моего друга, я не рискнул. Поэтому в ночь перед отлетом на родину установил собственный рекорд скорочтения на иностранном языке, с восторгом одолев последнюю — «В круге первом».

Глава четвертая
Эфиоп твою…

Итиопия тыкдем!
(Эфиопия превыше всего!)

Лозунг социалистической революции

Как в кино

Кубинский генерал, печатая шаг по дорожке императорского парка Аддис-Абебы, вальяжно приближался к дворцу. Да, именно так: вальяжно печатая. Ведь мокасины, весьма неожиданные в сочетании со строгой формой, придавали его, бесспорно, военной походке этакую небрежность.

Страусы не разбегались. Это месяца через два, когда Арнальдо Очоа разместит здесь под каждым кустом своих автоматчиков для защиты эфиопского руководства от отрядов оппозиции, забавные птицы начнут хрестоматийно прятать головы в песок. Пока же наша процессия не вызывала у них никакого страха. В нее, помимо самого Очоа, входили два его охранника из регулярной кубинской армии, советский генерал-лейтенант Чаплыгин и я, свеженький выпускник иняза, приставленный к грозному Петру Васильевичу в качестве переводчика английского языка.

Впрочем, два военных советника спокойно общались между собой и без моей помощи: кубинец был выпускником нашей Академии имени Фрунзе. А вот разговор с эфиопским президентом, точнее, председателем Временного военно-административного совета Менгисту Хайле Мариамом, на встречу с которым мы и направлялись, предстоял в основном на языке Шекспира. Ведь все более или менее высокие чины местной армии прошли обучение в западных военных академиях. И никто из них не настаивал на том, чтобы прибывшие на помощь в войне с соседним Сомали русские и кубинцы осваивали амхарский.

Правда, сам подполковник Менгисту получить образование на Западе не успел. Пришел он к власти еще сержантом, попросту расстреляв во время совещания правительства тогдашнего руководителя страны Тефери Банти. По сигналу будущего главы демократического африканского государства в зал императорского дворца вошла дюжина автоматчиков и сделала свое дело.

Стремительно продвинуться по лестнице воинских званий в такой политической ситуации было гораздо легче, чем освоить формы глаголов и правила употребления артиклей, поэтому местный переводчик с английского на амхарский на встречах все же присутствовал. Но исключительно для подстраховки.

Добавлю, что Менгисту занял дворец, не нарушив последовательности в развитии событий. Ведь его предшественники в свое время расправились с самим императором. Этакая жизненная эстафета. Вполне логичная, хотя,

согласитесь, весьма досадная для участника каждого предыдущего этапа.

Короче, жил да был один король, но речь сейчас не о нем, а о человеке в неуставных мокасинах, которые вдруг, совершенно неожиданно для нас с Петром Васильевичем, совершили поворот в сторону элегантно окаймлявших дорожку клеток со львами. Подойдя к одной из них, Очоа бросил на окружающих задорный взгляд и просунул руку сквозь решетку…

Бесстрашного дивизионного генерала расстреляют десять лет спустя. Не посмотрев на то, что он в исторический для Острова свободы час бок о бок с Фиделем Кастро и его соратниками бился против войск диктатора Батисты на легендарном Плайя-Хирон, что был Героем Кубы и членом руководства ее Компартии, что по приказу родной страны воевал не только в Эфиопии, но и в Анголе, а также обучал повстанцев в Конго и пытался поднять восстание в Венесуэле.

Внешне похожий на нашего знаменитого скрипача и дирижера Владимира Спивакова, статный и мужественный полководец имел не только заслуги, но и вид народного героя. Злые языки говорили, что именно это и не понравилось Фиделю.

Столь примитивное толкование судьбы генерала я стараюсь не принимать хотя бы из привитого в пионерском детстве уважения к лидеру кубинской революции. К тому же его именем сейчас названа бывшая Песчаная площадь в Москве, где я прописан.

И все же официальная версия меня тоже настораживает. Согласно приговору суда, состоявшегося в Гаване, Очоа был осужден за торговлю наркотиками, растрату и организацию коррупционных схем. Люди, изучавшие эту историю гораздо глубже, чем я, считают действительной причиной попытку военного заговора с целью начать на Кубе что-то вроде нашей «перестройки».

Ведь шел 1989 год. Говорят, кубинскими спецслужбами были подслушаны рассказы Очоа о том, что у его советских товарищей по оружию, с которыми он поддерживал связь и после завершения африканских кампаний, меняется позиция относительно ценностей социализма, что там, у них, близок переход к демократии. Потом — его весьма странная, нерешительная и неловкая попытка бегства в Майами на катере, арест и обвинение в государственной измене. 13 июля в кубинской столице приговор 58-летнему генералу был приведен в исполнение.

…А тогда рука Очоа скользнула по животу львицы. Пощекотав обалдевшее и застывшее от такой наглости животное, генерал подмигнул своему русскому визави. На что Чаплыгин,

вообще-то не отличавшийся особой любовью к шуткам, вдруг неожиданно и довольно громко пропел популярное: «Куба, любовь моя!»

Отправляясь домой после победоносной эфиопской операции, веселый, храбрый и жадный до жизни во всех ее проявлениях кубинец подарил нашему генералу роскошный «Мерседес». Который до сих пор покоится на дне то ли Красного, то ли Средиземного моря. Автомобиль было приказано переправить из Аддис-Абебы в Москву на грузовом самолете. С аналогичной истории, кстати, начинается новый фильм «Экипаж». Там герой Данилы Козловского решает сбросить в воду навязанную ему для транспортировки машину из-за возникшего перегруза. Вот и в реальной жизни летчики сослались на ту же проблему. А что там было на самом деле — кто его знает…

Появление элитной иномарки в измученной войной, болезнями и голодом Эфиопии не было чем-то удивительным. Кубинские подразделения, которые вели бои на Африканском Роге, вытесняя сомалийцев из захваченной ими пустыни Огаден, получали отличную материальную поддержку с родины.

Скажу сразу, что советских войск в Эфиопии не было, за исключением взвода охраны нашего главного, но очень маленького штаба в Аддис-Абебе. СССР в этом вооруженном конфликте был представлен исключительно военными советниками разного уровня — от специалистов по танкам и бронетранспортерам до опытных стратегов, которые должны были не только помочь спланировать важнейшие операции, но и переделать всю оргструктуру ВС Эфиопии. Логика здесь понятна: если ты полностью покупаешь для своей страны новое вооружение, то и организация твоей армии просто не может ему не соответствовать. В итоге эфиопы на каком-то этапе приняли все. Хорошо помню, как детально переводил для них наш устав в той части, которая касается, уж извините, количества солдатских, скажем так, голов на одно «очко» в туалете.

И, я вам скажу, обсуждение с эфиопской стороной было достаточно острым. Даже, извините, геморройным.

Так вот, единственное, что категорически не согласились перенять у нас наши африканские братья по оружию, так это военную форму. Причем не подошла она им не столько по климатическим соображениям (предлагались разные, в том числе облегченные, варианты), сколько по эстетическим. До нас эфиопов снабжали всем американцы. В августе 77-го советские генералы и полковники заезжали на ранее занимаемые ими виллы. Почти без преувеличения, сталкиваясь нос к носу в дверях с заокеанскими коллегами. Никогда не забуду, как наш

автомобиль едва не протаранил неожиданно появившийся из ворот американский джип, за которым на прицепе катилась приличного размера яхта. В частенько страдающей от жажды стране, вдали от каких-либо водоемов да еще и на высоте 2400 метров смотрелась она довольно странно.

Поддетые под форму и выглядывающие под горлом белоснежные маечки, свитеры цвета хаки с изящными карманчиками, пуговичками и специальными аккуратными заплатками на локтях, моднейшие даже для гражданской жизни высокие черные ботинки с рифленой подошвой — от этого эфиопы просто физически не могли отказаться. Особый разговор — роскошные натовские куртки. Получив одну из них (а вся форма выдавалась и нам), я ахнул от удивления. При росте 188 см и тогдашнем весе в районе 85–90 кг мне подошел размер SMALL! Даже подумалось, что это прием устрашения со стороны потенциального врага.

Куртку, кстати, до сих пор с удовольствием время от времени надевает племянник Митя. А ведь с памятного дня моей экипировки на складе вооруженных сил Эфиопии прошло 40 лет!

Она вам не танк!

Но возвращаясь к «Мерседесу». Так вот, снабжение у кубинцев было отменное. Как и вообще организация жизни в местах их дислокации. Я никогда не был на Кубе, но увиденное и услышанное в лагере под Аддис-Абебой точно легло в рамки моего представления о принципах жизни на далеком острове. Например, солдаты с Острова свободы за свое участие в африканской войне не получали денег. Только натурой: по возвращении на родину каждому выдавали холодильник и телевизор. Как и дома, для них на месте было отлично налажено медицинское обслуживание. Столы для пинг-понга, гимнастическое оборудование — все для спорта. И при этом Havana Club к обеду, а можно и к ужину. Приезжая в гости к добрым друзьям, мы неизменно возвращались домой, затаренные этим прекрасным кубинским ромом.

Наши специалисты и советники получали зарплату в бырах. Автокорректор моего компьютера упорно правит на «в барах», но это, конечно, не так. В барах, когда боевые действия приостанавливались, деньги мы, наоборот, спускали. А выдавались нам быры, носившие неофициальное название «эфиопские доллары». Ты заказывал финансисту в штабе ту часть зарплаты, которая была необходима для жизни, остальное же переводили на счет в виде валютных сертификатов или чеков, которые по возвращении домой можно было использовать в специальных магазинах «Березка». Стоит ли говорить, что выбор там был несравненно шире, чем в обычной московской торговле. Я бы даже сказал без сравнительного оборота: в «Березке» выбор был. Точка.

Если военные переводчики подчас забирали зарплату полностью, чтобы нормально питаться и делать различные покупки в городе — от книг на английском языке, выбор которых, как я уже отметил, поражал, до дефицитных тогда дома джинсов, — то многие кадровые военные поступали по-другому.

Дело в том, что годичного заработка, скажем, капитана, обучавшего эфиопских танкистов, хватало ровно на приобретение престижного автомобиля «Волга». Но для этого он должен был каждый месяц переводить на чеки всю зарплату! Тогда и только тогда в итоге набиралась нужная сумма. Нужная позарез. Ведь после года вполне могла прилететь замена. И тогда — все.

А как же жить?! Спасали привезенные из дома макароны и крупы. Алкоголь выменивался у местного населения если уже не на стекляшки и бусы (двадцатый век все-таки), то на элементы

военной экипировки и кухонную утварь. Частью натурального обмена порой становились и женщины.

Из многочисленных историй, связанных с этой стороной быта группы советских советников и специалистов, расскажу одну, к счастью, завершившуюся без неприятных последствий, которые, увы, имели место нередко.

Договорившись с местной проституткой, несколько наших специалистов по танкам решили «обезопаситься» и провести санитарную обработку объекта. Причем сделать это точно по правилам обращения с боевой техникой. Короче, прямо скажем, весьма доверчивую девушку погрузили в ванну со специальной жидкостью для чистки танков. Но «Ты — агрегат, Дуся» — это ведь только песня, выдумка… К счастью, парни быстро поняли свою ошибку. Эфиопка избежала серьезных ожогов, и только поэтому дело не получило огласки.

Так вот и жили. Один советник-артиллерист хвастался мне, что за год службы ни разу не держал в руках денег. Понимая ненормальность подобной ситуации, командование время от времени издавало приказ об обязательной выдаче хотя бы минимального количества местной валюты. Но, по сравнению с другими распоряжениями, которые требовали неукоснительного исполнения, это был, я бы сказал, этакий «приказ-лайт». Вспоминали о нем довольно редко, в основном когда на кого-то за тот или иной проступок накладывались финансовые санкции.

От кубинцев нас отличал не только принцип вознаграждения за боевые дела, но и достаточно скептическое отношение к происходящему. Да, даже вдали от своей страны мы оставались ее частью. Но я сейчас говорю не о тоске по милой сердцу Москве, не о неизменном первом тосте за родную землю и не о плече друга в бою.

Как и многие люди дома, мы осознавали всю неправильность происходящего в Советском Союзе, нелепость нашего пребывания в Африке и бредовость даже мелких деталей, из которых складывалась тогдашняя жизнь.

Так, в прифронтовой полосе мы конспектировали «Малую землю» и «Возрождение» — книги генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. А потом сдавали зачет в палатке парткома. Театр абсурда. Десять лет спустя эти книги, сработанные «литературными неграми» общества развитого социализма, будут изъяты из книжных магазинов и списаны в макулатуру.

Я снимаю шляпу перед мужественными диссидентами, выходившими тогда с протестом на Красную площадь. Но мы были слабее их. Говоря простым языком, не хотели, чтобы нас

били и сажали. Чтобы из-за нас страдали наши близкие. И, как многие наши сограждане, просто приняли правила игры. Нелепой, жестокой и, к счастью, закончившейся.

Так вот, на этом фоне кубинцы удивляли искренностью своих коммунистических убеждений. Наверно, лишь раза два в разговорах с самыми молодыми из них я почувствовал тень сомнения в правильности образа жизни у них дома. Да и то, по большому счету, касалось это каких-то мелочей.

Была ли тогда и есть ли сейчас на Кубе вот та самая «кухонная фронда», как когда-то у нас? Потому что если и была, то с иностранцами, даже из самой дружественной страны, они ничем подобным не делились.

Впрочем, генерал Очоа, возможно, эту заповедь нарушил…

Что же касается храбрости и какого-то потрясающего задора этого народа, то этим я всегда буду восхищаться. Пусть даже один кубинец едва не лишил меня жизни. Но об этом — в отдельной главе. Где про травмы.

Язык мой — друг мой

Твоя работа и подчас твоя судьба, здоровье, а то и сама жизнь во многом зависела от того, чьим языком ты был на протяжении двух лет службы. То есть кому и где переводил.

Работа с главным военным советником пришлась на первый год в Эфиопии. Все было делом случая. Во время распределения нас между небольшим числом советников и специалистов, прибывших на Африканский Рог первой группой, почти сразу после начала войны, Чаплыгин увидел в моей биографии строчку об американской стажировке двухлетней давности. Видимо, это произвело впечатление на генерала: «Пойдет ко мне!»

Густые седые брови Петра Васильевича нависали над глазами, которые казались мне то стеклянными, то наполненными яростью зверя. Прямо скажем, генерал был беспощаден не только к врагу. В самом начале службы я совершил то, что до сих пор считаю переводческим подвигом: за вечер и ночь перевел на английский устав Вооруженных Сил СССР. В сокращенном виде, но, поверьте, это была приличная стопка отпечатанных листов. После чего, обессиленный, уснул на бильярдном столе клуба советского посольства в Аддис-Абебе.

Мне до сих пор кажется, что за все время социалистического строительства в Эфиопии, которое благополучно закончилось отказом от светлой идеи, никто так и не прочитал мое творение от начала до конца. Но приказ есть приказ. Чаплыгин отправился спать (тогда он еще не переехал на виллу, а жил в одном из номеров посольской гостиницы), а я наедине с печатной машинкой взялся за работу, по сравнению с которой, скажу вам, Геракловы авгиевы конюшни — ничто. Конечно, в смысле затраченного труда, а не предмета работы — не хочу прозвучать неуважительно к уставу.

На утреннюю благодарность я не рассчитывал изначально, понимая: не детский сад! Но еще меньше ждал критики. «Чего глаза красные? Пил всю ночь? И по девкам?»

Думал ли я тогда, что этот ужасный, несправедливый и мрачный человек в один прекрасный день будет называть меня «Витюхой» и угощать яичницей собственного приготовления?

В критический для эфиопской революции момент мы пасмурным утром по пустынной Аддис-Абебе продвигались к императорскому дворцу. Водитель Толя с автоматом под правой рукой. Сам Чаплыгин на переднем сиденье с пистолетом в кармане. И у меня на заднем зачем-то сразу и то, и другое. Несмотря на светлое время суток, казалось, что по улицам

шныряют тени. За каждым углом виделся террорист, хотя тогда ныне ежедневно пугающее нас слово еще не стало обиходным, и мы вслед за официальной местной прессой называли их «анархистами». На самом деле то были боевики оппозиции, много лет спустя свергнувшей-таки режим Менгисту.

За час до этого Петр Васильевич разбудил меня в гостиной своего посольского номера (на всякий случай ночевать я остался на «советской территории»). Тогда-то и прозвучало немыслимое: «Витюха, вставай! Завтрак готов».

Видимо, когда дело доходит до края, до реальной опасности, тут и проявляется истинная суть человека. А надувание щек и начальственный окрик — для другого времени. Как это ни парадоксально звучит — для более спокойного, некритичного.

…Теперь императорский парк выглядел совсем не так, как в день памятной львиной эскапады кубинского генерала. Что уж говорить о несчастных страусах, если даже львы, казалось, поджали хвосты. За час до нашего прибытия была первая попытка атаки дворца. Пусть легкая, с которой без труда справилась охрана, но даже одиночные выстрелы не могли не напугать животных.

И самого Менгисту тоже. Председатель Временного военного административного совета предстал перед нами явно не в себе. Его мальчишеское, кстати, достаточно симпатичное лицо было искажено гримасой страха. Холодная, потная рука. После рукопожатия я невольно вытер свою о брюки, тут же уловив на себе недовольный взгляд руководителя протокола.

«Менгисту, что ты трясешься? Ты же глава государства. Люди на тебя смотрят». Голос советского генерала сотрясал стены зала для переговоров. Я пытался переводить адекватно, сохраняя и стиль, и интонацию. Понимая, что в такой ситуации это особенно важно. А Чаплыгин поднялся из кресла и приоткрыл оконную занавеску. «Смотри, кубинцы под каждым кустом, все контролируют. И мы тебя не бросим, не бойся».

В тот год пресловутые «анархисты» еще не были сильны. Их время придет значительно позже. На следующий день с улиц убирали трупы. В основном молодых людей. Убирали не сразу. Дав полежать в луже крови. Чтобы другим неповадно было…

На двух стульях

Мое «понижение», то есть дальнейший переход от Чаплыгина под начало советников рангом пониже, было обусловлено хитрым решением руководства нашего Министерства обороны. Прилетевший из Москвы коллега, который заменил меня в работе с главным, знал еще и амхарский. Эфиопской стороне об этом до поры до времени ничего сказано не было, и переговоры по-прежнему шли на английском. А после составлялся полный отчет о том, что по ходу дела наши африканские друзья говорили друг другу.

Кстати, прислушаться к их разговорам между собой был смысл, причем, скорее всего, даже не на переговорах. Все же на этих официальных заседаниях если критика русских партнеров-союзников и появлялась, то касалась она лишь вопросов стратегии и тактики ведения боевых действий. Тем более что первые три месяца войны мы удивительным образом сидели на двух стульях. Ведь советские военные и вооружение одновременно были и на стороне противника, у сомалийцев. И пока Брежнев решал, какое из двух «строящих социализм» государств перспективнее для Советского Союза, столь странное положение сохранялось. Стоит ли говорить, что, когда предпочтение отдали Эфиопии, наши пушки и танки, в отличие от людей, даже не пришлось забирать обратно: достаточно было прекратить поставку запасных частей.

А «тайное» знание местного языка позволяло понять настроение эфиопов и на дружеских встречах, тем более после нескольких стаканов на вкус легкой, но сбивающей с ног медовухи…

Я с самого начала своего пребывания не верил в то, что офицеры, раньше верой и правдой служившие незаконно свергнутому императору, проходившие обучение в американских и английских военных академиях, могли в одночасье принять веру в социализм. И намеки на инакомыслие за время моей более чем двухлетней службы постоянно возникали то там, то тут.

Помню даже одну неожиданную встречу с местным поэтом-диссидентом. Вы прекрасно понимаете, какие ассоциации, какие параллели это вызвало у меня, прилетевшего из Советского Союза, тогда, в конце 70-х. Сидели у него дома. Он говорил полушепотом, был предельно откровенен, доверчив и смел. Стоит ли добавлять, что полагавшийся рапорт о той встрече мной написан не был.

Десять лет спустя после демобилизации я, уже сотрудник

ТАСС, совершенно опустошенный стоял у телетайпа агентства Ассошиэйтед Пресс или Рейтер, принесшего ужасную для меня новость. Группа эфиопских военных воспользовалась тем, что Менгисту был с государственным визитом в ГДР, и подняла мятеж.

Они совсем немного не рассчитали по времени. Председатель вернулся и под флагом «красного террора» покарал восставших.

Через два года один из жесточайших правителей XX века, свергнутый со своего поста, бежит в Зимбабве, где его примет другой тиран — тамошний президент Роберт Мугабе. На время написания этой книжки 76-ти или 80-летний Менгисту (дата его рождения в различных документах указана по-разному) живет там в статусе политического беженца. Приговоренный на родине за убийства, пытки и голодную смерть сотен тысяч людей сначала к пожизненному заключению, а потом и к смертной казни. До сих пор Менгисту винит в своем свержении Михаила Горбачева, в 1990 году прекратившего оказывать военную помощь Эфиопии. Бывший тиран с семьей занимает правительственную виллу и перенес всего одно неудавшееся покушение.

А тогда телетайп безучастно печатал расстрельный список. Двенадцать участников заговора. В алфавитном порядке. И первый из них, о боже мой: Алемайеху Деста!

На свадьбе дочери этого интеллигентного, остроумного, хорошо одевавшегося полковника, выпускника военной академии США я пел русские песни и отплясывал эфиопские танцы. А после отпуска привез ему, сибариту и жизнелюбу, в подарок табак из дьюти-фри и наши дефицитные в Эфиопии рыбные консервы: сайру, шпроты, печень трески…

Лучшая рыба — колбаса

До сих пор очень грустно. Но чтобы отвлечься от печальных мыслей — несколько слов о еде. Конкретно — как раз о рыбе.

Помимо всех естественных тягот, служба в Эфиопии стала для меня жизненным уроком еще и в постижении того, что (ах, как это мудро, Виктор!) люди бывают разными.

И армия — не исключение. Как и в любой другой сфере жизни, здесь рядом с тупицами, карьеристами и подлецами были достойнейшие, принципиальные люди, подчас настоящие герои. Причем вторая категория, на мой взгляд, явно перевешивала. Что и понятно. В такие командировки наш Генштаб старался посылать лучших, причем не только в профессиональном смысле.

Не станет для служивших в армии откровением и то, что со временем память сохраняет в основном хорошее, а плохое уходит куда-то в сторону, забывается. Вот попытался вспомнить что-то негативное, а в голову приходят лишь в худшем случае примеры чудаковатости некоторых наших офицеров. Совершенно не злые. И даже по-своему милые.

Итак, о рыбе. Сегодня Эфиопия, потеряв в гражданской войне дерзкую провинцию Эритрею, вообще лишилась выхода к морю. Но и тогда его дары были в стране большим дефицитом. Впрочем, выросшие на мясе жители не очень переживали по этому поводу. Были бы бараны. А вот пожившие за границей эфиопские офицеры всячески пытались вернуть себе забытые вкусовые ощущения. И, как я уже сказал, даже использовали для этого наши поездки в отпуск.

Когда пришло время советского праздника Седьмого ноября, эфиопы, с весьма непонятным для меня уважением и любовью относящиеся к любым революциям, исхитрились и накрыли для коллег «эксклюзивный» стол. «Сегодня — только рыба», — гордо провозгласил их начальник тыла. На что один из русских гостей, недолго думая, выпалил: «У нас говорят, что лучшая рыба — колбаса».

Мой друг, в тот вечер закрывавший «переводческую амбразуру», не стал напрягаться и перевел дословно. Шутка была встречена гробовым молчанием.

Почувствовав неловкость повисшей паузы, задорный подполковник столь же умело, сколь и кардинально, поменял тему: «Друзья, тост за Владимира Ильича Ленина!»

Эфиопы оживились. А тостующий, видимо, от радости за ловко спасенную им же ситуацию, лихо продолжил: «Как говорят у нас… (тут я насторожился), я русский бы выучил только за то,

что им разговаривал Ленин!»

И, уже повернувшись ко мне, приказал: «Переведи. Но чтобы в рифму!»

«Мамин маленький помощник»

Тогда выполнять волю командира я не стал, заменив все какой-то незамысловатой шуткой. Но интересно, что именно в Эфиопии я неожиданно получил первый опыт стихосложения, который впоследствии непостижимым образом приведет меня к сотрудничеству с Ианом Андерсоном, лидером британской рок-группы «Jethro Tull».

Полковник, а впоследствии генерал Дегтярев, под руководством которого я проработал большую часть своей двухлетней командировки, просил меня в свободное от работы время… переводить песни.

Прекрасный специалист, настоящий солдат, добрейший человек, Григорий Степанович в свои 50 лет вдруг заразился почти юношеской любовью к рок-музыке. Да-да, «Битлз», Элтон Джон, «Роллинги»… Пластинки можно было в ограниченном количестве заказывать через наших посольских друзей. Я понемногу пополнял свою, естественно, оставшуюся в Москве, коллекцию, начало которой было положено еще в детстве с легкой руки Володьки Ильинского. Сын великого театрального и киноактера, семья которого жила рядом с нами во Внуково, сегодня известный ведущий радиостанции «Эхо Москвы». А тогда именно он заразил соседских мальчишек любовью к «битлам». А потом пришли «The Doors», «Pink Floyd», «Led Zeppelin»… Короче, все те, о ком Владимир Игоревич сейчас уже профессионально рассказывает на «Эхе».

Так вот, полковник Дегтярев начал формировать коллекцию свою прямо на месте службы, в Африке. И при этом не ограничился «примитивным» коллекционированием.

Мы, как уже отмечалось, примерно полгода занимались разработкой оргструктуры эфиопской армии. А попутно, в часы отдыха, я по просьбе Григория Степановича от руки вписывал в другую тетрадь милые сердцу, хотя и непривычно звучащие в переведенном виде названия: «Пусть будет так», «Прощай, желтая кирпичная дорога» или «Мамин маленький помощник». Эта параллельная работа получила у нас с Дегтяревым логичное название «Оргструктура-2».

Веселые застолья, каламбуры, коллекции пластинок… По прошествии времени мне сложно осознать, как подобные атрибуты исключительной мирной жизни могли соседствовать с ужасами самой настоящей войны. Ведь война — она и в Африке война. А, я бы добавил, в каких-то своих проявлениях еще более жестокая. Сегодня медаль «За боевые заслуги» и другие военные

награды достаю из ящика стола, когда житейские проблемы начинают казаться слишком серьезными. Минут через пять можно спокойно класть обратно. Потому что ты уже положил. На все.

…Эфиопов я в итоге полюбил и с удовольствием сегодня посетил бы их прекрасную страну. Кстати, единственную на Черном континенте, избежавшую колониального гнета. В годы Второй мировой тамошние солдаты, фактически с луками и копьями (доля преувеличения, поверьте, здесь совсем небольшая), отбили атаки армии Муссолини. Да еще и сделали это так убедительно, что многие ее бойцы остались в Эфиопии, найдя здесь свой дом и жен. Местные женщины, и без того довольно симпатичные, получив долю итальянской крови, превратились в богинь. Интересно, что это почти не коснулось мужской половины.

Такое впечатление, что от браков с потомками Цезаря здесь рождались исключительно девочки. Подавляющее большинство мужчин — невысоки и некрасивы. Но сухи и жилисты. Что позволяет им, на радость окружающим, в том числе тем же дамам, делать многие вещи долго и неустанно. Например, бегать. А лучшим — даже выигрывать олимпийское золото в марафоне.

…Недавно спросил у юной телеведущей, почему она в эфире сказала: «Эфиопец»?

Ответ озадачил: «Эфиоп» — как-то неприлично звучит».

Постаравшись постичь логику девушки, я несколько раз вслух произнес: «Эфиоп». И, в принципе, понял, что ее смутило…

Глава пятая
ТАСС не уполномочен

Но там, на корабле, в светлых, сияющих люстрами и мрамором залах, был, как обычно, людный бал в эту ночь.

Иван Бунин. Смерть господина из Сан-Франциско

Смерть «председателя колхоза»

Мне неведомо, знали ли авторы «Экипажа» уже рассказанную мной раньше историю сброса автомобиля с самолета в пучину морскую, или яркий эпизод фильма стал плодом их фантазии. Но это при желании еще можно проверить. А вот придумал ли Иван Бунин фабулу своего рассказа «Господин из Сан-Франциско» или в реальности был свидетелем транспортировки тела одного из пассажиров в трюме океанского лайнера — установить, согласитесь, уже весьма затруднительно. Если, конечно, я не пропустил пояснение самого автора.

Так или иначе, свой «господин из Сан-Франциско» волею судьбы был и в моей жизни. Только родился он не на западе США, а на юге Англии. Звали его Майклом. А вот за глаза немолодого господина из Саутгемптона на нашем совершающем кругосветное плавание судне называли исключительно «председателем колхоза». Прежде всего за потрепанный и совсем уж советский портфельчик из кожзаменителя, с которым его владелец не расставался, в какой бы части советского круизного лайнера он ни оказывался.

Впрочем, увидеть «председателя» прогуливающимся по корме или плескающимся в бассейне было практически невозможно. Равно как и пройтись с ним по городу в компании других туристов во время очередной стоянки роскошного маршрута. Завораживающим красотам Каира, заманчивым улочкам Сицилии или теплым пляжам Карибских островов Майкл предпочитал свой стульчик у стойки корабельного бара.

Лица возвращавшихся с берега туристов после нескольких часов экскурсии под палящим солнцем пылали ярким пламенем, к тому же большинство не лишало себя удовольствия позагорать и во время двух- и трехдневных переходов от одного порта кругосветки до другого. Поэтому нараставшая краснота лица нашего героя-затворника не была так уж заметна на общем фоне. Гораздо больше внимания окружающие обращали на его ярко-красные носки, настолько высокие, что коротковатые штанины, еще и предельно задиравшиеся, когда он залезал на барный стул, не выставляли на всеобщее обозрение даже узенькой голой полоски. Носки эти были, пожалуй, единственным, что нарушало завершенность придуманного весельчаками образа «колхозного председателя». Потому что если душа у лидеров прогрессивного движения на селе когда-то и была красная, то вот носки — вряд ли. Жаль, ведь и пиджак, и уже упомянутые брюки, и ботинки (а порой и сандалии — с носками!) вполне вписывались в тему.

У стойки Майкл, чем-то похожий на нахохлившегося и одновременно лысеющего бобра, вел себя скромно, практически не разговаривал, но при этом смущенной улыбкой, а то и сдержанным смехом по-своему участвовал в общем веселье. Причем даже когда шутка звучала на русском языке и касалась его собственного несуразного вида.

Впрочем, русский в салонах и барах был слышен редко. И здесь, наверно, уже настало время объяснить суть круиза и, собственно, почему вдруг в числе его участников в далеком 1985 году оказался я, тогдашний сотрудник переводческой редакции Телеграфного агентства Советского Союза, только еще мечтающий о спортивной журналистике, не говоря уже о ее телевизионной версии.

Путешествия типа известного круиза Семена Семеновича Горбункова из «Бриллиантовой руки», когда советские туристы отправлялись за моря и океаны, конечно, тоже случались. Больше того, такой роскошный отпуск мог быть частично, а то и полностью оплачен твоим предприятием. Но гораздо чаще наши лучшие суда арендовались за твердую валюту зарубежными компаниями. Со всей «начинкой» — от капитана до официантки и… корреспондента ТАСС.

Последняя деталь важна для понимания того времени. Как корабль не может отправиться в плавание без компаса, так советский корабль не мог не иметь на своем борту пропагандиста. Причем если для русскоговорящей команды эту роль выполнял выделенный соответствующим отечественным пароходством редактор стенгазеты, то для окучивания иностранных туристов в рейс послали представителя специально для этого созданной в главном информационном агентстве страны Редакции судовых газет. А поскольку рейсов, включавших в себя экзотические круизы, для примера, вокруг Австралии или по норвежским фиордам, или через Атлантику и Тихий океан, было множество, она просто не справлялась с объемом собственными силами. И тогда в путь отправлялись сотрудники других редакций. Условия: молодость, знание нужного иностранного языка (рейсы делились на английские, немецкие или французские) и редакторские навыки. Ведь задачей тассовца было издание самой настоящей двухполосной газеты для иностранных туристов. На первой полосе — новости, материалы о жизни и достижениях СССР, культуре и спорте. А на второй — хроника круиза с фото его участников, рассказом о предстоящих экскурсиях на берегу и прочее.

Редактор полностью отвечал за наполнение своего издания. Заметки и фото «официального» характера готовились еще в

Москве. Так, отправляясь в путь в начале марта 85-го, я имел в своем багаже информацию едва ли не под грифом «секретно». А точнее, файлы пяти претендентов на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Страна только что потеряла Константина Устиновича Черненко, и, как стало ясно пять дней спустя, готовилась упасть в руки Михаила Сергеевича Горбачева. Но надо было предусмотреть разные варианты развития событий, тем более что такие варианты существовали.

Так или иначе, я прибыл на борт во всеоружии и, честно говоря, больше волновался по другому поводу: со дня на день должна была родить моя младшая сестра Машенька. В итоге произошло это 13 марта — ровно на полпути между двумя генсеками. А я еще недели две переживал по поводу того, что в захлестнувшем каналы связи потоке политической информации не могу узнать пол ребенка, в итоге оказавшегося сыном. Ведь коллеги, оперативнейшим образом сообщившие мне приятную новость, с телеграфной лаконичностью написали: «Поздравляем Виктора дядей». И все.

Такое с тассовской информацией, впрочем, случалось и на другом уровне. Что, признаюсь, нисколько не уменьшает моей любви к агентству, давшему мне завидную путевку в журналистскую жизнь.

Для еженедельного выпуска газеты в трюме располагалась самая настоящая типография со всеми необходимыми специалистами. А в роли единоличного автора и редактора такого издания на борту оказался я. Естественно, ты и только ты несешь ответственность за свою газету. И глупо было бы пенять на наборщицу, когда под фото счастливых туристов-молодоженов вместо комплиментарного: «Some guys have all the luck» из песни Рода Стюарта появилось весьма сомнительное в такой ситуации: «Some guys have all the fuck». Всего-то одна неправильная буква, а корабль хохотал неделю.

Прилетев совсем зеленым новичком в Сингапур, я во время стоянки сменил там моего коллегу Виталия Макарычева и продолжил путь: через Индийский океан и Суэцкий канал — в Средиземное море, через Гибралтар наверх, к берегам Великобритании и через Атлантику к Карибским островам. И обратно — через Средиземноморье с финишем в Одессе.

Забегая вперед, скажу, что тогдашняя одесская таможня оказалась самой лютой за все время моих многочисленных путешествий.

Конечно же, никакой контрабанды у меня и в помине не было. Но я трясся. Из-за дисков. Да-да, из-за виниловых пластинок, которые всегда занимали солидную часть моего

багажа при возвращении из зарубежных поездок. Нет, диски в целом не были запрещены к ввозу, но…

Современному молодому человеку это, наверно, сложно себе представить. На каждой советской таможне был список запрещенных ансамблей, утвержденный соответствующими органами. И, что говорит о тщательности проводимой работы, в ряде случаев даже не групп, а их отдельных дисков. Например, далеко не безобразных с точки зрения социалистической морали и даже близких к классике «Pink Floyd» в принципе провозить было можно. Все их творения, кроме одного. «The Final Cut», 1983 года издания.

Слова «Брежнев взял Афганистан…» да и в целом причисление Роджером Уотерсом генерального секретаря ЦК КПСС к ряду разжигателей мировых конфликтов (Маргарет Тэтчер, Менахем Бегин и Леопольдо Галтьери) в антивоенной песне «Get Your Filthy Hands Off My Desert», автоматически и бесповоротно включило 12-й студийный альбом «Флойд» в черный список для отечественных пограничников. Больше того, специальная инструкция, в которой группа обвинялась в «извращении внешней политики СССР» (как если бы Брежнев в действительности НЕ «брал Афганистан»!), вышла 10 января 1985 года. То есть всего за 5 месяцев до моей попытки тайком ввезти «The Final Cut» на территорию Советского Союза.

Помимо пинкфлойдовской запрещенки, после захода в английский порт Дувр в моем чемодане был диск совершенно безобидного Эла Стюарта. Нет, даже не Рода Стюарта, включенного в запретительный список за… «эротизм»! Но фамилия та же! А главное, вот незадача: свежий альбом Эла носил уж очень неподходящее название «Russians and Americans». И кто его знает, на какую реакцию тут можно нарваться!

Как если бы этого было мало, я умудрился еще, что называется, до кучи, из всех дисков еще одного любимого исполнителя Криса де Бурга приобрести «Man On The Line» с вещью «Moonlight and Vodka», повествующей о чувствах американского шпиона в Москве.

Вот такая тройка гнедых с мощным коренником и жгучими пристяжными уверенно скакала в руки таможни. Короче, дорвался парень до антисоветчины!

Но для спасения «коней» были подготовлены «пешки». В том же пластиночном магазине английского портового города я прихватил две обильно иллюстрированные брошюрки, посвященные «тяжелому металлу», с «AC/DC» и «Manowar», то есть бесспорными фронтменами упомянутого выше списка. И когда дело дошло до меня, собственноручно выхватил их из

своего чемодана и, каюсь, подобострастно протянул человеку в форме: «Вот, товарищ, хотел с вами посоветоваться. Наверно, такие вещи провозить нельзя?»

Несмотря на то, что это абсолютно точно была наша первая встреча, мой собеседник сразу перешел на «ты»: «Хоть понимаешь, что провозишь?!»

Вопрос не требовал ответа. А тут же вызванный начальник смены говорил уже не со мной. Причем, к моему искреннему удивлению, повысив уровень «контрабанды». Я бы даже сказал, переведя ее в совершенно другую категорию.

— Как была обнаружена порнография?

— Он сам предъявил.

— Хм, сам?! ТАСС уполномочен заявить, что ли?! — и явно довольный собственной шуткой начальник закончил трехстороннее общение жестом, больше похожим на «давай, вали отсюда», чем «спасибо, вы прошли таможенный досмотр и можете пересечь государственную границу СССР».

Но вернемся к нашему «председателю». Мало говоривший, он был крайне щедр по отношению к барменам. Последним это нравилось, хотя солидные чаевые, не говоря уже о суточных, которые даже у занимавшего более высокую ступень в судовой иерархии редактора газеты равнялись двум долларам в день, не составляли основу доходов этих веселых и симпатичных ребят. Загруженные еще дома в трюм мешки с кофе, например, избавляли от необходимости закупать зерна в портах стоянки на выделенную под это валюту. А чего стоил хотя бы детский коктейль «Свежесть» с веками сохраняемым в тайне рецептом: вода, много льда и капля пищевого красителя! Сейчас скажу, чего стоил: три доллара стаканчик. В жаркую погоду шло на ура. И далеко не только это.

При прохождении той же таможни у барменов была другая задача: представить свои серьезные, порой многотысячные покупки ничтожными безделушками. «Да, взял у ребятишек в Шри-Ланке по два доллара», — и роскошный Rolex, купленный в лучшем часовом магазине Лиссабона, небрежно вываливался на столик таможенного досмотра. «Какая це́почка (исключительно с таким ударением)? А, эта! Золотая?! Да нет, уважаемый, что вы! Так, дешевку в Сингапуре прихватил…»

Интересно, что еще до официальной завершающей путешествие таможни каждого из сходившего на берег в том или ином порту по возвращении на судно ждала таможня собственная, так сказать, предварительная — прямо у трапа: «Ну-ка, что вы там набрали?»

Поскольку в загранпорты советские моряки могли выходить

только по трое, для барменов очень важным было попасть в тройку с тассовцем. Во-первых, журналиста, которого все же воспринимали как гостя, на судне не досматривали, и можно было попросить пронести какую-нибудь из наиболее дорогих (сердцу, конечно же) «безделушек». Во-вторых, по какому-то негласному правилу, и членов его тройки тоже редко тормошили.

Только раз я застал судового бармена в растерянности. Когда в одном из ресторанов Лиссабона он, заказав на нашу тройку в числе других яств, блюдо под названием «Битва омаров с крабами», был вынужден сказать официанту: «Извини, друг, двух тысяч у меня с собой нет. Сейчас смотаюсь на корабль и привезу, еще и с чаевыми». Но ехать не пришлось. Официант, глядя на клиента округлившимися, словно те самые нули, глазами, сообщил ему, что в итоговом счете не две тысячи, а две сотни…

Так что любили «председателя колхоза» бармены, как вы понимаете, не за оставленный сверху доллар или полтора, а за какую-то внутреннюю доброжелательность, несуетность и, как утверждали многие, по-русски грустные глаза.

Его хватились на второй день. Причем хватились в баре, так как остальные места, как я уже сказал, он почти не посещал. «Председатель» лежал в своей каюте. Сердце или кровоизлияние в мозг — сейчас не могу вспомнить точно.

Проблема заключалась в том, что наш славный корабль, совсем незадолго до этого отойдя от британских берегов, был уже на пути через Атлантику. Единственный участок кругосветки, когда за шесть дней нет ни одной остановки. Вернуться обратно в Англию, ведь и родной Саутгемптон — вот он, рукой подать? Нет, жесткое расписание путешествия этого не позволяло. Да и программа беззаботного отдыха не предусматривала трагедию. «Некролог в вашей газете? Вы что, Виктор, сошли с ума?» Директор круиза даже покрутила пальцем у виска.

Что делать? Ответа на запрос родственникам организаторы ждали долгих два дня. Все это время тело несчастного продолжало лежать в каюте, обложенное льдом, который почему-то невероятно быстро таял. Два дня в любимом баре «председателя» посетители пили виски теплым. Наконец из Владычицы Морей пришел ответ: «Просим похоронить по морским законам». И приписка: «Майкл был смертельно болен и изначально не собирался возвращаться из этого путешествия».

Хоронили его на рассвете. Серый холщовый мешок, всплеск воды у кормы и прощальный венок. А белоснежно-роскошный лайнер продолжил свой путь через Атлантику.

…У Бунина «тело мертвого старика из Сан-Франциско возвращалось домой в могилу, на берега Нового Света… В

просмоленном гробу в черном трюме, в подводной утробе знаменитой „Атлантиды“. С ночным баром и собственной газетой…»

Бочки и йогурт

Интересно, что едва ли не главный критический момент акции по вызволению из ледового плена научно-исследовательского судна «Михаил Сомов» был вообще никак не связан с айсбергами, подводными течениями или сумраком полярной ночи. Ведь успех уникальной экспедиции летом 1985 года оказался под вопросом еще задолго до подхода нашего ледокола к кромке Антарктиды.

На борт «Владивостока» я попал уже два дня спустя после возвращения из описанной выше кругосветки. Из-за серьезно ухудшившегося положения «Сомова» решение о направлении к нему спасателей принималось в срочном порядке. Вот и ТАСС обязали немедленно подобрать для освещения этой акции корреспондента. Но такого, чтобы у него на руках был действующий загранпаспорт моряка. Ведь на пути к Южному полюсу планировался заход в Новую Зеландию. Другого «счастливчика» просто не нашлось, и я, еще не смыв средиземноморско-атлантический загар, авиарейсом через Хабаровск оказался во Владивостоке.

Шмыгающие по ночному причалу крысы, мрачный силуэт ледокола, минималистская во всех отношениях каюта старшего механика… Еще в порту воспоминания о трех месяцах на роскошном лайнере быстро растворились в реалиях моего нового путешествия.

Не добавила настроения и первая же встреча на ледоколе. Одинокий дежурный матрос с портативным магнитофоном сопроводил звучавшую из него песню мрачным: «Это певец Розенбаум. Сидит».

Впоследствии, правда, он оказался неплохим парнем, весельчаком и даже принес фирменную кассету с неизвестной мне темноволосой певицей на обложке. «Вот, новый диск. Называется „Как девственница“. Группа — „Мадонна“».

…После трех недель пути из Владивостока и долгожданной стоянки в Новой Зеландии ледокол вошел в ревущие сороковые, а затем и в неистовые пятидесятые широты Южного полушария. Англичане называют их соответственно Roaring Forties и Furious Fifties.

Я бы, кстати, и не переводил. Вспоминаются слова лектора советских времен, который дал начинающим журналистам четкий ответ на вопрос, почему в нашей прессе названия американских военных учений, например, «Отэм фордж-76», не переводятся, а пишутся как звучат, только русскими буквами. «Чтобы страшнее

было, товарищи, чтобы страшнее!»

В той ситуации экипажу «Владивостока» было страшно по вполне понятной причине. Ледокол впервые в истории отправился не на север в до боли знакомую Арктику, а в загадочную Антарктику, путь куда и преграждали столь чуждые судну этой категории ветра и волны. Дно ледокола — это яйцо, которое умело справляется даже с тяжелыми льдами, наезжая на них сверху и продавливая. А вот при малейшей качке мощный корабль моментально начинает изображать Шалтая-Болтая, который в детском стишке сидел на стене. Ну, или Humpty Dumpty, как, вероятно, велел бы тот лектор.

Сказать просто, что все мы лежали в лежку, значило бы ничего не сказать. Многие, включая меня, в эту самую лежку умирали. До сих пор становится дурно, когда слышу плеск воды, если он напоминает те убийственно мерные удары в иллюминатор. Когда на третий день качки все что было не закрепленного в каюте, включая три трехлитровые банки яблочного сока, оказалось разбитым вдребезги, а «дребезги» эти продолжали летать от стены к стене, я, грешным делом, подумал, что мгновенная и безболезненная смерть была бы неплохим исходом. В этот момент от стены оторвало умывальник, меня в очередной раз куда-то вырвало (туалет, как назло, располагался в коридоре), и я неожиданно, впервые за трое суток, отошел ко сну.

После того что происходило в тот незабываемый период моей жизни, слово «вдруг» в приключенческих книгах перестало казаться надуманным. Все главные события того лета для меня произошли именно так, вдруг.

Забегая вперед, вспомню, как на последней стадии экспедиции, глубоко во льдах моря Росса, уже не только спасаемый корабль, но и сам спасатель-ледокол оказался зажатым без движения со всех сторон. В этом районе обстановка в зимний для него период никогда не изучалась. Динамика движения льдов оставалась загадкой. Теперь уже самому «Владивостоку» грозило превращение в дрейфующую станцию с непредсказуемым исходом. И если у нас запасов еще хватало, то на «Сомове», где и так уже был введен жесткий режим экономии, они должны были закончиться через 20 дней.

Делавшие такие вещи до нас и после нас люди не дадут соврать. На сорокаградусном морозе мы попробовали вручную раскачать нашу громаду, вытащив из ее бока на цепи гигантский якорь и закрепив его в лунке на небольшом расстоянии от ледокола. Этакая невероятная, фантасмагорическая рыбалка наоборот! Не получилось.

Тогда впервые в истории в условиях полярной ночи в воздух

над Антарктикой поднялся вертолет будущего Героя Советского Союза Бориса Лялина. Мы летели за 200 километров к «Михаилу Сомову» с небольшим запасом еды (включавшим новозеландские киви), теплой одеждой, а главное — с надеждой для попавших в беду полярников. Ведь приземлившись в лучах прожектора на ледовую площадку, специально расчищенную для нас у сомовского борта, мы установили мост с узниками ледовой тюрьмы. Да, пока всего лишь воздушный, но это уже гарантия выживания. Если не для корабля, то для людей — ведь теперь за несколько полетов, беря на борт по дюжине человек, мы могли бы в случае необходимости переправить всю команду к нам на «Владивосток».

Бородатые мужики, глотая слезы, читали долгожданные письма от родных, а мы уже летели обратно. К концу перелета была готова и моя тассовка. На следующий день информация, которую отстучал с блокнота ледокольный радист, появилась во всех газетах, от «Вечерки» до «Правды». Ведь это было первое сообщение о реальном успехе спасательной экспедиции.

«ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД „МИХАИЛ СОМОВ“. 23 июля (Спец. корр. ТАСС В. Гусев)

На далекой 75-й антарктической параллели в каютах зажатого во льдах судна читают письма из дома… Четыре долгих месяца ждали сомовцы этой счастливой минуты. 130 суток находится судно в ледовой блокаде. В последние дни люди все чаще и чаще нетерпеливо выбегали на палубу, принимая шум ветра за жужжание вертолетного винта.

И вот первый воздушный десант с ледокола „Владивосток“, идущего на помощь „Михаилу Сомову“. Преодолев 160 километров пути над почти сплошной белой равниной, разделяющей два судна, вертолет под командованием опытного полярного пилота Б. Лялина совершил посадку у правого борта корабля науки. Ми-8 доставил сюда начальника экспедиции А. Чилингарова, руководителя научных работ Б. Крутских, гидролога, врача. Завезена и первая партия грузов для дрейфующего судна: спальные мешки, палатки, другое оборудование на случай экстренного выхода на лед.

Усталые, слегка осунувшиеся, но улыбающиеся и оживленные — такими предстали перед нами люди с отважного судна. С энтузиазмом встретил экипаж сообщение руководства экспедиции о выполнении задач ее первого этапа — на протяжении всего дрейфа сомовцы знали, что Родина не оставит их в беде. Теперь надежная опора совсем рядом — ледокол „Владивосток“ готов в любой момент подать руку помощи. Уже в ближайшие сутки регулярные воздушные рейсы сделают связь между кораблями

постоянной.

Вздымая снежные вихри, уходит в обратный путь вертолет. Во льдах 73-й широты пробивает дорогу на юг „Владивосток“. А на „Сомове“ читают письма из дома. Спокойно живет и трудится вдали от родных берегов и июльского лета дружный коллектив мужественных полярников».

«Очевидная удача ваших передач» — такую долгожданную оценку принес на следующий день из Москвы телетайп. Пишу: «долгожданную», потому что до того описание трудностей экспедиции, ее временных поражений и отступлений не вызывало вообще никакой реакции из дома. Но кто будет хвалить за какую-то журналистскую или сугубо литературную удачу, когда «наши проигрывают»!

Вот и думаю: как же я не понял столь простой истины еще тогда, во льдах Антарктиды?! Вкупе с последовавшим бравурным: «Молодец, обеспечил!» — это должно было бы дать мне урок на всю жизнь.

Сколько раз впоследствии после побед футбольной или хоккейной сборной я слышал это по-комсомольски бодрое: «обеспечил»! Можно было бы улыбнуться, если бы за мрачным «не обеспечил» не следовали бы требования перемен. Нет, касающиеся места не на фланге обороны или в центре атаки. И не на тренерском мостике. А у комментаторского микрофона.

Как же я не понял этого еще тогда, в 85-м, на Южном полюсе, чтобы потом предвидеть и уже больше никогда не удивляться!

Но я отвлекся.

А наутро случилось это самое «вдруг»! Словно по приказу некого антарктического короля, который, извините за долю пафоса, понял, что этих людей ему не сломить ничем, шестиметровые льды сами расступились, и по образовавшейся полынье «Владивосток» уверенно пошел к «Сомову». Началась последняя, уже победная часть экспедиции. И впервые взошедшее в небе над нами северное сияние стало неплохим заходом для моей следующей корреспонденции.

Ну а тогда, еще на пути в Антарктику, в водах Индийского океана, я проснулся от тишины. Волны уже не отдавались методичным тошнотворным хлюпом в моем иллюминаторе. Тут же, за дверью каюты, раздались шаги, и даже послышался смех. Впервые за эти дни сознательно оглядевшись, я увидел, что подаренный провожавшей меня в рейс знакомой девушкой фаянсовый пингвинчик лишился одного крыла. Плохой символ? Нет, я уже точно знал, что мы продолжим наш путь и дойдем до цели. Пусть даже, как сказали бы летчики, на этом самом оставшемся одном крыле.

Вернувшись домой, я сделаю Оле предложение. Вдруг. И она согласится. Смею вас уверить, совсем не потому, что я «обеспечил».

Но ладно связанные с качкой неудобства! Самое-то главное заключалось в том, что еще до начала безудержного шторма экипаж успел надежно закрепить на палубе принятые на борт в Веллингтоне бочки с горючим. Математический расчет руководителя экспедиции, тоже будущего Героя — Артура Чилингарова, был жесток: для продолжения пути надо, несмотря на пляску по волнам, сохранить как минимум половину нашего топливного груза. 51 процент бочек за бортом, и мы точно были бы вынуждены вернуться в Новую Зеландию. Долгий путь, стоянка, перезагрузка, обратная дорога. А кто знает, сколько они еще готовы терпеть там, на «Михаиле Сомове»? И вообще, сколько времени отмерили им погода, ветер, подводные течения? «Льды сжимаются, слышим треск бортов», — получали мы радиодепеши из злосчастного места, где так ждали нашей помощи.

Тридцать лет спустя Артур Николаевич правильно заметил, что главным результатом экспедиции было отсутствие человеческих жертв. Ведь в художественном фильме «Ледокол», в отличие от реальной жизни, погибают двое, причем одного из несчастных смывает с палубы в ситуации, очень похожей на нашу. Когда мы, поднимаясь, падая и ползая на брюхе, крепили эти неповоротливые бочки ко всему, к чему их только можно было присобачить. В итоге «чилингаровский процент» был сделан. Мы продолжали движение вперед!

В борьбе за живучесть моряки «Владивостока» сумели спасти не только большинство бочек с топливом, но и… заветные коробочки с йогуртом. Эта, казалось бы, незначительная история стоит для меня особняком во всем нашем рискованном и сложном путешествии.

Понятно, что при заходе в порт новозеландской столицы на борт было поднято не только все необходимое для технического обеспечения рейса. Часть свежего груза составила еще неведомая для большинства из нас, советских людей, заморская еда. В том числе йогурт.

Каждый член экипажа получил картонную упаковку с 24 маленькими лоточками. Ягоды и фрукты на крышечке, разные вкусы… Стало ясно, что именно этого долго жившим на консервах хочется больше всего. Когда открыли одну вдруг оказавшуюся лишней коробку и понемногу попробовали, поняли: то, что надо!

А потом кто-то первый сказал:

— Сашке повезу, домой.

— Да, детям надо. Вкуснятина такая!

— Жену угощу. С ней вместе и откроем, на ноябрьские. Даст Бог, к празднику успеем вернуться…

За недели длительного перехода на судне не была вскрыта больше ни одна упаковка. Но к моменту окончания затянувшейся экспедиции йогурт, название которого мы почему-то произносили с ударением на второй слог, безнадежно испортился.

«Эх, жалко, — сказал тогда наш старший механик, — все задачи партии выполнил, а вот его не довез…»

Может ли обычный кисломолочный продукт стать символом бесконечной заботы, доброты и любви? Летом 85-го, прожив на земле уже почти тридцать лет, я получил точный ответ на этот вопрос.

Шмон героев

Они пришли к нам в каюты. Разбрасывая наши вещи, открывая ящики и залезая под матрас.

Я до сих пор помню их лица. И слова: «Это там ты будешь герой, а сейчас ты подозреваемый». И неожиданно почти мягкое: «Не обижайся».

«Там» — это во владивостокском порту, где готов был уже греметь всеми своими литаврами оркестр, а встречающие разворачивали транспаранты в честь «спасителей» и «отважных полярников». Пока же ледокол стоял неподалеку от берега, на рейде. И нас шмонали.

Есть две версии. По одной, с борта судна на обратном пути после стоянки в Новой Зеландии на большую землю пришла радиограмма о том, что кто-то из экипажа получил на берегу запрещенную религиозную литературу и пытается ввезти ее в СССР. По второй версии, Библию, а речь шла именно об этой книге, уже во время инспекции судна перед швартовкой прибывшие на катере «проверяющие» увидели на столике у одного из матросов.

— Где взял?

— Да сунули в руки миссионеры на улице. В Веллингтоне.

— С кем ходил на берег?

— Да вот, с соседом. И с Виктором, корреспондентом…

Надо сказать, что Библия, причем на двух языках, у меня уже была дома, поэтому смысла везти еще одну, тем более из антарктической экспедиции, я не видел. И тогда, на портовой улице, поблагодарив заботливых новозеландцев, пошел дальше.

Поэтому обыскивающие работали напрасно. В самом конце их главный с недоверием повертел в руках купленный там же, в Веллингтоне, свеженький диск под названием «Brothers in Arms», но ограничился риторическим вопросом: «Это что за херня?» Замечу, что вскоре пятая пластинка группы «Dire Straits» вошла в тридцатку самых продаваемых в истории музыки.

Несмотря на отсутствие запрещенки, тут же, в каюте помощника капитана, на меня было составлено что-то вроде протокола, суть которого сводилась к следующему: знал, но не сообщил. Впрочем, никаких последствий для меня это не имело.

Позже я узнал, что ход бумаге не дал сам помощник капитана — путем её разрывания и спускания в унитаз.

Как с гуся вода

Далеко не геройский прием неожиданно ждал меня и в тассовском парткоме. Тут дело было уже не в религии.

Секретарь важной организации с порога принялся орать на меня так, как никто ни до, ни после него в моей уже достаточно продолжительной жизни. Не помню, как точно квалифицировалось мое кошмарное нарушение партийной дисциплины, но, оказывается, находясь в антарктической экспедиции, я невольно превысил тот кандидатский срок, который по существовавшим правилам предшествовал непосредственному вступлению в ряды КПСС. Как я мог не нарушить заведенный порядок, находясь на Южном полюсе, понять было сложно. К тому же речь об этом по большому счету уже и не шла. Гневная тирада партийного босса была обращена не в прошлое, а в будущее. Мое будущее, которого, впрочем, по его словам, как такового, у меня уже не было!

Раздавленный мощью всемогущего аппарата в лице одного человека (вот ведь сила!), я внутренне готовился к самому худшему. Но на следующее утро вдруг (опять это «вдруг») увидел на тассовской информационной ленте список награжденных за участие в спасательной экспедиции. Рядом с фамилией Гусева стояло: «Медаль “За трудовую доблесть”».

Моя признанная на самом верху «доблесть», видимо, настолько плотно закрыла тему, что партбилет я получил уже через несколько дней, без шума и пыли. При торжественном вручении секретарь парткома пожелал другим будущим коммунистам пройти кандидатский срок… вот так же достойно, как Гусев.

Удивляюсь ли я после этого чему-то в нашей жизни?

Впрочем, партбилет пролежал у меня в кармане совсем недолго. 20 августа 1991 года, во второй день путча, мы вместе с моим коллегой по спортивной редакции Константином Клещевым положили когда-то заветные красные корочки на стол специально созванного по этому случаю собрания.

Любопытно, еще совсем недавно такой поступок поставил бы крест не только на нашей с Костей карьере, но и на многих жизненных планах наших ближайших родственников. Но тогда воспетый немецкой рок-группой «Скорпионз» ветер перемен уже сделал свое дело. На лицах товарищей по партии я увидел не ужас или сочувствие, а интерес и сомнение: «А может, и мне тоже…»

Сейчас жалею о своем поступке, но исключительно потому,

что хотелось бы сохранить такой сувенир у себя в письменном столе. Рядом с другими памятными вещами. Просто как реликвию. И на фото забавно было бы посмотреть, вспоминая, какие требования предъявлялись к ушам и взгляду коммуниста (и то, и другое должно было быть «открытым»). И зарплату свою тогдашнюю увидеть: ведь членские взносы фиксировались исправно. Если вдруг кто-то обнаружит мой кровный в тассовских архивах, верните, пожалуйста.

Циничный читатель сейчас скажет: «Может, еще пригодится…»

Ну уж нет.

Глава шестая
Птицы с одного Озерова

— Сенька, смотри, это же Уткин!

— Папа, это Виктор Гусев вообще-то.

— Да какая разница!

Из телесериала «Молодежка»

На холмах Грузии лежит ночная мгла

Я так и не попробовал это вино. Бутылка, видимо, какого-то восхитительного красного застыла в руке Котэ Махарадзе. Мизансцена, сразу воскресившая в памяти легендарную фразу из репортажа этого великого грузинского комментатора: «Пока мяч в воздухе — коротко о составах команд».

Не знающий пощады звонок из Москвы прозвучал резче, чем свисток норвежского арбитра, за час до этого возвестивший о том, что футбольный матч Грузия — Россия на тбилисском стадионе «Локомотив» продолжен не будет. Темно. Погас свет. Играть нельзя. Результат первого тайма (к счастью, было 0:0) аннулируется.

Команды ждет переигровка.

«За такую халатность я бы засчитал Грузии поражение», — возмущается Махарадзе.

Звонили же от телевизионного руководства: «Виктор, бросай все (эх, знали бы они, что я бросаю!) — и срочно на студию Первого канала! Автобус нашей команды забросали камнями».

Ивико, сын Котэ Ивановича, отвез меня в корпункт, который, как сейчас помню, располагался в обычной квартире, что создавало атмосферу чуть ли не «подпольного» выхода в эфир. Впрочем, такое с моим воспаленным воображением порой случается. На самом деле все было достаточно обыденно. Инцидент с брошенными камнями не стоил и выеденного яйца. Большой конфликт между двумя странами — уже без таких развеселых стилистических приемов — был, увы, еще впереди…

А тогда передача затянулась, и вернуться на дачу в центре грузинской столицы к столу, накрытому женой Котэ Ивановича замечательной актрисой Софико Чиаурели, в тот вечер мне было не суждено. Жизнь не позволила и воспользоваться приглашением гостеприимного хозяина приехать еще.

Вскоре после тбилисской командировки я улетел на необитаемый остров у берегов Доминиканы для участия в проекте «Последний герой», а вернувшись, узнал, что Котэ Ивановича уже нет с нами. Его родные на вечере памяти в Москве сказали мне, что он очень переживал по поводу истории с матчем, называл происшедшее позором для Грузии. А потом не выдержало сердце. Как выяснилось вскоре после игры, случившееся на стадионе стало результатом обычной технической накладки. Бывает. Но сам-то мэтр привык все делать не только талантливо, но и безошибочно, поэтому смириться с чужим головотяпством просто не мог.

Сейчас, думая о феномене великого комментатора, очаровавшего телеболельщиков всего Советского Союза темпераментом, артистизмом, нестандартным видением футбола и, не в последнюю очередь, завораживающим акцентом, понимаю, что народная любовь была еще и отражением нашего теплого чувства к его родине. Мы обожали полные философии, фантазии и юмора грузинские короткометражки, которые нам показывали только под Новый год, словно приберегая самое лакомое. Или же слегка и ненадолго отодвигая по случаю праздника занавес кондового соцреализма. Мы были влюблены и в точно такой же, по сути, футбол Славы Метревели и Михаила Месхи. А потом — и Давида Кипиани с партнерами по славному тбилисскому «Динамо», выигравшему в 1981 году Кубок Кубков УЕФА. Финальный матч по Центральному телевидению, конечно же, комментировал сам Котэ.

«В Тбилиси сейчас никто не спит», — прозвучало тогда с экрана. А мы — из Москвы, Ленинграда, Воронежа — мысленно ответили: «И не только в Тбилиси!»

По собственной работе в ТАСС помню беспрецедентный случай, когда другой победе динамовцев — над грозным «Ливерпулем» — свой комментарий с пометкой «молния» посвятил генеральный директор Сергей Лосев, обычно если и писавший, то только на важнейшие политические темы. В заметке была, конечно же, и политическая составляющая — что-то на тему обреченных международных амбиций британских властей, но куда же без этого?

Кстати, не хочу сказать, что политическая составляющая отсутствовала в самой спортивной редакции. Конечно же, нет. Так, в ответ на бойкот западным миром Олимпиады-80 в Москве, СССР не отправил своих спортсменов на Игры-84 в Лос-Анджелес. Не говоря об очевидном для всех принципе «око за око», советская пресса объясняла такое решение различного рода опасностями, которым могут подвергнуться наши спортсмены в Америке. На страницах спортивных изданий стали появляться заметки об ужасах тамошней жизни, словно перекочевавшие из политической журналистики. Каюсь, сам по заданию тассовской редакции писал, например, об «ангелах ада» — мотоциклистах, типа наших нынешних «ночных волков», которые непременно должны были каким-то образом за океаном навредить советским атлетам.

С политическим заказом соседствовала цензура. Всегда умиляло то, как мы вынужденно информировали читателя о шахматных турнирах с участием уехавшего на Запад гроссмейстера Виктора Корчного. Фамилию претендента на

звание чемпиона мира, четырехкратного чемпиона СССР теперь нельзя было упоминать в отчетах. Поэтому о его партиях писали так: «Еще одна встреча завершилась вничью» или «Венгр Портиш на этот раз уступил». Впрочем, знающему читателю заполнять турнирную таблицу это нисколько не мешало.

Советская журналистика «несла ответственность» и за весь социалистический лагерь. Под запретом оказалось, например, имя легендарного чехословацкого хоккеиста Вацлава Недоманского. Прекрасный форвард попортил нам немало крови на чемпионате мира-69, год спустя после Пражской весны и ввода советских войск в ЧССР.

Намекая на случившийся в тот же период конфликт СССР с Китаем на острове Даманский и подавленную нашими пограничниками вылазку соседа, чешские болельщики скандировали: «Это вам не Даманский, это — наш Недоманский». Но табу было наложено не тогда, а пять лет спустя, когда Вацлав вместе с одним из партнеров совершил побег в Канаду.

Ограничения, естественно, касались всех. Претензии были даже к Николаю Озерову, который своим «такой хоккей нам не нужен», казалось бы, навсегда поставил себя в ряд рыцарей социалистической морали — тех, что без страха и упрека.

А Махарадзе не только не был исключением, но и подвергался особому контролю. Уж слишком вольно, по мнению цензоров, он, актер, обращался со словом. Так, недопустимое отступление от нормы видели даже в его коронной фразе о «любимой левой ноге». Хулиганская раскованность — это еще куда ни шло, но вот «левацкий уклон» — это уже крамола высшего порядка!

…В своем архиве храню журнальную вырезку с очень лестным отзывом Котэ Ивановича о моей работе. Напомнили об этом и коллеги из Тбилиси, в конце 2016-го позвонившие в связи с 90-летием со дня его рождения. Спасибо им за внимание и за возможность вспомнить выдающегося профессионала и прекрасного человека.

Болл-бой для легенды

В отличие от такого до боли короткого общения с Котэ Ивановичем, наше личное знакомство с Озеровым исчислялось десятилетиями. Правда, сам Николай Николаевич многие годы об этом не подозревал.

Дело в том, что дачным соседом семьи Гусевых во внуковском поселке писателей был Игорь Владимирович Ильинский. Так вот, в гости к великому актеру частенько наведывался великий комментатор. Часть участка Ильинских была отдана под корт (которым, кстати, с разрешения щедрого хозяина вовсю пользовались соседи), и 24-кратный чемпион СССР по теннису — каковым, кроме всего прочего, был Озеров, — любил сыграть со своим другом. Мы же, мальчишки из окрестных дач, с удовольствием подавали мячи, тогда еще не зная, что называемся болл-боями.

Однажды Озеров организовал приезд во Внуково съемочной группы документального фильма «Встречи с Игорем Ильинским». В результате помимо тенниса в картину вошел и футбол. Игорь Владимирович здесь же, на участке, забивал красивый мяч в игре с молодежью, собранной его сыном Володей. Так моей первой ролью в кино стал «мальчик, которого обводит народный артист». Я пластался в подкате, но «не успевал» помешать форварду нанести разящий удар по воротам моего закадычного друга Артема Петрова, сейчас занимающегося фармацевтикой в Нью-Йорке. Поскольку Ильинский был, в частности, актером комического жанра, то, по замыслу режиссера, жертвой пушечного выстрела должен был стать располагавшийся за воротами забор. Наш забор. Для этого к нему был привязан канат, а на нашем участке располагался спрятавшийся за елкой ассистент. Удар, рывок — снято! Кстати, надо отдать должное Киностудии имени Горького: она выполнила свое обещание с лихвой — на месте павшего утлого штакетника появился прекрасный новенький забор, простоявший много лет как памятник творческой мысли любимой киностудии страны.

Несмотря на точность работы на корте и великолепное исполнение роли второго плана, я вряд ли мог рассчитывать на то, что Николай Николаевич запомнит мое имя. Поэтому, когда, придя на телевидение в начале 90-х, поехал к нему со съемочной группой, то приготовился представляться заново.

Повод был невеселый. «Едешь в больницу. Возможно, это одно из последних интервью Озерова. Ему плохо», — напутствие опытного продюсера, как мне казалось, ограничивало если не

тематику, то уж точно хронометраж интервью. При этом количество выехавшего на него тв-персонала превышало все необходимые рамки. Зачем нам, помимо одного оператора, еще два вообще без камер? А что будут делать в крошечной больничной палате три осветителя и два звукорежиссера? Но поехали все. Нет, не работать. Поехали к Озерову. Повидаться, поговорить, обнять.

И вот в присутствии всего этого «личного состава» Николай Николаевич, даже не дав мне вспомнить наши Внуковские деньки, начал меня безудержно хвалить. Стиль, динамичность, русский язык! А от слов «приходишь на мое место» мне даже стало неловко перед коллегами.

— Ребятки, а теперь можете на минутку выйти. Мне тут Виктору кое-что сказать надо.

На минутку так на минутку. Подчиняясь воле больного, съемочная группа покинула палату.

«Минутка» продолжалась полчаса. Никогда до того (что естественно) и никогда после (что странно) я не получал такого подробного и профессионального разбора собственной работы. Приведу только первую фразу, сказанную, видимо, для разгона: «Молодой человек, а в слове „начался“ ударение, между прочим, ставится не на первый, а на последний слог!»

Вот так! Какой там «пришел на смену»! Забыли о политкорректности! «Молодой человек» — и поехали… И начался́ разбор!

Медаль Николая Озерова вручается «за популяризацию спорта». Но есть и более конкретный критерий: 10 отработанных журналистом Олимпиад. Получая почетную награду за свои 13, я вспоминал о фантастическом профессионализме и деликатности удивительного человека. А в дни хоккейного чемпионата мира-2016 в Москве имел счастливую возможность рассказать эту историю Надежде, дочери Николая Николаевича. Международная федерация хоккея предложила мне выступить с небольшой речью в связи с вручением Озерову почетной премии имени Поля Лойки за выдающийся вклад в развитие хоккея, что я с удовольствием и трепетом сделал.

Кстати, начал я тогда с многочисленных «птичьих фамилий» комментаторов: Гусев, Уткин, Орлов, Журавель… Добавив, что «все мы — птицы с одного Озерова!»

Репортаж из казино

Этот репортаж стал для меня первым — не только на Первом, но вообще в телевизионной карьере. В декабре 1993-го я был еще внештатником на ТВ, а штатно работал координатором российско-американского хоккейного проекта «ЦСКА — Русские пингвины», от которого и попал в командировку в Нью-Йорк. И тут звонок руководства Спортивной дирекции канала: «Ты же все равно в Штатах, так давай, откомментируй в прямом эфире церемонию жеребьевки чемпионата мира по футболу. Да, из Лас-Вегаса. Ну а какие проблемы?»

Действительно проблем не возникло, и на следующий день я оказался в игорной столице Америки, замечу, уже знакомый с Вегасом по поездке с борцовской сборной СССР. Команда великого спортсмена и тренера Ивана Ярыгина в 80-е проводила там матч с национальной командой США. Я же сопровождал наших в качестве переводчика и специального корреспондента ТАСС.

План этой книги не даст мне другой возможности сказать несколько слов об Иване Сергеевиче, одном из самых восхитительных людей, которых я встречал в своей жизни.

Светловолосый сибиряк, настоящий русский богатырь, двукратный олимпийский чемпион по вольной борьбе, на Играх-72 в Мюнхене затративший всего 12 минут на 7 победных поединков, «вминая лопатками в ковер 100-килограммовых соперников», как писал тогда «Советский спорт».

И конечно же, блистательный тренер. Помню его в этой роли на другой Олимпиаде, сеульской. Тогда, летом 1988 года, я опять был рядом с нашей борцовской командой и даже жил с ребятами в Олимпийской деревне, имея статус не только корреспондента, но и участника Игр.

Ярыгин родился седьмого ноября, поэтому в его день рождения раньше гуляла вся страна. И мне всегда казалось, что в этом есть особый смысл. Сильный и добрый, он вообще ассоциируется для меня с уже ставшим расхожим понятием «национальная идея». Возможно, сказанное о конкретном человеке, это звучит странновато. Но как минимум друзья Ивана Сергеевича, уверен, поймут, о чем я.

Одним из любимых напитков Ярыгина было японское пиво «Саппоро». Честно говоря, довольно неожиданно для меня, отдающего предпочтение сортам чешским, британским и немецким. Но в тот вечер мы в компании наших жен пили у Ярыгиных не пиво. Дамам предлагалось вино, а для мужчин

хозяин открыл огромную запотевшую бутылку «Столичной». При наличии на столе разнообразной еды закусывать он все же настоятельно советовал рыбьей строганиной, тоже замороженной и нарезанной стружкой. При этом обязательно макать ее в «маканину» — соль, перемешанную пополам с черным перцем…

Застолье прервалось, едва начавшись, то есть тосте на четвертом. Звонил племянник Ивана. Серьезная ситуация. На дискотеке на него готовилась напасть группа отморозков. «Собирайся, Витя, едем вместе. Если что, надо будет встать спина к спине».

Забегая вперед, скажу, что если моя спина в результате и понадобилась, то лишь для того, чтобы получить дружеский хлопок ярыгинской руки: «Все, поехали домой — допивать».

Честно говоря, мне, разгоряченному спиртным, хотелось посмотреть на «отморозков» и, возможно, в стиле «заяц во хмелю», даже дать им отпор. Увы, их и след простыл, как только в зал вошел человек, с которым априори не хочется связываться. А племянник только руками развел: «Извини, дядя, за беспокойство. Спасибо».

Что же касается рук Ярыгина, то их мощь я ощутил еще во время наших поездок по США. Выступая перед местными молодыми борцами в университетах и спортивных центрах, Иван Сергеевич использовал меня не только как переводчика, но и как этакую куклу-манекен для демонстрации приемов. Делал он это, конечно, аккуратно. И все же…

Его обожали американцы, как, собственно, и вся дружная международная борцовская семья. На вопрос, все ли ОК, он, неизменно делая строгое лицо, отвечал: «Нет, не хоккей. Только рестлинг!» И заразительно смеялся.

Увы, говорю все это я о человеке, которого нет с нами вот уже двадцать лет.

Его жизнь унесла абсурдная (а бывают ли они не абсурдными) автокатастрофа 11 октября 1997 года на 121-м километре трассы Нефтекамск — Затеречный, у границы Дагестана и Ставропольского края. Ярыгин сидел рядом с водителем автомобиля, возвращаясь с махачкалинского международного турнира в Кисловодск, где его в доме отдыха ждала жена Наташа. Ближе к полуночи на пустынном шоссе машина выскочила на встречную полосу и на скорости около 150 километров в час врезалась в… припаркованный на обочине грузовик с шестью тоннами муки. Ивану было всего 48 лет.

Недавно на одном мероприятии в кадетском корпусе я встретил Наташу Ярыгину. Обнялись, посетовали на сумасшедший ритм жизни и: «Вот, Виктор, знакомься, внук. Зовут

Иваном…»

Есть могила на Троекуровском кладбище, к которой ношу цветы. Есть ежегодный турнир Ярыгина. Есть памятники — там же, в Красноярске, а еще в названной его именем Новой Олимпийской деревне в Москве и в Абакане, где он начинал. И на Ставропольщине, где закончилась его жизнь. Есть память.

Первый на Первом

А нашу удачную американскую поездку с вольниками и классиками для меня омрачило сокрушительное поражение в битве с игральными автоматами. Нет, на щит меня подняли не покер или рулетка, а примитивные «однорукие бандиты». С ходу выиграв 60 долларов (при тогдашних суточных — 20), я из номера, уже не жалея денег на телефон, в восторге позвонил жене. Олины аргументы показались мне неубедительными, и я продолжил, как оказалось, неравный бой…

В оставшиеся дни поездки по американским городам переводчик советской команды был очень признателен организаторам за бесплатно предоставляемое питание. Семья осталась без подарков, а я — без какого-либо желания снова испытывать судьбу подобным образом.

И вот 19 декабря 1993 года. Снова Лас-Вегас, и снова тот же отель Caesar's Place, который мысленно почему-то довольно глупо называю Caesar's Salad и который, казалось, помнит мой ночной позор десятилетней давности: последние 20 долларов я тогда обменял на монетки-токены уже ближе к пяти утра.

Перед первым репортажем запредельного волнения не было. Особых хитросплетений жеребьевка не предполагала. Всех участников — и с футбольной, и с артистическо-светской стороны — я, естественно, заочно, хорошо знал. А возможность, выйдя за рамки спорта, рассказать о великолепном комике Робине Уильямсе и особенно о Роде Стюарте, исполнившем по телемосту откуда-то из Европы «Handbags and Gladrags», вообще вдохновляла дополнительно. Единственной интригой, как сейчас помню, было, прилетит ли на церемонию Диего Марадона. Ведь там будет Пеле, его извечный соперник в споре за звание лучшего футболиста в истории. В итоге травмированный аргентинец в Вегасе так и не появился, а через два месяца дома стрелял в корреспондентов из пневматического ружья.

Что касается нашей несостоявшейся тогда встречи с аргентинской легендой, то она перенеслась на 17 лет и 10 тысяч километров. И произошла осенью 2010-го на…крыше ЦУМа, где Диего презентовал новые часы известной марки. Под мой комментарий Марадона тогда бил по специально установленным в столь необычном месте воротам, пытаясь попасть то в «девятку», то в «шестерку». Каждый точный удар, между прочим, должен был принести от 25 000 до 300 000 долларов!

Опоздав к началу мероприятия больше чем на час, Марадона наверстал упущенное. И перечислил всю сумму на лечение детей.

А Пеле, выйдя тогда на сцену в Вегасе, в отсутствие конкурента улыбался еще шире, чем обычно, и вовсю раздавал смелые прогнозы. В частности, предсказав победу на чемпионате сборной Колумбии! Стоит ли напоминать, что летом следующего года колумбийцы не только не взяли Кубок мира, но и не смогли выйти из группы. А через десять дней после решающего поражения от сборной США их защитник Андреас Эскобар, забивший мяч в свои ворота, был застрелен на родине. Выиграли же чемпионат… бразильцы.

Любопытно, что в последующие годы «король футбола» так и не стал королем прогнозов. Больше того, по этой части он ошибался едва ли не чаще любой другой футбольной легенды. На нашей встрече во Франции по ходу чемпионата мира-98, о которой еще пойдет речь в этой книжке, он, например, безоговорочно отдал пальму первенства испанцам. Как мы знаем, те в итоге проиграли Нигерии, завершили вничью матч с Парагваем и, заняв третье место в группе, досрочно покинули турнир. А чемпионами впервые в истории стали французы. Не вышли из предварительных групп ЧМ-2002 и Аргентина с Францией, которым великий бразилец предрекал игру в финале. А вот сама Бразилия, которой один из ее самых славных сынов во всеуслышание предсказал провал, взяла и выиграла Кубок.

И лишь знаменитая фраза Пеле о том, что сборная России станет чемпионом мира по футболу, когда Бразилия выиграет чемпионат мира по хоккею, увы, похоже, не даст ему прослыть совсем уж законченным неудачником в области предсказаний.

Но вернемся к нашим баранам. Первый репортаж открыл и мою серию ошибок-оговорок, увы, неизбежных спутниц любого комментатора. Захваченный стремительным распределением сборных по группам, при необходимости еще и с ходу переводить высказывания, а порой и шутки участников, я открыл для своих слушателей новую страну под названием Южная Аравия.

Не знаю, заметил ли ошибку кто-то, кроме моего папы, но сказал мне о ней только он, причем лишь четыре месяца спустя — после моего второго репортажа, который был уже чисто футбольным, ну, или, наверно, правильно сказать — игровым. Возможно, он просто ждал, чтобы дело пошло, не хотел меня нервировать… Ну, не знаю. Тогда не спросил, а сейчас, увы, уже поздно…

В ожидании Траха

Комментарию из Стамбула, который состоялся 13 апреля 1994 года, предшествовала забавная история в редакции. В качестве проверки мне, уже опытному 39-летнему журналисту, но дебютанту прямых телеэфиров, надо было отработать под картинку уже состоявшийся матч кого-то из футбольных грандов. Сейчас уже точно не помню каких, но по уровню это были примерно «Барселона» — «Ювентус». Я прилежно подготовился, выучив едва ли не наизусть первый тайм, в полной уверенности, что до второго дело просто не дойдет. Не знаю, была ли это действительно техническая накладка с браком в записи, или кто-то коварно усложнил для меня условия испытания, но мне предложили начать с выхода команд на поле… после перерыва. Как сейчас помню, комментировал, словно в тумане. Но назначение на игру Лиги чемпионов «Галатасарай» — «Спартак» в итоге получил.

Матч тот был последним в группе и, к сожалению, для красно-белых уже ничего не решал. Но хлопнуть дверью команда Олега Романцева сумела. Мячи Виктора Онопко и Валерия Карпина принесли «Спартаку» победу — 2:1.

А год спустя при «моем участии» (конечно же, говорю об этом смеясь) спартаковцы победили во всех шести групповых матчах Лиги, в том числе дважды взяв верх над чемпионом Англии, которым тогда неожиданно (сейчас мы сказали бы: почти в стиле «Лестера») стал «Блэкберн», ведомый легендарным бомбардиром Аланом Ширером. На которого у нас нашелся свой снайпер: Сергей Юран! А еще: лучший футболист России-95 Илья Цымбаларь.

Из того славного цикла в Лиге чемпионов, как это ни странно, выделю последний матч в группе шестого декабря в Варшаве с «Легией». Он тоже ничего не решал для команды Олега Романцева, но уже в противоположном стамбульскому смысле. Ведь наши задолго до конца пульки теперь уже обеспечили себе первое место. Эта игра стала и, вполне вероятно, останется самой «холодной» в моей комментаторской карьере.

При температуре минус 12 и пронизывающем ветре на «Стадионе Войска Польского» не спасали даже выданные нам организаторами одеяла, естественно, армейские. Гол Рамиза Мамедова под занавес первого тайма, конечно, согрел, но лишь, скажем так, в лирическом плане. А вот надежда на теплый пресс-центр грела по-настоящему. Но!

Ни шагу с комментаторской позиции — именно это означал

решительный жест от кромки поля тогдашнего и нынешнего спартаковского пресс-атташе. Всем своим видом Леонид Трахтенберг (или «Трах» — в журналистской среде) показывал, что сейчас он сделает меня обладателем невероятного инсайда! Использую нынешнюю терминологию, конечно. Ведь Нобель Арустамян тогда еще ходил во второй класс, и слово «инсайд» существовало в нашем журналистском словаре исключительно для обозначения немного оттянутого назад игрока линии атаки. А еще лучше — если в схеме «дубль-вэ».

Зная, что Трахтенберг, ни много ни мало придумавший название «Спорт-экспресс», в смысле работы — человек серьезный, я остался сидеть. А Леня, исчезнув где-то в недрах гостевой раздевалки, все не появлялся.

Дальше — больше. Уже водрузился на свое место вернувшийся из буфета мой польский коллега, а Леонид Федорович все не шел и не шел.

«Сливовица?» — в первую секунду я подумал, что сосед-комментатор сообщает мне какую-то информацию об изменении в составе «Легии». Но протянутая фляжка со знаменитым местным напитком не оставила вопросов. Равно как и сомнений. В первый и последний раз в своей комментаторской жизни я нарушил установленную самим собой заповедь и сделал два больших глотка. А потом еще два. А потом под одобрительное покрякивание поляка допил все.

Вместе с легким начальным опьянением пришел и Трахтенберг. Сказать, что я сразу стал трезв, как стеклышко, было бы ложью. Но принесенная им новость огорошила: Романцев уходит из «Спартака»!

Да, в перерыве матча, который, напомню, при любом исходе венчал славный победный путь «Спартака» к стыковым играм, Олег Иванович объявил футболистам, что решил сосредоточиться на работе со сборной России. Эта новость была достойна любых жертв.

Дальнейшая комментаторская карьера просто не давала повода для «нарушения режима». Да, погода напрягала еще не раз, но уже исключительно в плане жары. А джин с тоником или холодное пиво тебе никто на позицию не принесет.

Что же касается Романцева, то эстафету у руля «Спартака» тогда в итоге принял Георгий Ярцев, при котором команда осенью 96-го вернула себе утраченное чемпионство.

«Двужильный» Аленичев

Возвращаясь на один шаг назад из морозной Варшавы, напомню, что перед этим в ответном матче против англичан, разгромленных в ноябрьских «Лужниках» со счетом 3:0 и по ходу встречи устроивших драку между собой (!), хозяев вел вперед 23-летний Дмитрий Аленичев. В итоге он забил мяч и сделал две голевые передачи. А за три недели до этого там же в игре против норвежского «Русенборга», тоже закончившейся уверенной победой (4:1), на поле вышел 19-летний Егор Титов, дебютировавший на международной арене.

Думал ли я тогда, что эти ребята станут близкими друзьями «комментатора-динамовца»! А мой восторженный эпитет «двужильный Аленичев» уже образца 97-го года, когда все те же персонажи разыграли восхитительную победную комбинацию против «Алании» с завершающим ударом головой Титова, превратится в этакий пароль нашего дальнейшего общения. И что будет «совместный» чемпионат мира в Японии, куда я отправлюсь не только в качестве комментатора Первого канала, но и как пресс-атташе.

А потом и встреча с Димой год спустя в подтрибунном помещении стадиона Луи Второго в Монако, где аленичевский «Порту» бился за Суперкубок УЕФА с «Миланом»…

А с Егором будут репортажи с Евро-2004. И, мне кажется, мы с напарником говорили на одном языке. Даже когда во втором тайме матча Россия — Португалия у нас отключились наушники и комментаторы перестали слышать друг друга. Но, в отличие от футболистов, справились же! Титов тогда покинул меня еще до конца группового турнира, оставив добрую надпись на протоколе матча. Да, так предписывал контракт. Все, конечно же, можно было изменить, но Егор сам понял, что ему, действующему игроку, крайне сложно сохранять необходимую объективность при оценке своих товарищей на поле. Куда он к тому же готовился вернуться и в итоге вернулся. Так что победный, но уже, увы, никому не нужный матч с греками с рекордно быстрым голом Дмитрия Кириченко я комментировал в одиночку.

В жизни моих спартаковских друзей было много чего. И не только радужного. На дебютный матч сезона 2016/17 против тульского «Арсенала» я пришел с 12-летним сыном. Не предавая дорогое сердцу «Динамо», мы искренне радовались красивой и крупной победе хозяев великолепного стадиона-театра. Это было яркое начало победного для «Спартака» сезона. Увы, продолжившегося уже без Дмитрия и Егора.

То, что логичного объяснения некоторых явлений жизни у меня порой нет, я понял, когда попытался простыми словами обрисовать Мишке ситуацию с их тренерской отставкой…

Впрочем, в одной вещи, которую я тогда, путаясь в аргументации, сказал сыну, до сих пор уверен на сто процентов. Мои «двужильные» не сдадутся. Никогда!

Внештатник в Штатах

Но вернемся в Америку, где полгода спустя после жеребьевки состоялся первый для меня финальный турнир чемпионата мира-94. Расписание составили так, что комментаторы исколесили, а точнее, конечно же, «искрылили» Америку, летая через всю страну из Нью-Йорка в Лос-Анджелес.

Командировка оказалась восхитительной и с творческой, и с личной точки зрения.

Работая тогда в российско-американском хоккейном проекте «ЦСКА — Русские пингвины», я мог финансово позволить себе пригласить в Штаты мою семью. Юле было семь, Нине — пять, и два светловолосых ангела в сопровождении Оли предстали передо мной в пригороде Сан-Франциско. Наверно, вдохновив на работу, которая в итоге дала очень серьезный комментаторский старт.

Тот турнир был знаменателен щедростью выделяемого нам телевизионного времени. Так, даже после матча, проигранного команде Бразилии, не было проблем с возникшей паузой перед интервью главного тренера Павла Садырина, а потом и с хронометражем достаточно пространной беседы.

Тогда игры сборной России я еще не комментировал, а вот на разговор меня отрядили. Как сейчас, помню жару, белый шатер на территории стадиона, высокие стулья, багровое от яркого солнца лицо Павла Федоровича и попытку нашего очередного, но далеко не заурядного тренера объяснить очередную неудачу сборной. Задача на все времена!

Та командировка увенчалась первым в моей жизни комментарием финального матча чемпионата мира. 17 июля 1994 года. Моим творческим «крестным» тогда стал руководитель Спортивной дирекции Сергей Кононыхин, знаменитый специалист, арбитр и комментатор фигурного катания. Всегда буду благодарен Сергею Николаевичу не только за сам факт приглашения в Останкино, но и за комфортную обстановку для журналиста, в 37 лет начинающего свою телевизионную карьеру.

Напомню, что финальная пулька ЧМ-94 прошла без провалившихся в отборочном цикле французов. Их время придет совсем скоро, когда «трехцветные», осуществив невероятный прорыв в организации детского и юношеского футбола, начнут выигрывать на международной арене все турниры подряд. Пока же они были вынуждены довольствоваться в США ролью туристов. Именно в этом амплуа и предстал перед нашей съемочной группой в пригороде Лос-Анджелеса один из лидеров тогдашней

сборной Франции.

Тщетно кружа по парковке легендарного стадиона «Роуз боул» в Пасадине, где через полтора часа должен был начаться финальный матч Бразилия — Италия, мы сокрушались, что не взяли более ранние авиабилеты. И что опередившие нас машины запаркованы уж со слишком большими промежутками: потеснились бы — и влезло бы еще несколько!

То, о чем лишь подумали мы, стало руководством к действию для влетевшего на парковку лихого водителя. Резко затормозив, он выскочил из машины и с помощью трех своих спутников взялся за дело. Возможно, еще кто-то из четверки «мушкетеров» был известным футболистом. Но мы с ребятами не обратили внимания на другие лица. Уж очень колоритным было одно из них: Эрик Кантона! Да, именно он, звезда «Манчестер Юнайтед», засучив рукава, возглавил операцию по переделу парковочного пространства.

Ну как не сделать из этого сюжет для программы! Но не тут-то было. Завидев телекамеру, его потенциальные герои вскочили обратно в машину, а через мгновение ее и след простыл. Нам же, увы, осталось лишь запечатлеть на пленку следы незавершенной перестановки. Думаю, хозяин того «Форда» после матча долго недоумевал: что за неведомая сила и зачем сдвинула его автомобиль, еще и припаяв его к крылу стоящего рядом «Крайслера»?

Полгода спустя 28-летний Кантона во время матча английской Премьер-лиги набросился на обидевшего его с трибуны болельщика и заработал восьмимесячную дисквалификацию. А еще через десять лет был признан поклонниками «МЮ» самой значительной фигурой в истории клуба. Между прочим, опередив даже Бобби Чарльтона…

Ну а мне пора было спешить на комментаторскую позицию. Надо сказать, что все это происходило еще до исторического решения о чередовании трансляций финалов между Первым и Вторым каналом. Тогда главный матч показывали обе компании, поделив его по таймам. Поэтому Геннадий Орлов и Олег Жолобов должны были передать мне слово после 45 минут игры, предложив зрителям переключить канал. Были же времена!

Реакцией московского редактора на мои первые слова было: «Виктор, что случилось? Звучишь, как из тоннеля!»

Еще бы! Страшная 40-градусная жара заставила комментаторов со всего мира не только раздеться до трусов, но и использовать для защиты от палящего солнца огромные коробки, предусмотрительно надетые на телемониторы. Отсюда и своеобразный звуковой эффект, которому так удивилась Москва.

Пришлось вернуть коробку на место. А как же голова? Ну, что голова? Вроде бы ляпов не было. Во всяком случае, сравнимых с тем, что выпал тогда на долю Роберто Баджо, промах которого в серии послематчевых пенальти сделал бразильцев четырехкратными чемпионами мира.

Попросили снять маечки

В том репортаже я, внештатник, заменил на позиции Владимира Перетурина. Таким было решение московского руководства, которое я, будучи приглашенным комментатором, в любом случае не мог оспорить. И, честно говоря, не хотел. В любом случае я получил приказ из Нью-Йорка лететь в Лос-Анджелес.

На многих последующих турнирах мы с Владимиром Ивановичем работали вместе, был даже парный репортаж. И в рамках редакционной работы я с удовольствием готовил материалы для его «Футбольного обозрения». Прошло несколько лет после закрытия этой программы, когда руководство Первого канала предложило мне делать свою. Признаюсь, я отказывался: уж очень неудобное, нерейтинговое предлагалось время, да еще и как минимум сутки спустя после окончания тура в чемпионате России. Но другого варианта не было.

Название «Время футбола» было придумано как нечто отвечающее стилистике ОРТ. Но оказалось — перебор, когда наряду с новостной программой «Время» появились еще и познеровские «Времена». Трех «времен» подряд эфирная сетка не выдержала.

Новым именем стало: «На футболе с Виктором Гусевым». Одной из, как сказали бы сейчас, «фишек» у нас было переодевание ведущего в футболки российских клубов. Поначалу идея, честно говоря, не была концептуальным замыслом. Просто надоело думать о чередовании пиджаков, рубашек и галстуков. И вот в голову пришел решающий проблему ход. Осталось только предупредить телезрителей, что майка не обязательно будет частью формы лидера чемпионата, и послать гонцов за экипировкой во все 16 клубов РФПЛ.

Программа прекратила свое существование осенью 2004-го. Когда мы вернулись с летней Олимпиады в Афинах, мне сообщили, что концепция спортивного эфира на Первом меняется. Логика в этом была, ведь к тому моменту зрители получили возможность смотреть спорт на двух специализированных каналах, причем как на платном, так и на бесплатном. Туда и перекочевали всевозможные «футбольные», да и другие спортивные обозрения. Сферой Первого остались крупнейшие трансляции: Олимпийские игры, а также чемпионаты мира и Европы по наиболее популярным видам спорта.

В моих поездках по стране периодически встречаю болельщиков, которые с ностальгией вспоминают то время, когда

они «смотрели голы на Первом». Причем говорят именно так: «смотрели голы». Словно все наши тогдашние старания — режиссерские находки, стильные рубрики и эксклюзивные интервью, шутки и нестандартные околофутбольные сюжеты были напрасны, и в программе нет ничего более важного, чем момент взятия ворот.

А выходит, что так. Без гола нет футбола. Понимая это, мы скрепя сердце и отдавали больше половины драгоценного эфирного времени забитым мячам. Пусть даже это порой и превращалось в «голевую скороговорку», навлекая на наши головы критику руководства. Мол, надо уходить от собственно игры в сторону развлекательности, завоевывая новые пласты аудитории. Но, с другой стороны, не будешь показывать голы — рискуешь потерять ее стабильную часть. Замкнутый круг. Тем более при хронометраже программы — не более 25 минут.

Сегодня считаю, что для не специализирующегося на спорте канала наиболее приемлемый вариант — это одноразовые спецпроекты, вроде ток-шоу или документального фильма, под конкретную важную трансляцию, купленную им. А не еженедельное обозрение, неизбежно проигрывающее в рейтинге юмористам и сериалам.

Но то у нас. А тем временем, как любит подчеркнуть мой старый институтский друг Володя Воронов, уже много лет живущий в Лондоне, вся Англия по субботам в 22.30 усаживается перед телеэкранами. Чтобы в течение полутора часов смотреть опасные моменты и голы очередного тура своей Премьер-лиги на канале BBC One. И, между прочим, в любимой народом программе «Match of the Day» вы не увидите жен игроков, не отправитесь на рыбалку с тренером и не услышите откровения клубного повара. Повторяю, идет только показ эпизодов матчей. В самое рейтинговое время. По общенациональному каналу. И здесь никому не нужны скандалы, «желтизна» и «клубничка». Они, кстати, вполне востребованы в других программах: тамошние телезрители тоже не ангелы. Но в «Матче дня» нужен только футбол! Который прекрасен и самодостаточен. Для англичан.

Что же касается маечек, которые теперь лежат в большой картонной коробке под моим рабочим столом, то в результате нетронутой осталась футболка только раменского «Сатурна». Признаюсь, сам я уже забыл о том, что именно для ее демонстрации в эфире не хватило одного выпуска программы. О просчете мне однажды перед матчем в Казани напомнил бывший главный тренер «инопланетян» Владимир Шевчук. Увы, беды ныне уже не существующего подмосковного клуба этим не ограничились…

«Обиженными» остались и «люди в черном». Намекая на важность своей роли в футбольном процессе, они прислали в редакцию комплект судейской формы, а также набор карточек и свисток. Этим я тоже воспользоваться не успел.

Как корабль назовешь…

Я не просто так начал рассказ о программе «На футболе…» с воспоминания о том, как менялось название. Уверен, что успех другой программы был предопределен ее звонким именем.

«Парижские таймы» мне приснились, и это имя потянуло за собой все.

И благосклонное отношение к самой идее программы, которая должна была выходить в дни чемпионата мира по футболу во Франции, и мультипликационные заставки с естественной мушкетерской тематикой, и «парижские» рубрики.

Наша сборная на финальный турнир 1998 года не попала, но прекрасно помню, как, несмотря на это, с огромным удовольствием готовилась смотреть трансляции вся страна. Не было и намека на то, что праздник большого футбола для российского зрителя может быть испорчен отсутствием во Франции своей национальной команды. Да, наши не попали, но есть, например, бразильцы…

Может, я преувеличиваю, но мне кажется, что тогда тональность была именно такой. Простите мне высокопарность слов, но рост патриотических настроений в нашем обществе повлиял и на интерес к футболу. Думаю, сейчас вряд ли бы у нас возникла мысль о подобной телепрограмме, если бы в турнире не участвовала сборная России. Ну, или если бы чемпионат не проходил у нас. Кстати, это намек.

«Парижские таймы» тянут за собой воспоминания о первой из моих трех премий «ТЭФИ». Кстати, после шести проигранных финалов подряд! В один из них мы с другим претендентом — Василием Уткиным думали, что соперничаем друг с другом, не замечая вкравшуюся в нашу тройку… программу «Экстремальная башня» екатеринбургского телевидения. А это была очень достойная работа, посвященная молодым людям, использовавшим для своих трюков недостроенную телебашню. В итоге мы с Васей, проигравшие, сами напоминая две подобные конструкции, растерянно стояли рядом с триумфаторами, и выглядело все это очень забавно.

В последнем выпуске программы из Франции я, как ведущий, писал письмо Жюлю Римэ: «Дорогой Жюль…»

Мы словно отчитывались перед человеком, которому еще в 20-е годы прошлого века пришла сама идея проведения мировых первенств. Речь шла и о тенденциях современного футбола, и о любви людей к этой великолепной игре, и о том, насколько все изменилось с тех пор, как месье Римэ посетил последний матч в

своей жизни. Писал я, естественно, по-французски, согласно сценарию сидя на трибуне арены «Стад де Франс» в пригороде Парижа.

Но главное событие турнира еще было впереди — финал на этом же стадионе, на который мы только чудом не опоздали.

Говорю «мы», потому что моим партнером по репортажу стал недавно, увы, ушедший от нас Игорь Фесуненко. Блистательный тележурналист, знаток Бразилии и автор потрясающих книг о ее футболе.

В марте 2016-го я снова оказался в Сен-Дени на товарищеском матче Франция — Россия, а потом летом еще дважды вел оттуда репортаж о встречах чемпионата Европы, включая финальную игру. И каждый раз, идя на стадион мимо этого туннеля, чувствовал, как мое тело покрывается мурашками.

Тогда, 12 июля 1998-го, мы наглухо засели в нем, не доехав до ворот арены каких-то метров восемьсот. Но выйти из машины и бежать было физически невозможно — так плотно прижались друг к другу автомобили.

Уфф, наконец поехали! И даже успели добежать до нашей комментаторской позиции под самым козырьком за десять минут до стартового свистка. А там уже царила кутерьма с составами. Мальчишки-разносчики, по вполне естественной для моего поколения ассоциации напоминавшие мне Гавроша из «Отверженных» Виктора Гюго, кричали: «Внимание, поправка!» С французского Игорю Сергеевичу, блистательному знатоку португальского, переводил уже я. А все дело было в том, что в стартовом составе бразильцев отсутствовала фамилия Роналдо. До последней минуты тренеры, а как выяснилось потом, не только они, но и влиятельные спонсоры, решали, ставить ли на игру больную звезду. В итоге протоколы нам, как памперсы, поменяли аж два раза, а Зубастик, все же выйдя на поле, в итоге не только не помог своей команде, но, как мне кажется, спутал все карты. На Игоре не было лица — 0:3.

Для меня этот финал стал вторым в жизни. И вторым с участием бразильцев. Но пятикратными чемпионами мира они станут четыре года спустя. А на этот раз путь им преградил великий Зинедин Зидан.

Один — за всех или два — за одного

Бесспорный герой моего второго в жизни финала чемпионата мира «Зизу» восемь лет спустя станет антигероем третьего.

Тот матч французов с итальянцами на берлинском Олимпийском стадионе мы комментировали с Николаем Писаревым. Эту арену вряд ли могу сравнить с какой-то из тех, на которых приходилось работать, да и просто бывать. Странное чувство гнетущего величия. Смесь восторга перед мыслью автора — а я не чужд вот такой монументальной архитектуры — и понимание того, какой конечной цели все это должно было послужить по мысли главного злодея современности, принимавшего здесь парад открытия летних Игр 1939 года.

Поэтому ни лондонский «Уэмбли», ни амстердамская «Арена», ни «Камп Ноу» не произвели на меня такого впечатления. Стоп! На «Камп Ноу» я не был. Ни разу в жизни.

Не поверите, но «футбольный человек», побывавший в Африке и Антарктиде, а также во всех, без исключения, европейских столицах и 62 городах Соединенных Штатов, ни разу не был в Барселоне! Я лишь дважды объехал ее по периметру на пути в Андорру.

Писарев, знаменитый в прошлом спартаковский форвард, ставший затем незаурядным тренером и организатором, конечно же, был не первым и не последним моим напарником по репортажам из числа экс-футболистов. На одном из уже забытых Кубков Содружества в спорткомплексе «Олимпийский» работали вместе с Дмитрием Кузнецовым. Кстати, именно с ним, бывшим армейцем, из команды последних чемпионов Советского Союза, мы тогда, в январе 2002 года, откомментировали первое появление на глазах столичной публики еще совсем юного Дмитрия Сычева. В том числе его великолепный гол в финале киевскому «Динамо». В присутствии (эх!) 35 тысяч болельщиков. Но это к слову.

Выездную победу в отборочном матче с Израилем принесли (ах, как я «люблю» эту весьма популярную у коллег и якобы шутливую фразу) Виктор Гусев и Сергей Кирьяков. Делил комментаторскую кабину я с ироничным Александром Мостовым, рассудительным Андреем Чернышовым и не раз — с эрудированным, начитанным и тактичным Алексеем Смертиным. Ну, и, конечно, с Егором Титовым, о работе с которым я уже рассказал раньше.

Возможно, кого-то из звездных партнеров подзабыл, но, к сожалению, в отличие от моего коллеги Андрея Голованова, не

веду летопись собственных репортажей. А зря!

Но вот комментировать именно финал большого турнира с какой-то другой футбольной фигурой пока не пришлось. Кроме Писарева.

Николай отчаянно болел за итальянцев. Везет же мне с «беспристрастными» партнерами на главных матчах! Начнем с того, что на комментаторской позиции Николай появился в футболке «Скуадры адзурры». Нет, начнем не с этого, а с того, что перед работой мы по его настоятельной просьбе отправились есть, конечно же, спагетти.

Признаюсь, я тоже подошел к этой игре не без симпатии. Но к конкретному человеку. Вообще при всей моей уже озвученной любви к московскому «Динамо» я, став журналистом, как-то автоматически перестроился на боление не за команду, а за конкретных людей. В основном за тех, кто отдал футболу уже не один год.

Сегодня, когда футбольный мир восхищается неувядающим долгожителем Джанлуиджи Буффоном, мне даже не верится, что когда-то я комментировал его первый матч за национальную сборную. 29 октября 1997 года в Лужниках 19-летний голкипер в стыковом отборочном матче чемпионата мира с Россией заменил получившего травму Джанлуку Пальюку. Тогда дебютант получил гол в свои ворота от собственного защитника Фабио Каннаваро (при активном участии нашего форварда Сергея Юрана), а я, обыгрывая еще новую для мировой арены фамилию, шутил на тему «буффонады». Ведь для «Буффонище» еще было рановато.

И вот мой, позволю себе наглое, «крестник» в финале невероятно удачного для себя турнира. До решающего матча он пропустил всего один мяч, кстати, снова автогол. Ну а в финале не справился только с пенальти от Зинедина Зидана.

Впрочем, моменту, когда Зидан влепил головой в грудь Марко Материцци, предшествовал не только этот 11-метровый, но и весьма странная история.

На всех комментаторских позициях одновременно отключились телемониторы. Так что повтор вошедшей в историю сценки, происшедшей вне эпицентра собственно игровых событий на поле, мы, в отличие от телезрителей, сразу увидеть не смогли. Впоследствии это добавило теме Зидан — Материцци загадочности. Кто-то даже увидел в ней некую дьявольскую или наоборот божественную составляющую, выходящую за грань реального. Я сам, вернувшись из Германии, принял участие в создании документального фильма о «голове Зидана». Но уже на решающей стадии большого проекта мне сообщили, что работа прекращена. И вдруг фильм «Назидание» летом 2017 года всплыл

на международном кинофестивале в Локарно. С грустью глядя на свой проигнорированный контракт, я в очередной раз понял, что с сакральным вообще ничего никогда просто не бывает…

Ну а партнерство с Писаревым началось за год до берлинского финала. Вскоре после того, как летом 2005-го мы неожиданно и для него, и для меня стали игроками одной команды на проекте Первого канала «Большие гонки» во французском курортном местечке Мартиг. Пятикратный чемпион России оказался профессионалом и в отношении к новому для себя делу. Комментаторские заготовки, желание непременно выработать свой, узнаваемый стиль — все это присутствовало с избытком. При том что было совершенно ясно: Николай использует первую же возможность для продолжения карьеры в большом футболе.

Наш первый совместный репортаж еще со старого стадиона «Динамо» поведал о поражении красно-белых от ЦСКА. Впрочем, потом, в марте 2006-го, был и проигранный армейцами «Спартаку» Суперкубок.

Проблема дуэта заключалась вот в чем. Николай физически не мог не брать сторону родного клуба. Соответственно я должен был автоматом, для баланса становиться на другую. Но профессиональная привычка не позволяла отдавать кому-то предпочтение. Вот и получался перекос. Мне звонили возмущенные люди из руководства ЦСКА, цитировали писаревские фразы. Но кто конкретно произносил их в эфире, людей не волновало. И я прекрасно их понимал: репортаж-то был «мой», в котором я, а не гость за все в ответе. Это оборотная сторона такой в общем-то прогрессивной вещи, как приглашение к микрофону бывшего футболиста.

Уже в апреле того же года московское дерби закончилось вничью. Если вернуться в 2005-й, там был «серебряный» для спартаковцев матч против «Локомотива»… Так что даже статистически «антиталисманом» своей родной команды Николай не стал. А вот предметом для добрых (а может, и немного завистливых) шуток — да. Когда на Кубке Первого канала в Израиле я в репортаже представил его как легенду «народной команды», спартаковцы в тель-авивской гостинице встретили Писарева словами: «О! Никита Павлович Симонян пришел!»

Я же улыбаюсь, вспоминая его замечательную какой-то своей непосредственностью фразу в одном из совместных эфиров: «Подача! И мяч снова выбит на угловой. Надо пересдать».

С «Мараканы» — вслепую

Четвертый финал мировых чемпионатов в моей жизни был хоть и в Бразилии, но снова без сборной Бразилии. Комментировал я его один и… с одним глазом. По ходу репортажа осознав, насколько сложно это было делать Вадиму Синявскому, как известно, потерявшему глаз на войне.

Неведомое насекомое атаковало меня в самом начале полуфинального матча Бразилия — Германия. Того самого, в котором команда Фелипе Сколари потерпела невероятное, сокрушительное поражение от немцев — 1:7. Я смотрел его по телевизору, сидя на диване в гостиничном номере отеля в Рио, за окном шумел океан, на столике лежали приготовленная на случай каких-то записей комментаторская тетрадь, рядом (как вы понимаете, тоже на всякий случай) — несколько бутылок неплохого местного пива… И тут появилось оно.

Нет, это была не пчела, чье нападение мы однажды доблестно отразили с Василием Уткиным во время парного комментария какого-то корпоративного футбольного матча на окраине Москвы. Пике неизвестной бразильской особи было гораздо более стремительным и целенаправленным. Вероятно, из-за ее неизвестных мне природных отличий от тогдашней прозаической сборщицы пыльцы. Но, возможно, и потому что задачи выбора между двумя объектами на этот раз попросту не существовало.

Одним словом, укус был внезапным, и опухоль росла параллельно со счетом, который к концу первого получаса игры был уже 5:0 не в пользу Бразилии. Наслаждаться просмотром мешали и боль, и мысли о том, как комментировать финал, который, слава богу, был еще не завтра, но… И даже пиво не в радость, разве что охлажденная бутылка хороша для компресса… И слезы…

Сразу после просмотра, в гостиничном лифте, спускаясь в аптеку хоть за каким-нибудь лекарством, я «плакал» вместе с двумя бразильцами. И было видно, что они благодарны мне за сочувствие.

Что же касается финала между Германией и Аргентиной на стадионе «Маракана», то опухоль за пять дней почти не спала, и я чувствовал себя этаким комментатором настольного тенниса: шарик налево — шарик направо, а ты вертишь головой туда-сюда. Вот и здесь, чтобы успевать следить за ходом игры, пришлось вовсю поработать шеей.

Попадая в Берлин, я теперь задираю эту же шею, чтобы посмотреть на гигантское изображение Марио Гетце. «Золотой

мальчик» на стене дома забивает тот самый «золотой гол» в дополнительное время решающего матча. Смотрю и мысленно подвожу итог «моих» финалов. Лос-Анджелес, Париж, Берлин и Рио-де-Жанейро — четыре города. Бразилия, Франция, Италия и Германия — это четыре чемпиона.

Будет ли пятый репортаж? И если да, то будет ли он парным? А может, тройным? Эта форма, как в свое время одеколон той же маркировки, набирает сейчас все большую популярность.

Как отреагировать на неожиданный вопрос незадачливого коллеги по репортажу: «Помните точно такой же гол в 83-м?» На мой взгляд, сглаживающим неловкость ответом может быть такой: «Не помню, но верю».

Вот так же и про пятый финал: «Не знаю. Но верю…»

Глава седьмая
За кого болеют комментаторы

— Дави «Динаму»!

— Товарищ, но «Динамо» не склоняется.

— Ничего, перед ЦДКА все склоняются!

Старая байка

«Вратарь, не суйся за штрафную!»

«За кого болеют комментаторы?» Книгу с таким названием корреспондента спортивной редакции ТАСС Александра Левинсона в свое время раскупили мгновенно. Она была хорошо написана, к тому же Саша явно угадал с названием.

Телезрителю во все времена было крайне интересно, кому же отдают симпатии люди у микрофона. И хотя Левинсон, кроме очевидных пристрастий, типа Маслаченко — это «Спартак», особых секретов не раскрывал, заголовок срабатывал отличной приманкой.

Когда Первый канал показывал матчи чемпионата РФПЛ, к нам в редакцию приходило довольно много писем. Забавляло то, что критическая часть почты, скажем, после игры ЦСКА — «Спартак» из раза в раз делилась на две равные части. В одной из них утверждалось, что комментатор беззастенчиво болеет за армейцев, в другой авторы спрашивали: ну, сколько можно так открыто поддерживать красно-белых?

Что ж, возможно, причина такой «неразберихи» в том, что я с детства — поклонник ни ЦСКА, ни «Спартака», а московского «Динамо»? Но столь неудачный жизненный выбор, видимо, даже не укладывается в голове телезрителя.

Уверен, все еще поправимо. И первый шаг уже сделан. И мое «Динамо» будет достойно играть на стадионе имени Льва Яшина — главной легенды за всю историю бело-голубых.

С Яшиным удалось познакомиться в далекие 80-е во многом благодаря спортивному журналисту Михаилу Шлаену. Работая в «Советском спорте», он предложил мне выступить в роли соавтора большого материала. В Москву тогда прилетел Франц Беккенбауэр, который, естественно, не мог не встретиться со своим давним соперником и другом.

Согласился я с большим удовольствием. Во-первых, потому, что до того видел своего кумира только с трибуны. А во-вторых, потому что хотел спросить Льва Ивановича о весьма неприятном периоде в его жизни, когда я по-мальчишески рыдал от несправедливости, а мой папа…

Впрочем, обо всем по порядку.

Яшина гнобили. И начало моего футбольного боления пришлось как раз на это время. Только один раз в жизни я видел, как мой отец бил человека. Нет, конечно, не бил, а как-то неловко по-интеллигентски пихал в грудь, словно пытаясь остановить поток извергавшейся брани в адрес «проср…вшего все Левы». Было это на традиционной для нас с отцом Северной трибуне

стадиона «Динамо» в тот короткий промежуток времени, когда Яшин продолжал получать по полной за поражение сборной на чемпионате мира 1962 года в Чили, но еще не получил «Золотой мяч» как лучший футболист Европы-63. Почти невероятно, но орущим непристойности был знаменитый драматург, называть имя которого я не хочу.

Сегодня, когда Яшин занимает вратарское место в символических сборных мирового футбола, когда он признан лучшим голкипером всех времен и народов, когда о нем снимают фильмы, когда есть яшинские монеты, улицы и памятники (в том числе в Рио-де-Жанейро), сложно представить, что этот человек подвергался таким гонениям. Причем даже не со стороны властей и официальных лиц, что было бы нормально для того времени, а со стороны любителей футбола, введенных в заблуждение газетными репортажами из Чили.

Отечественное телевидение начало показывать мировые первенства с 1966 года, причем, надо сказать, сразу взяв быка за рога. Помню, как отцу пришлось даже брать напрокат второй телевизор. Ведь прямые трансляции из Англии шли одновременно на двух каналах, и мы ломали глаза, пытаясь не пропустить ни одного интересного момента на экранах поставленных рядом черно-белых приемников.

Но чилийский чемпионат советский зритель еще не видел и вот доверился отчетам корреспондентов, свалivших все на Яшина. Сегодня в Интернете можно легко найти те пропущенные мячи. Да, они были, как говорят комментаторы, не из разряда неберущихся. Но абсолютно уверен в том, что жесткий вывод был обусловлен двумя факторами. Во-первых, у пишущих не хватило профессионализма, чтобы проанализировать многогранные причины неудачи. А зачем ломать себе голову, рассуждая о тактике и уровне физической подготовки игроков, если можно просто свалить все на вратаря? Во-вторых, найти козла отпущения было уж очень в стиле того времени. Ведь по советской морали весь коллектив, а уж тем более выполняющий почетную миссию за рубежом, просто не мог ошибаться.

Справедливости ради надо сказать, что у великого Яшина, как у любого голкипера, были свои неудачные дни. Так, прекрасно помню пропущенный им, правда, уже на склоне карьеры, гол от Николая Осянина, когда спартаковский нападающий поразил ворота «Динамо» ударом метров с сорока. Но для футбольной истории гораздо важнее этих отдельных оплошностей было яшинское новаторство. Ведь он задал новые принципы игры в своем амплуа, оторвавшись от линии ворот, действуя по всей штрафной и даже за ее пределами. Тему с

успехом развил и продолжает развивать великолепный Мануэль Нойер. А Евгений Евтушенко посвященное Яшину стихотворение назвал: «Вратарь выходит из ворот» и даже использовал необычный для того времени стиль игры голкипера в качестве аллегории:

…Захватывала эта смелость,
когда в длину и ширину
временщики хотели сделать
штрафной площадкой
всю страну.
Страну покрыла паутина
запретных линий меловых,
чтоб мы,
кудахтая курино,
не смели прыгнуть через них.
Внушала,
к смелости ревнуя,
Ложно-болельщицкая спесь:
вратарь,
не суйся за штрафную!
Поэт, в политику не лезь!

К тому же голкипер новой формации, Яшин прекрасно выбирал позицию, а начиная атаки, точным вводом мяча рукой словно рассылал партнеров по нужным местам. Ну и, конечно, ему удалось показать себя с лучшей стороны именно тогда, когда на него смотрел весь мир. Блистательные 45 минут в воротах сборной мира на лондонском матче в честь столетия футбола, намертво взятый пенальти от Сандрино Маццолы в римском матче 1/8 финала Кубка Европы с итальянцами и его другие феноменальные действия в той игре…

«Ничья равна победе» — написали тогда газеты, и в этом случае уже были правы, поскольку вкупе с домашним успехом она позволила нам продолжить участие в турнире. Кстати, прекрасный отчет для журнала «Огонек» в ноябре 63-го подготовил упоминавшийся здесь в качестве сокомментатора моего дедушки писатель Лев Кассиль. А Маццола, объясняя свою неудачу, скажет: «Просто Яшин лучше меня играет в футбол».

В дальнейшем, на мой взгляд, вот так же, если хотите, повезло другому прекрасному вратарю — Ринату Дасаеву. Он несколько раз «выстрелил» ровно тогда, когда это было надо, став в 1988 году Голкипером года в мире. Каждое лыко — в строку: даже мяч, пропущенный от голландца Марко ван Бастена в

финале чемпионата Европы, на мой взгляд, сыграл свою роль. Невероятный гол не только не бросил тень на Дасаева, но и добавил ему популярности в футбольном мире. Такое, согласитесь, бывает крайне редко.

…Встретив нас со Шлаеном в одном из кабинетов Спорткомитета на Лужнецкой, Лев Иванович внимательно выслушал мои сетования на тех несправедливых болельщиков. Приобнял и, улыбнувшись, сказал: «Но провожать-то пришли полные «Лужники». А может, просто так были рады, что ухожу?» И расхохотался.

Ужин с Пеле

Много лет спустя Валентина Тимофеевна Яшина, вдова Льва Ивановича, сделала мне предложение, от которого отказался бы лишь сумасшедший. В дни чемпионата Европы 1992 года в Швеции я должен был в одном из ресторанов Гетеборга сопровождать ее на встрече при свечах с Бобби Чарльтоном, Жюстом Фонтэном и Пеле!

Эта блистательная тройка решила пригласить Валентину на ужин в память о ее муже и их друге. К тому же именно тогда, во время «Евро», Яшина в очередной раз включили в футбольную сборную всех времен, так что имелся и дополнительный повод.

За красиво сервированным столом Фонтэн, владелец рекорда по количеству голов, забитых на одном чемпионате мира (13 на ЧМ-58 в той же Швеции), хвастался специально отпечатанными стильными черно-белыми фото с местом для автографа. На что его соседи по столу с деланной обидой отвечали: «Конечно. Куда нам такие „визитки“! Мы же в жизни столько не забивали и уже не забьем на одном турнире!» После чего последовал всеобщий взрыв смеха. Благо объяснять шутку жене вратаря необходимости не было.

Чарльтон, помню, удивил неожиданно теплым отношением к российскому автопрому. «Моя жена с огромным удовольствием ездит на „Ладе“, — вдруг неожиданно сообщил он под очередной тост за футбольную дружбу. — Компактная, удобная машина, особенно для такого города, как Лондон». Почему сэр Роберт упомянул английскую столицу, хотя, по логике моих рассуждений, должен был жить в Манчестере, я тогда не уточнил. Впрочем, не в этом суть.

С Бобби Чарльтоном случилась еще одна памятная встреча — уже в дни мирового чемпионата-98 во Франции. Не буду хвастаться, про встречу в Гетеборге он уже не помнил, но был крайне любезен и податлив во время телеинтервью. Использую это довольно странное слово «податлив», потому что наш, увы, уже покойный оператор Игорь Чульпенев просто замучил именитого британца своей известной пунктуальностью при установке света и камер.

Но самое забавное заключалось в том, как Игорь при этом обращался к великому футболисту. Дело в том, что в дни французского чемпионата исполнился год со дня гибели в парижском туннеле принцессы Дианы. В связи с этим отовсюду звучало и у всех на устах было имя ее мужа принца Чарльза. С другой стороны, я предупредил Чульпенева, что Чарльтона по

правилам этикета надо называть «сэр». В итоге моя вводная и парижская осведомленность Игоря переплелись самым причудливым образом, и объект интервью получил в устах оператора этакое комбинированное имя — Сэр Чарльз. «Сэр Чарльз — то зе лефт, ноу э литтл бит то зе райт, вот так, гуд…»

Чарлтон, думаю, догадываясь, в чем тут дело, лишь широко улыбался и время от времени одобрительно похлопывал забавного русского по плечу. Уверен, несмотря на словесную путаницу, он чувствовал в нашем друге большого профессионала своего дела. Именно таким Игорь и был. Светлая память.

Ну а что же Пеле? Тогда, в Гетеборге, выпив очередной бокал какого-то очень специального красного вина, он согласился поведать мне историю своего имени. Доверительно взяв меня за плечо, Эдсон Арантис ду Насименту сказал: «Нет, почему „Пеле“ я точно не знаю, к тому же это долгая история, чтобы ее рассказывать сейчас. А вот про „Эдсона“ все очень просто. Мой отец считал изобретение электрической лампочки главным в истории человечества. Вот и назвал меня в честь американского ученого Томаса Эдисона. Так что я вполне мог стать и Томасом».

Встреча с «королем футбола» тоже оказалась не последней. Шесть лет спустя на мировое первенство во Францию Пеле прилетел в роли представителя одной из ведущих международных банковских систем. Какой-то из его рабочих дней был целиком посвящен телеинтервью. Каждые четверть часа в номер «люкс» дорогой парижской гостиницы поднималась следующая по очереди съемочная группа. К четвертому часу разговоров, когда пришел наш черед, герой был похож на выжатый лимон, но держался молодцом и, по свидетельству выходящих, обязательно говорил что-то теплое о конкретной стране.

Вот и здесь Пеле, увы, тоже не вспомнивший наше шведское застолье, мило улыбнулся и сказал, что хочет для начала обратиться к телезрителям. И только потом ответить на три положенных вопроса. Начало «королевского» обращения стало шоком.

«Я приветствую всех болельщиков с родины футбола. И должен сказать, что в числе ваших соотечественников у меня много друзей. Например, Бобби Чарльтон…»

«Одну секундочку, — спасая ситуацию, взмахнул руками американский организатор интервью Тони Синьори, — это телевизионщики из России!»

«Да? — Пеле удивленно вскинул брови, при этом почему-то ткнув меня в грудь. — Тогда давайте еще раз».

Оператор дал отмашку, и Пеле, снова расплывшись в

широкой улыбке, произнес: «Здравствуйте, друзья. Я люблю вашу холодную, но гостеприимную скандинавскую страну».

…Пятнадцать минут или три вопроса спустя я отправил свою группу с отснятой кассетой на местный телецентр, а сам решил дождаться Тони. Уже ближе к полуночи, пожав друг другу руку на ступеньках отеля, мы вспоминали, как Пеле тепло говорил о Яшине, как хвалил активного Роберто Карлоса, несмотря на ошибки атакующего защитника в обороне… И, конечно, посмеялись на тему «Скандинавии».

После чего я, признаюсь, не без гордости заметил: «Слушай, а как Пеле в самом начале купился на мой английский — даже принял меня за их журналиста».

«Видишь ли, Виктор, — улыбнулся Тони, — по-английски с ним сегодня говорили многие. И некоторые, уж извини, даже лучше, чем ты. Но за англичанина он принял только тебя. Знаешь почему? Да потому что больше ни у кого на груди не было британского флага!»

Обмененный утром у английского коллеги значок поблескивал на кармане рубашки, куда я пристроил его, чтобы не потерять…

Добавлю, что тогда же я вручил Пеле свитер хоккейного ЦСКА середины 90-х. На эмблеме из привычной красной звезды вылезал задорный «питтсбургский» пингвин. Знаете ли, еще один географический казус.

Это были веселые встречи и забавные разговоры. А самым грустным интервью в моей жизни в итоге оказалось взятое у Бобби Мура. На уже упомянутом здесь Евро-92. Я был недоволен беседой и, закрывая блокнот, по-журналистски критически оценил ответы собеседника как «вялые». И зачем я уперся в тему будущего мирового футбола?!

Легендарный капитан сборной Англии, чемпион мира-66 умрет от рака полгода спустя…

Подкат под Еврюжихина

Детские симпатии к динамовцам Игорю Численко, Виктору Цареву, Владимиру Козлову, Валерию Маслову, Александру Маховикову, Валерию Зыкову (стоп, а то никогда не остановлюсь) ставят их для меня почти на одну доску с великим вратарем бело-голубых.

И, конечно, Еврюжихин. Говорю о нем отдельно, потому что судьба назначила нам с Геннадием Егоровичем неожиданную встречу.

Но сначала была детская влюбленность в стремительного крайка, который именно в таком амплуа и ворвался в состав бело-голубых. Уже в своей первой игре в Петровском парке он на наших глазах забил ростовскому СКА (мы с папой ходили на все московские матчи «Динамо»). И тем же летом в «Лужниках» — три мяча «Спартаку», разгромная победа над которым 4:0 стала поводом для моего мальчишеского торжества. Ведь друзья по дачному поселку, конечно же, болели за «народную» команду. И только у меня была белая футболка с численковским номером 7. И синие «семейные» трусы, над нижней кромкой которых мама нашила белые полоски.

В те годы красно-белые были не просто принципиальным соперником для «Динамо», но еще и архисложным, я бы сказал, каким-то неудобным, вне зависимости от конкретного турнирного положения. Каким, скажем, для самого «Спартака» многие годы являлось «Торпедо». Возможно, я здесь преувеличиваю, но проверять статистику не полезу. Повторяю: меня окружали исключительно «спартачи», и это создавало особую ауру.

Еврюжихин! Думал ли я, что десять лет спустя буду отчаянно бросаться в ноги кумиру, пытаясь прервать его фирменный фланговый проход. И что сам при этом буду капитаном армейской команды! Нет, не ЦСКА или СКА, а сборной советских военных специалистов. И что случится это в Африке, куда я, кстати, улетел 14 августа 1977 года — уже на следующий день после распоряжения Совета Министров СССР о направлении в Эфиопию советских военных советников. И, кстати, на следующий день после похода с отцом на победный для «Динамо» финал Кубка СССР с голевым пасом Михаила Гершковича (боже, какие детали хранит память!) и победным мячом Владимира Казаченка в ворота «Торпедо». Вот были времена: поздно спохватившись из-за хлопот с моим отъездом, папа уже не успел купить билеты на центральную трибуну стадиона в Петровском парке, и мы впервые сидели не на Северной, а за воротами.

Как сказал Владимир Маяковский: «Я недаром вздрогнул…»

Начинавшееся этими словами стихотворение посвящено дипкурьеру Теодору Нетте. С аналогичной миссией прибыл в Эфиопию и новоиспеченный сотрудник МИДа Геннадий Еврюжихин. За год до того в матче против киевского «Динамо» ему сломал ногу Леонид Буряк, и на футбольной карьере пришлось поставить крест. В 32 года. Предложение Константина Бескова помочь в спасении оказавшегося в Первой лиге «Спартака» было уже неактуальным.

А я действительно вздрогнул, даже еще не увидев его лица. Узнаваемая, почти родная фигура динамовского полузащитника. Словно письмо из дома, словно напоминание о какой-то бесконечно далекой, мирной жизни. Рядом никто не курил, но я, честное слово, даже почувствовал до боли знакомый такой легкий на свежем воздухе сигаретно-папиросный запах динамовских трибун.

Возможно, Геннадий тогда в первый и последний раз забивал мяч в ворота с камуфляжной сеткой. Из трех голов гармонично влившийся в сборную советского посольства Еврюжихин стал автором двух. А еще успел сделать голевую передачу, несмотря на тот мой жесткий подкат шипами вперед. «Терпи, Гена, это тебе не на „Динамо“ бегать! Здесь — на войне, как на войне!» — куражились «трибуны». Зрители из числа как посольских, так и военных стояли, окружив поле в контуре колючей проволоки и аплодируя каждому рывку и финту неожиданного гостя.

За кружкой весьма неплохого эфиопского пива Геннадий хлопал меня по плечу и картинно разводил руками: «Во дела! Советский дипкурьер выпивает с человеком в натовской форме!»

Почему форма была от Североатлантического союза, я уже рассказывал в той части моего повествования, где написал о расстрелянном кубинском генерале. А когда обратил внимание Еврюжихина на то, что я, достаточно крупный молодой человек, соответствую минимальному размеру SMALL куртки потенциального противника, мой собеседник, отхлебнув пива, вдруг, почти не в тему, грустно сказал: «А у нас самым здоровым был Вовка Ларин. После Вологды играет за какие-то предприятия, заводы. Не режимит. Эх…»

Больше о своем бывшем партнере Еврюжихин, увы, рассказывать не захотел. И Владимир Ларин так и остался для меня этаким загадочным метеоритом, сверкнувшим, как над Челябинском, на небосклоне нашего футбола ближе к концу 60-х.

Пишу об этом, скажем прямо, не самом видном игроке в истории динамовского клуба (хотя с 1968 по 1971 год были 70 матчей и 22 забитых мяча), потому что редкие упоминания не

говорят о главном. Ни статья в Википедии, ни несколько строк в толстой книге о моей любимой команде, ни даже статистическая справка о включении Ларина в число 33 лучших футболистов страны в 69-м и о победе в составе «Динамо» в Кубке СССР на следующий год…

Чуть ли не с самого его появления в составе бело-голубых (а тогда, в 68-м, он даже был включен в символическую сборную лучших дебютантов сезона) считалось, что физически, несмотря на приличные габариты, на весь матч его не хватает. Но, даже выходя на замену, этот парень заставлял трибуны гудеть в нетерпении. Только дайте пробить! Удар Ларина был опасен, как мне казалось (простите это преувеличение 13-летнему мальчишке), даже из собственной штрафной. Владимир тщательно устанавливал мяч, пусть до ворот было метров 40, и болельщики замирали в ожидании. Вот уж где была пресловутая «пушка страшная»!

Как сейчас, помню гол в 69-м году «Спартаку» — едва ли не из центрального круга. Анзор Кавазашвили, возможно, самый ловкий и прыгучий голкипер того времени, просто взвился под перекладину, но не смог ничего поделать. А еще и мяч, попав в самую девятку, эффектно застрял между сеткой и задней частью каркаса. Еще вспоминается, как Ларин веселил трибуны, когда команде надо было потянуть время. Он подбегал к угловому флажку и корпусом закрывал мяч, попытаться выбить который из-под мощнейшей ноги было для соперника занятием совершенно бесполезным.

А вот что было дальше с любимцем публики? Знаю только, что умер Ларин в 95-м в Москве в возрасте 47 лет.

Самого же Геннадия Егоровича не стало в 98-м. Серебряный призер Евро-72, сыгравший под три сотни матчей за «Динамо», достойно продолживший карьеру в качестве ценного сотрудника дипломатической службы и отработавший на ней более двух десятков лет, не дожил до 55-ти.

Глава восьмая
В игре и вне игры

— Вы ошибочно сообщили в паузе, что наша сборная проиграла — 0:7.

— А как на самом деле?

— 0:7, но зачем об этом сообщать?

(Из беседы с секретарем посольства одной из дружественных стран)

Не хотелось бы никого обижать?

Сегодня, при обилии футбола на ТВ, трудно себе представить времена, когда зарубежный футбол доходил до нас исключительно газетными и журнальными публикациями. О мировых звездах 50-х — середины 60-х мы только слышали. И любили их, как любят женщины. Ушами.

Первая возможность увидеть чемпионат мира появилась в 1966 году. Помню, как мой папа, дождавшись такого праздника, взял напрокат второй черно-белый телевизор, и мы смотрели матчи одновременно по двум каналам. Постепенно в программе передач отечественного телевидения появились матчи еврокубков. Ну а трансляции игр английского, немецкого, итальянского чемпионатов — вообще достижение относительно недавнего времени.

И вот что интересно: не переходя на личности в репортажах о российском футболе (ну, если, конечно, это не Кокорин с Мамаевым), мы частенько стали «оттягиваться» в рассказах о людях футбола тамошнего. Здесь и непроверенные слухи, и сенсационные факты личной жизни игроков или тренеров, и ерничество по поводу внешнего вида персонажей. Все понятно — «герои» твоего комментария о тебе и слыхом не слыхивали, никогда не узнают и твоих оценок, а значит, безнаказанность гарантирована.

На это замечание мне иногда отвечают, что дело не в некой «тактичности» по отношению к своим, а в зарубежной прессе. Мол, там все эти пикантные детали вовсю гуляют по страницам газет и просятся в репортаж, а у нас — сплошные тайны за семью печатями. Но, согласитесь, это лукавство. Ведь я говорю и о спонтанных, чисто человеческих оценках. Скажем, об опытном, но теряющем форму итальянском или немецком защитнике можно услышать и «уже не тот», и «доигрывает свой век», о нашем же — в крайнем случае что-то вроде: «на перспективу тренерам нужно будет подумать о достойной смене».

«Защищаются по-рабоче-крестьянски». Можно ли представить себе такую фразу об игре одного из наших аутсайдеров? Конечно, нет, ведь целый регион обидится. А о «Лестере», между прочим, за год до этого ставшем чемпионом Англии, — пожалуйста. Ведь графство Лестершир в Восточном Мидленде наша оценка никак не волнует.

Комментарий звучит интригующе: «Манчестер Юнайтед» против «Манчестер Сити»! Подобное дерби в английском футболе всегда предполагает провокации». Прекрасно. Слушаю и

соглашаюсь. Наверно, такое журналистское утверждение имеет право на жизнь. Вполне допускаю даже, что это очень тонкое замечание. И какие-то действия игроков уже могут служить его непосредственным подтверждением.

Но почему оно звучит исключительно оттуда? А московское дерби: ЦСКА — Спартак? Здесь провокациям места нет? Это какой-то другой, стерильный футбол? Или просто: «Не хотелось бы никого обижать»?

Фраза: «Я часто нападаю на английских судей» — нормальна и обычна для репортажа. А вот слышали ли вы когда-нибудь от российского комментатора: «Я часто нападаю на наших судей». В лучшем случае это будет: «Мы часто нападаем на наших судей». И за этим тут же пояснение, что эти обобщенные «мы» далеко не всегда оказываются правы, ну, и, как говорится, далее по тексту.

Максимально раскручивая чужие страсти, мы старательно глушим свои. Это не только обедняет репортаж, но и насаждает двойные стандарты.

В беседе с известным и, увы, трагически погибшим журналистом Павлом Шереметом для его книги «ТВ: между иллюзией и правдой жизни» мы, в частности, обсуждали вот такую ситуацию. Скажем, «Московский комсомолец» на первой странице поместил карикатуру на какого-то политика. Тот обижается, но через два дня дает интервью тому же «МК», потому что деваться ему некуда. Но если там же вдруг появится карикатура на кого-то из тренеров, он просто плюнет на газету, мол, нужна она мне, и навсегда откажется с ней разговаривать, ничего при этом не потеряв.

И, попутно, скажите, когда вы последний раз видели у нас острый футбольный шарж, которыми полнятся издания в других странах?

Зарубежные коллеги своих не жалеют, как будто и не надо поддерживать хорошие отношения и с помощью ласкового тона сохранять возможность дальнейшего общения с объектом репортажа. Почему? Объяснения даны уже давно. Их несколько, но первое лежит в области контракта: даже суперзвезда не будет нарываться на санкции за отказ от контактов с прессой.

Вы скажете: хорошо, а как тамошние комментаторы, в свою очередь, говорят о наших? Если честно, ответить затрудняюсь, потому что о наших они вообще особо не говорят. Читатель удивлен?

Правда, в дни последнего чемпионата Европы во Франции столкнулся с исключением из этого правила. После того, как по просьбе «Экип» написал в номер футбольную колонку, получил приглашение в редакцию. Моим гидом стал Эмманюэль Боян,

совмещающий работу корреспондента с ведением репортажей о матчах нашей Премьер-лиги. Издание имеет на одном из этажей своего дома в Париже собственную телестудию. В числе прочего, «ТВ-Экип» регулярно показывает наш футбол. Замечу, что Эмманюэль оказался весьма сведущим в делах РФПЛ, а предметом его особой гордости является произношение фамилии рекордсмена сборной России по числу проведенных за нее матчей.

«У нас его называют „Иньяшевич“, но я-то знаю, что правильно — Игнашевич!»

Впрочем, ударение у моего французского коллеги при всей правильности букв все равно упало на последний слог. Но тут, видимо, уже ничего не поделаешь…

Не уровня сборной

Комментировать сборную России непросто. В случае поражения комментатору напомнят о тональности репортажа. Если ты хвалил команду — значит, сглазил. Но если ругал, то накаркал. Как втиснуться между двумя эмоциональными глаголами? Разве что ограничившись перечислением фамилий?

Фраза «не уровня сборной», по оценке зарубежных коллег, едва ли не самая мягкая из тех, что у них говорят об игроке, провалившемся на своей позиции в важном международном матче. У наших болельщиков она, как оказалось, может вызвать бурю негодования.

Слова, сказанные мной о Романе Широкове в матче с испанцами (1:4) на чемпионате Европы 2008 года, повлекли за собой серьезную критику. Как если бы наш плеймейкер, вопреки мнению комментатора, безукоризненно сыграл на непривычном для себя месте центрального защитника.

Критиковавших уже не интересовала моя оценка умелых действий Романа, когда он ближе к концу встречи в своей естественной функции пошел вперед и сделал голевой пас Роману Павлюченко. Или то, что сам Гус Хиддинк, после этой игры убравший Широкова из основного состава, в интервью корреспонденту «Спорт-экспресса» Максиму Квятковскому сказал: «Широкову, чтобы вернуться, надо выйти на другой уровень». Тут, извиняюсь, даже возникает вопрос: а не процитировал ли кого-то наш главный тренер?

Кстати, специально пересмотрел в записи тот репортаж из Инсбрука. Признаюсь, тут мне стоит дать самому себе, а попутно и начинающим комментаторам один совет. Надо всегда представлять разношерстность своей аудитории. Если для кого-то рассуждения об общей турнирной стратегии применительно к конкретной игре крайне интересны, то кого-то они просто могут привести в бешенство.

Поясню. Хиддинк очень грамотно подвел команду к финальному турниру Евро. Внимательно следя за нашими на сборах в Германии (помните, это когда голландец усаживал всех на велосипеды вместо поездки на автобусе), я видел, как они после напряженного сезона удивительно быстро приходят в себя и обретают нужные кондиции. При этом умница Хиддинк выстраивал подготовку так, чтобы наши вышли на пик к решающим матчам в группе, в число которых, как и подтвердило дальнейшее развитие событий, уж точно, не входил стартовый матч с испанцами. О том, что в стратегическом смысле он не

носит характера «пан или пропал», говорили в команде. Намекнул на это и я — в начале репортажа, кстати, процитировав Игоря Акинфеева. Так вот, как выяснилось, такие вещи делать нельзя. Огромная часть телезрителей, послушав национальный гимн и, возможно, даже подпев ему, не желает и слышать о замысловатой «турнирной стратегии», какой бы мудрой она ни была. Нужна победа. Здесь и сейчас. А турнирная стратегия? Как говорила по другому поводу Скарлет О'Хара, «я подумаю об этом завтра».

Мудрое бородинское решение фельдмаршала Кутузова о временном отступлении тоже было непонятно многим. Помните: «ворчали старики»? Вот только рассказавшего об этом Лермонтова уж точно никто не обвинил… Может, и мне надо было в стихах?

Сразу после матча в сети появились реальные угрозы не только в адрес комментатора, но также в адрес семьи и даже домашних животных. В результате руководство Первого канала со словами: «Надо вывести Гусева из-под удара», — приняло решение заменить меня на следующем репортаже Геннадием Орловым. Тем более что я жил в Вене, а Геннадий Сергеевич с самого начала располагался в Базеле, где наши и должны были провести памятный четвертьфинальный матч с голландцами.

По ходу турнира Испании мы проиграли еще раз. Проиграли уже «без меня». И уже не пристрелку, а главный, по-настоящему значимый матч того турнира, за шаг до финала. Впрочем, откликов на этот досадный проигрыш практически не было. Ведь в карман уже легли бронзовые медали, и сборная возвращалась домой под гром оркестров и заслуженные овации всей страны.

Да, победив голландцев, мы прыгнули выше собственной головы. И тут же, как мне до сих пор кажется, заранее смирились со своей участью, наткнувшись на лучшую команду Европы, которая уже разгромила нас в начале турнира. Конечно, испанцы были сильнее. Они вообще тем летом были сильнее всех. О превосходстве соперника абсолютно обоснованно говорили перед полуфиналом и наши опытные тренеры. «Увы, фавориты — не мы», — смиренно вторили им наши уже овеянные славой игроки.

Вот только, черт возьми, не нашлось среди них смутьяна, оторвы, который, как когда-то Вадим Евсеев, взял бы и крикнул в камеру: «Кто фавориты? Испанцы? Х… вам!»

Конечно же, когда меня редко, но спрашивают, почему мы тогда остановились за шаг до финала, я профессионально говорю, что шансов против испанцев у нас не было изначально. Ведь так хочется вместе со всеми безоглядно радоваться неожиданной бронзе. И звучать спокойно, солидно, интеллигентно. Не так, как

Вадик…

Что же касается Широкова, то после окончания турнира, в котором он больше не сыграл ни разу, Роман в присутствии Виталия Мутко отказался пожать мне руку. Конфликт был исчерпан несколько лет спустя на трибуне Дворца спорта на Ходынке перед одним из матчей хоккейного Кубка Первого канала. Поговорили мы, в частности, и о том, что во время игры в Инсбруке футболист, естественно, не мог слышать моих слов и оценить их корректность или некорректность. Ну а сразу после матча в дело вступили «доброжелатели» со своими сочувственными комментариями.

Чем-то похожая история случилась у меня с Валерием Газзаевым в бытность его главным тренером ЦСКА. После матча в Санкт-Петербурге, уже возвращаясь домой из Шереметьево, я услышал от него по телефону весьма неприятную оценку моего репортажа.

Газзаев не мог понять, что я «имею против него лично» и, прямо скажу, в весьма жесткой форме предложил «назначить встречу».

Я же посоветовал Валерию сначала посмотреть запись трансляции и самому оценить то, что я говорил в ней о ЦСКА и его тренере.

Помню, тогда не спал всю ночь. Обидно было получить незаслуженный упрек от уважаемого мной человека, которого я, кстати, всячески поддерживал после его вынужденного ухода из сборной. И конечно же, от того «одиннадцатого номера», фамилию которого я, его ровесник и еще далеко не комментатор, надрывая горло, орал в «Лужниках» летом 84-го, болея за «Динамо» в победном финале Кубка СССР.

А наутро Валерий Георгиевич позвонил: «Все нормально, Виктор. Я посмотрел запись. Это мои друзья сгустили краски. Такое бывает: уж очень они за меня переживают. Думаю, на наши отношения это не повлияет. Вообще, по моему опыту, из таких недоразумений часто вырастает длительная дружба».

Не могу сказать, что эта история сблизила нас до совсем дружеских отношений. Но тени обиды и недосказанности не осталось. Как и ни с одним другим человеком в столь пестром футбольном мире. Факт этот меня столь же радует, сколь и удивляет.

Может, я ошибаюсь. Тогда сразу звоните.

О Симоняне на Копакабане

Возвращаясь к теме провидческого планирования Хиддинка на Евро-2008, замечу, что его удивительно наглядным подтверждением стал провал российской сборной на следующем чемпионате Европы. В первом матче группового турнира наша команда под руководством Дика Адвоката разгромила чехов. По иронии судьбы игра закончилась с тем же счетом, как и в матче с испанцами год назад, — 4:1, только уже в нашу пользу. Но на это, видимо, как в фильме «Волга-Волга», ушел весь пар. Недальновидность привела к тому, что в итоге мы с никому не нужными тремя очками бесславно досрочно вернулись домой.

В этом повествовании невольно приходится перескакивать с одной темы на другую, а затем возвращаться к первоначальной, но ведь именно такова причудливая жизнь спортивного телекомментатора. Так отчего же не соблюдать ее естественную стилистику?!

Возвращаясь к принципу «здесь и сейчас», то есть к тому, что победа в представлении множества людей не может быть этакой отложенной задачей, вспомню развивавшуюся на моих глазах историю Анатолия Бышовца, который подхватил бесхозную сборную летом 1998 года. Проницательный тренер, умеющий просчитывать на много шагов вперед, Анатолий Федорович после ухода Бориса Игнатьева согласился взяться за национальную команду (вот были времена!) только с одним очень существенным условием. Бышовец обещал подготовить конкурентоспособную сборную к следующему мировому первенству, то есть фактически пожертвовав очередным циклом, в который входил чемпионат Европы-2000. Новый тренер удивительно быстро получил заверение в том, что с этим никаких проблем не будет: работайте спокойно.

Но уже в сентябре неожиданно, как снег зимой в России, подошло время матча с Украиной. Даже в те далекие времена это было принципиальным противостоянием. Эх, о такой, мирной принципиальности сейчас говоришь со вздохом и надеждой на лучшее. Помню, как в ответ на замечание редактора трансляции о том, что меня плохо слышно с комментаторской позиции киевского стадиона, пошутил в эфире, мол, конечно, Украина-то теперь стала от нас немного дальше. Знал бы я тогда…

Помимо серьезных официальных отборочных игр, в том числе против (помимо украинцев) сборной французов в ранге чемпионов мира и неуступчивых исландцев, Бышовец и соперников по товарищеским матчам подобрал еще тех! Выездные

встречи со шведами и испанцами, а в довершение всего — Бразилия.

Досадные два раза по 2:3 против Украины и Франции. Решивший все автогол Юрия Ковтуна в Рейкьявике. И еще два поражения по 0:1 в пригороде Стокгольма и испанской Гранаде. К полету в Рио-де-Жанейро мы (а я, не оставляя телевизионных дел, работал пресс-атташе сборной) в итоге подошли с пятью проигрышами подряд, фактически принятым решением об отставке главного тренера и недобором футболистов. Так, в самолете на Рио среди нас не было игроков московского «Спартака», которых элементарно не отпустили под потрепанные знамена сборной. Поэтому красно-белых гордо представлял только Никита Симонян.

И если игра нашей сборной в городе Форталеза в итоге стала провалом, то выступление Никиты Павловича потрясло Копакабану. Тогда еще совсем молодой, только что отпраздновавший 72-летие, он с партнерами противостоял команде Бышовца.

Да, имевшая несколько дней запаса перед большой игрой сборная для матча на пляже разделилась на две части. Точнее, разделилась не сама, а по воле главного.

Надо сказать, что Бышовец всегда был и остается известен любовью к хорошо укомплектованным клубам. Вот и сейчас, стоя по колено в водах Атлантики, он называл составы: «Никита Павлович, Насибов (Миша Насибов — многолетний массажист сборной. — Прим. В.Г.), Гусев и доктор (Александр Ярдошвили — один из самых известных медицинских специалистов в нашем футболе. — Прим. В.Г.). А со мной, — продолжил Анатолий Федорович, — Панов, Витя Булатов, Есипов и Корнаухов. Поехали!»

Перечить тренеру мне не хотелось. Бог с ней, с явной разницей в классе двух властно сформированных команд. Вот только…

«Получается, у вас пять человек, а у нас — четыре», — робко возразил я.

«Хорошо, возьмите еще вон кого-то из мальчишек».

Наш «главный козырь» Симонян, бесспорно, самый именитый форвард из имевшихся в наличии (тут уж не поспоришь), мудро использовал отсутствие в пляжном футболе правила «вне игры». Расположившись недалеко от одной из штанг ворот соперника, он к тому же соорудил себе на песке удобный плацдарм. И, получив мяч, наносил с утоптанной площадки сокрушительный удар. Окружившие «поле» мальчишки аплодисментами и приветственным свистом оценивали мастерство ветерана.

Мысленно возвращаясь в детство, вспоминаю, как однажды на матч «Динамо» с донецким «Шахтером» взял с собой фотоаппарат. И надо же — по проходу между рядами сзади идет сам Симонян! Какая удача! Я разворачиваюсь, нацеливаю объектив, но медлю, и в кадр попадает только спина легендарного футболиста!

И тут же вижу, что вдали, в ложе на слиянии Северной и Восточной трибун динамовского стадиона, прямо за туннелем для выхода игроков, поднимается по ступенькам Владимир Маслаченко. Щелчок — есть фото!

Спина Симоняна и крошечный Маслаченко стали предметом зависти моих друзей-спартаковцев, без преувеличения под увеличительным (извините за каламбур) стеклом рассматривавших эти фотоснимки. Думал ли я тогда, что когда-то буду выходить на поле, пусть даже вот в таких, своеобразных матчах, с этими замечательными людьми? И уж тем более по-дружески общаться.

Интеллигентнейший Никита Павлович всегда называет меня исключительно по имени-отчеству. А Владимир Никитич с его ироничным прищуром почему-то неизменно обращался ко мне: «Красавчик». И совершенно неожиданно, впервые за все время нашего общения позвонил 31 декабря. Откуда-то с гор, чтобы поздравить с Новым годом. Наступал 2010-й. Последний в его жизни.

Самый странный матч с Бразилией

По ходу пляжной игры «имени Бышовца» под палящим солнцем Копакабаны изменения в составах все же произошли. На нашу сторону был переведен Олег Корнаухов, с паса которого я умудрился забить, возможно, самый красивый мяч в жизни. Армейский защитник ве́рхом сделал мне пас вдоль воображаемой центральной линии, и я издалека влепил с лета. Отчаянный прыжок выполнявшего функции голкипера Валерия Есипова не помог. Мяч влетел в верхний угол, а Бышовец пожал руку: «Решено, с Бразилией выходишь!»

На ноябрьский матч в город Форталеза на севере Бразилии российская сборная летела из Рио в одном самолете с соперником. Кафу, Ривалдо, Денилсон…. А в салоне бизнес-класса — главный тренер Вандерлей Лушембурго, к которому я подсел на предмет интервью, а в итоге так и заснул. Беспардонно, в удобном широком кресле.

Все на глазах 76 тысяч зрителей началось с получасовой задержки из-за проблем с электричеством, а закончилось сокрушительным поражением гостей (1:5). С единственным радостным моментом: при счете 0:5 «мой ассистент» Корнаухов в своем первом и последнем в жизни матче за сборную реализовал пенальти.

У нас дома эту игру увидели, но без моей озвучки. Комментаторская кабина на стадионе «Эстадио Пласидо Кастельс», и так похожая на склеп, отдавала каким-то каменным эхом еще и из-за своей абсолютной пустоты. «Аппаратура? А что, вы ее не привезли с собой?»

Отвечать на этот вопрос не было никакого смысла. За стеной предусмотрительные немцы, которые почему-то транслировали даже не «контрольный», а совершенно товарищеский матч на Германию, разворачивали свое богатое оборудование. Мне же достался лишь мобильный телефон нашего местного сопровождающего. Своего сотового у меня тогда еще не было, и сердобольный бразилец сжалился. Но имел я в своем распоряжении лишь… одну минуту.

Этого времени хватило лишь на то, чтобы сообщить подстраховывавшему меня в Москве Андрею Голованову весьма «экспериментальный» состав: Новосадов, Мамедов, Варламов, Некрасов, Соломатина, Игонин, Семак, Кормильцев, Есипов, Смертин, Филиппенков. Из 17 игроков, которые в итоге вышли у нас на поле в тот вечер, 11 были дебютантами сборной.

Шесть поражений подряд легли тяжелым камнем в историю

отечественного футбола. Ведь никто же не будет вспоминать, какие сложные, не в пример некоторым другим временам, были соперники по товарищеским встречам и в какой борьбе прошли все игры, кроме бразильской. Нет, шесть подряд. Антирекорд. Точка.

Печально закончилось все и в турнирном смысле. В итоге мы не попали на Европу, уже при более успешном Олеге Романцеве получив-таки в свои ворота пресловутый «гол Филимонова». Ну а мировое первенство, на которое изначально предлагал сделать ставку Анатолий Федорович, завершилось для нас невыходом из группы.

Помимо всего прочего, из пяти месяцев работы с Бышовцем запомнилась крайне интересная предматчевая установка на базе в Новогорске. С разбором тактики, элементами индивидуального общения и незаурядным психологическим посылом. Вот такую бы возможность перед каждым эфиром иметь комментатору! Увы, произошло это в первый и, вероятно, последний раз в моей жизни.

«Виктор, — услышал я от главного тренера, — ты наш, свой, ребята тебя признали, никаких претензий. И все же, когда за их спинами на установке сидит журналист, игроки чувствуют себя некомфортно. Так что больше не надо приходить».

«Крокодиловы слезы» Сычева

Пресс-атташе футбольной сборной — во второй раз в эту воду я вошел при Олеге Романцеве. По приглашению, переданному мне по телефону вторым тренером Михаилом Гершковичем.

Та японская командировка (а до продолжения турнира в Южной Корее мы, увы, не дошли) потребовала бы отдельной книги. Здесь же всего несколько моментов, которые, как и многие, попадают на страницы этой книжки просто потому, что первыми воскресли в памяти.

Моя должность неожиданно получила неофициальное название «со знанием». Автор термина — известнейший еще со времен СССР спортивный журналист Александр Львов. Речь шла о том, что один из двух пресс-атташе имел в своем запасе иностранный язык, а другой — нет. Вот так Саша с присущим ему чувством юмора условно и разделил нас на: «со знанием» и «без знания».

В Японии я мог оказаться без Львова. Правда, в этом случае я бы навсегда остался и без жены. Логика нашего вылета заключалась в том, что Оля должна была заехать за Александром, а потом, продвинувшись по Ленинградскому проспекту, захватить меня в нашей квартире на Соколе и отправиться во Внуково. В тот день аномальные дожди затопили Москву, превратив город в одну сплошную пробку. Команда, выдвигавшаяся с базы в подмосковном «Бору», безнадежно опаздывала. А машина с моей женой за рулем, нарушая все возможные правила, летела по узкой пешеходной аллейке в центре Ленинградки. Как они умудрились не врезаться ни в одно дерево, не сломать машину, не сбить человека и не погибнуть в конце концов — остается для меня загадкой. В результате же мы оказались в аэропорту на час раньше сборной.

Пресс-атташе «без знания», вспоминая тот ралли-рейд, до сих пор вытирает пот со лба. И неизменно спрашивает, как у Оли сегодня отношения с ГАИ?

Во время первого и второго матча я совмещал роль пресс-атташе с комментаторской, поскольку Первый канал показывал игры с Тунисом и Японией. Права на трансляцию последнего группового матча с Бельгией имели наши коллеги из ВГТРК.

Голы Егора Титова и Валерия Карпина в ворота африканцев на стадионе города Кобе принесли мне, как члену команды, помимо радости общей победы, семь тысяч долларов. Именно таким был мой гонорар по итогам турнира, да и вообще за весь цикл работы со сборной, поскольку за поражения никто не

платит, а два оставшихся матча завершились для нашей сборной неудачно. Во встрече с японцами в Йокогаме, несомненно, сыграло свою роль то, что нашими соперниками были хозяева турнира, которых все, по понятной причине, хотят видеть в стадии плей-офф. Я принципиально против «теорий заговора», но здесь, простите, и заговора не нужно. Это жизнь. Не назначенный немецким арбитром Маркусом Мерком пенальти, когда Игоря Семшова со всей очевидностью на глазах 66 тысяч зрителей и миллионов телезрителей сбили в штрафной, уже дал понять, что нам здесь придется непросто.

В итоге — поражение и многотысячные беспорядки в Москве, на Манежной площади, где велась трансляция на большом экране, и в ее окрестностях. До нас, изолированных от внешнего мира на базе в японском местечке Симидзу, информация практически не доходила. Правоохранительные органы посчитали, что фанатов спровоцировал показ в самом центре столицы рекламного ролика со сценами насилия. Знаю, что там использовалась сцена из американского фильма «Большой Лебовски», где мужчина наносит удары по машине тяжелым предметом. Раздосадованные итогом матча болельщики сначала забросали бутылками, конечно же, «виноватый во всем» экран. Потом дело дошло до окон гостиницы «Москва», после чего, громя все по ходу движения, переворачивая и сжигая машины, толпа завершила свое выступление на Лубянской площади.

От удара ножом погиб 17-летний школьник. Пострадали 79 человек. На следующий день подали в отставку начальник столичного ГУВД и его заместитель, но в итоге уволен был только последний. Случившееся дало повод Госдуме принять закон о борьбе с экстремизмом, который до того подвергался серьезной критике как ущемляющий свободы граждан. А трансляции матчей на больших плазменных экранах в Москве были запрещены.

Повторяю, мы в далекой Японии имели об этом крайне ограниченную информацию. И детальный рассказ нас, честно говоря, удивил бы. Ведь на тот момент команда, несмотря на поражение, сохраняла вполне нормальные шансы на продолжение борьбы в группе. Тем более что Тунис и Бельгия сыграли между собой вничью. И нам предстоял матч с бельгийцами, которые при всем уважении еще не были теми, кого сегодня знают и боятся лучшие сборные мирового футбола. Даже несмотря на то, что накануне чемпионата команда Робера Васежа взяла и выиграла в Париже у сборной Франции.

Кроме того, сейчас все чаще в голову закрадывается мысль, что те беспорядки на Манежной — Лубянке были кому-то очень нужны. Например, сторонникам упомянутого выше закона. Но это

лишь мои догадки.

Если же это не так, то фанаты были провидцами: следующий матч в японском городе Сидзуока, который нам достаточно было завершить вничью, мы проиграли — 2:3. Сидя на скамейке запасных во второй раз в своей жизни (после шведской товарищеской игры команды Бышовца), я чувствовал, насколько волнуются наши игроки. Пусть простят меня участники матча, среди которых мои очень хорошие друзья: может, я ошибаюсь. Кстати, вообще не могу понять, как тренеры способны составлять какое-то впечатление о ходе игры, сидя на уровне поля, а на некоторых аренах и ниже.

Выход на замену в том матче совсем юных Александра Кержакова и Дмитрия Сычева едва не спас нас от досадного поражения. Добавлю, что Сычев, самый молодой футболист отечественной сборной в истории чемпионатов мира, не только забил бельгийцам на 88-й минуте, но до этого в матче с Тунисом сделал голевой пас Титову, а потом и заработал пенальти для Карпина.

После злополучного матча с бельгийцами в телетрансляцию попал и пресс-атташе «со знанием», утешающий плачущего Диму. Если вы откроете Википедию, то увидите фото с серьезной подписью: «Слезы Сычева — один из самых памятных моментов в истории российского футбола».

Весьма эмоционально сказав об этом пять минут спустя в раздевалке Олегу Романцеву, я был удивлен реакцией главного тренера: «Сычев? Крокодиловы слезы!»

Да, вскоре после возвращения домой Дмитрий со скандалом покинул «Спартак», перебравшись во Францию, но тогда, в Японии, для меня еще ничто не предвещало такого развития событий. Видимо, в отличие от Романцева.

Тогда же в раздевалке царила обстановка всеобщей опустошенности. Чувство досады усиливалось присутствием тренера… саратовского «Сокола». Дело в том, что Александр Корешков, когда-то в составе «Спартака» вместе с Романцевым в 79-м выигравший звание чемпиона России, а теперь входивший в штаб сборной, специально летал в южнокорейский город Сувон на последнюю игру в групповом турнире сборной Бразилии. «Кудесники мяча» уже обеспечили себе выход в следующую стадию с первого места и в случае успеха россиян становились нашими соперниками.

Привезенный Александром Ивановичем толстенький конспект матча против Коста-Рики, выигранного пентакампеонами со счетом 5:2, выглядел теперь не просто ненужной, а какой-то даже издевательской деталью нашей жизни.

Там же, в раздевалке, Романцев сделал заявление об уходе, невольно воспроизведя уже описанную здесь варшавскую ситуацию 95-го года со «Спартаком». Только с точностью до наоборот, ведь теперь Олег Иванович сборную покидал. Обсудив все с Гершковичем подальше от остальных глаз и ушей, за дверью душа, он затем объявил о своем решении во всеуслышание.

На следующее утро на базу сборной в местечке Симидзу приехал президент Российского футбольного союза Вячеслав Колосков, по иронии судьбы в день своего рождения. Романцев в его присутствии повторил свои слова, и очередная страница в истории нашей многострадальной сборной была перевернута. Команда улетела домой, а я отправился в Японию комментировать в городе Саитама матч Англия — Швеция.

Сегодня, когда редко, но встречаемся и с Бышовцем, и с Романцевым, вспоминаем, что по уровню игры все для тех сборных вполне могло сложиться куда более удачно. Одним словом, если и не машем кулаками после драки, то инстинктивно их сжимаем.

Глава девятая
А я люблю манежи и арены

Здравствуй, самый лучший на свете
Стадион моей мечты!

Николай Добронравов.
Стадион моей мечты

Репортаж из-за решетки

Сетовать на трудности комментаторской жизни — дело неблагодарное. Когда-то Озеров вздохнул в эфире, мол, тяжелая у нас доля: вот сегодня Мюнхен, а завтра надо уже лететь через океан в Америку. Николай Николаевич надеялся на понимание и даже сочувствие. А у экранов «невыездная» страна слушала его жалобу, глотая слюнки. И кто-то, уверен, поминал утомленного путешественника недобрым словом.

Поэтому — никаких причитаний. Только забавное. Хотя подчас трудно объяснимое.

С самого странного — так с самого странного. Я думал, что перед отборочным матчем чемпионата Европы в албанском городе Шкодер меня ведут знакомиться с директором стадиона. Это было не совсем понятно, поскольку до начала игры 29 марта 2003 года на новой арене «Лоро Боричи» оставалось всего полчаса — время, когда я по своим правилам уже давно должен быть в комментаторской кабине. И в ситуации цейтнота хотелось направиться прямиком туда.

Ах, так еще и директора нет на месте. Слушайте, дорогие албанские друзья, давайте перенесем бесспорно важную для меня встречу на после матча. А сейчас — на позицию.

«Виктор, а идти никуда не надо: ваша позиция здесь».

Забегая вперед, скажу, что я никогда в жизни не говорил по телефону полтора часа, пусть даже с 12-минутным перерывом. И при этом в общем-то без конкретного собеседника, не считая редактора, дававшего из Москвы сигнал на рекламные паузы. Также я почти никогда не работал без монитора, который если и не помогает в разборе моментов, то как минимум дает понять, что в конкретный момент видит на экране телезритель. Наконец, я никогда не комментировал из-за решетки, которая является совершенно понятным атрибутом директорского кабинета, но никак не кабины для репортажа.

Шоком в Шкодере стала тогда и сама игра. Наш главный тренер Валерий Газзаев после нее минут сорок не выходил из раздевалки. Еще бы: сборная с Овчинниковым, Игнашевичем, Смертиным, Лоськовым, Семаком, Кержаковым получила 1:3 от албанцев, пусть даже руководимых новым немецким тренером Хансом-Петером Бригелем. При том что наш голкипер еще и отразил пенальти. Вот таким стал первый в истории вояж отечественной сборной в эту страну. А ведь перед тем в Волгограде мы без вопросов победили 4:1. Кстати, с тем же счетом, что и теперь, перед главным матчем, наша молодежная

сборная, руководимая Андреем Чернышовым. Помню, за нее играли Сычев, Измайлов, Аршавин…

Отчет Юрия Севидова в «Советском спорте» тогда был озаглавлен: «Карлик утер нос». Месяц спустя мы уступили Грузии в переигровке того самого, утонувшего в темноте матча, а в августе после поражения в домашней товарищеской встрече с Израилем ушел в отставку Газзаев. И началась удивительная эра Георгия Ярцева с голами Булыкина и подвигом Евсеева, которая в итоге вывела нас на Евро-2004.

Ну а албанская «тюрьма» стала особой страницей в моей телевизионной карьере. Хотя, как оказалось, с еще большими трудностями можно столкнуться и на комфортабельной комментаторской позиции изысканного лондонского стадиона.

Пару слов без протокола

На новеньком «Emirates Stadium» все было идеально, за исключением работы пресс-центра. Точнее, его сотрудники сделали свою работу четко, но, если хотите, формально, с позиции отстраненного наблюдателя.

Вспоминаю тот прекрасный сентябрьский день, когда в 2006-м Первый канал вел из Лондона прямую трансляцию матча Бразилия — Аргентина. Все началось с того, что листки с составами команд не появились в комментаторском секторе ни за обычные 45 минут до начала матча, ни за 30, ни за 15… Словно тренеры, несмотря на товарищеский статус игры, до последнего скрывали друг от друга свои замыслы. Представить такое, конечно, сложно, пусть даже речь шла о престижном южноамериканском дерби.

Что ж, «позвольте пару слов без протокола»? Как у Владимира Высоцкого, фразу которого я своевольно перевернул в названии этой главы? Нет, в результате протокол за несколько минут до начала игры мы получили. Но какой это был протокол! Организаторы заполнили бразильскую заявку не привычными прозвищами, а настоящими именами игроков. То есть если бы в тот вечер на поле выходил, скажем, «король футбола», то в списке значился бы не Пеле, а Эдсон Арантис ду Насименту. Поэтому в нем фигурировали, например, Рикардо Изексон дос Сантос Лейте, Андерсон Луис да Силва и Алешандру Силва де Соуза.

Только оказавшийся под рукой справочник (оцените подготовку к репортажу!) помог определить, что на самом деле это известные всему миру Кака, Луизао и наш тогдашний армеец Дуду. После матча итальянский коллега, у которого такой книги с собой не было, признался мне, что, как и многие, решил, что это просто экспериментальный состав. И спохватился только через несколько минут, узнав в протокольном Робсоне Соузе знаменитого Робиньо.

…И пятьсот долларов — рублями

За два года до этого я понял, что местом у микрофона при желании можно торговать. Такого желания нет, но это уже другой вопрос.

Один из матчей отборочной кампании чемпионата мира-2006 сборная России проводила в Краснодаре. Было это 17 ноября 2004-го в нехарактерную для прекрасного южного города дождливую погоду. Игра с эстонцами закончилась нашей убедительной победой — 4:0. Но сейчас речь не об исходе встречи, а о ее начале.

То был еще не великолепный новенький стадион, а старая добрая «Кубань». И по случаю воздвигнутая между первым и вторым ярусами центральной трибуны дикторская кабина удивительным образом напоминала хорошо всем известный домик — обязательную часть любого дачного участка, где еще не проведена канализация. С единственным отличием, заключавшимся в том, что одна из стен была прозрачной, что для сортира вещь немыслимая, а для комментаторской — обязательная.

Примерно за минуту до начала репортажа, когда редактор трансляции из Москвы уже вслух отсчитывал оставшееся время, ко мне постучали. Продолжая обозначенную выше аналогию, скажу, что вещь это совершенно лишняя в обоих случаях.

У просунувшейся в дверь головы, как оказалось, было конкретное предложение: тысяча долларов за место у микрофона! Точнее, рядом с комментатором.

Скажу сразу, что соблазна заключить выгодную сделку не могло возникнуть уже хотя бы по объективным причинам. Узкая будочка физически не вместила бы двоих. Поэтому вторженец, тем более весьма солидных габаритов, мог рассчитывать только на место на коленях у комментатора. Ну, или наоборот. Так что, уважаемый, вариантов нет!

Голова исчезла, чтобы, несмотря на плотный кордон милиции, вернуться уже секунд через десять. С новым предложением: две тысячи долларов.

К этому времени реагировать на внешние раздражители я уже не мог, ведь до слов: «Здравствуйте, дорогие друзья» оставалось совсем ничего.

Полное отсутствие реакции с моей стороны, видимо, было воспринято как изменение в тактике торговли. Последним и самым развернутым предложением вечера стало: две с половиной тысячи долларов, но пятьсот — рублями!

…Дождь не прекращался. В итоге занявшая место снаружи прямо под окном моей кабины голова то и дело до самого конца матча выглядывала из-под накинутого на нее плаща и что-то артикулировала. Допускаю, что речь шла об обменном курсе.

Говорит палатка

Возвращаясь назад во времени, обратил внимание на то, что едва ли не каждый год в лихие 90-е приносил какой-то комментаторский сюрприз.

Вот, например, Калининград. Октябрь 1996-го. В том, что Первый канал показывал игру местной «Балтики» с ЦСКА, не было ничего удивительного. Армейцы в верхней части турнирной таблицы соперничали с владикавказской «Аланией», которая в итоге довела дело до переигровки за «золото» со «Спартаком». И это определяло важность калининградского матча.

Тогда москвичи во главе с Александром Тархановым добрались до места назначения лишь со второй попытки. Сначала армейскому чартеру было по недоразумению отказано во вхождении в воздушное пространство Литвы. Пришлось вернуться домой и взлетать снова — уже с военного аэродрома на самолете командующего Балтийским флотом.

Я был заранее предупрежден, что займу место на трибуне, прямо среди зрителей. И вместе с микрофоном получил от дирекции стадиона что-то вроде плащ-палатки. Или тента. Веселенького такого: одна половина красная, другая — желтая. Одним словом, было сделано все, чтобы комментатор не затерялся в толпе.

Сейчас уже не припомню, как отработал тогда Тарас Безубяк. Но за каждое решение арбитра отвечал я. Свисток — и десятки глаз, а главное, столько же ушей, направлены на тебя: давай, оценивай, москвич! И как ни понижай голос, переходить на шепот ведь не станешь. Этого уже не поймут болельщики у экранов.

Короче, в итоге «выручили» футболисты ЦСКА, проигравшие 1:2, несмотря на гол своего первого в истории бразильца Леонидаса. А я с тех пор говорю, что позиция комментатора иногда может зависеть и от его комментаторской позиции.

Ночь с козой

В 97-м особых приключений на самих стадионах у меня вроде бы не было. Но чего стоила та тревожная ночь в Палермо!

Этот матч представлял интерес только для самых изощренных футбольных гурманов. В условиях борьбы за рейтинги сегодня вряд ли какой-либо из центральных телеканалов соблазнился бы на его показ. Судите сами: в феврале в игре за европейский Суперкубок «Ювентус» принимал «Пари-Сен-Жермен». Это была ответная встреча после сокрушительной победы итальянцев в Париже — 6:1! Вот и назначили матч хозяева не в Турине, а в теплых краях, получив на трибунах облепленного горами сицилийского стадиона «Ла Фаворита» 40 тысяч благодарных им зрителей. Еще бы: сам «Юве» с доставкой на дом!

Запомнились плакаты, вывешенные рядом с сохнущим бельем на узеньких улочках Палермо: «Ностра синьора» («Наша синьора»). В моей — и не только в моей — голове лозунг объединил традиционное прозвище клуба «Старая синьора» и ту самую мафиозную «Коза ностру», без которой Сицилия — не Сицилия.

Если матч не принес неожиданностей: ведомая забившим два мяча Алессандро Дель Пьеро команда Марчелло Липпи снова победила — 3:1, то с козой мне повстречаться пришлось. Она не имела никакого отношения к мафии, но полностью соответствовала черно-белым цветам «Ювентуса». И была привязана к батарее моего гостиничного номера.

— Надо было позвонить. Вы приехали поздно, после контрольного часа и не предупредили о задержке. Вот мы и отдали вашу комнату другому.

— Кому другому? Козе?

— Ее хозяин придет к завтраку. У него неотложные ночные дела. Других свободных номеров нет ни у нас, да и вообще нигде в городе. Болельщики съехались со всего юга. Не знаю, чем вам помочь. Впрочем… Кровать вообще-то до утра свободна: козе ведь ложиться не надо.

Козе понятно, что выбора у меня не было. Но, между прочим, ничего страшного. Она оказалась спокойной и в принципе не очень пахучей. Покидая отель поутру, я понял, что какие-то претензии возникли у ее вернувшегося хозяина. Наверно, требовал назад часть денег за номер. А что еще-то?

Что же касается Дель Пьеро, то личная встреча с ним состоялась не тогда, а после одного из матчей Лиги чемпионов, в

котором он не принимал участия. Но вдруг после игры оказался в пресс-баре. По обилию пива, скорее всего, это было в Германии, но точно уже не помню.

Взяв у стойки кружку, я в тесноте сделал неловкий шаг назад и довольно сильно наступил на чью-то ногу. Повернулся — и увидел, что это он. Онемев, я еще не успел и слова сказать, а легендарный итальянец уже показывал мне… желтую карточку. В его руке ею стал «коустер» — круглая подставка для стаканов и кружек.

Народ аплодировал и ржал, мешая мне извиниться.

А я до сих пор удивляюсь: как смог отдавить такую маленькую ножку? Ведь, говорят, размер у Алессандро — 39-й, а кто-то утверждает, что даже 37-й. Чем, кстати, по мнению специалистов, во многом объяснялась точность и непредсказуемость его штрафных ударов.

Страшный сон комментатора

Наступил памятный 98-й, и осенью, вскоре после своего второго чемпионата мира, я на один из матчей команды Анатолия Бышовца в качестве пресс-атташе и комментатора отправился в Гранаду. Ту самую, о которой Михаил Светлов, услышав название немного по-другому, написал: «Гренада, Гренада, Гренада моя…»

В «гренадской волости», как ее красиво окрестил поэт, все было удивительно по-домашнему. Так, во время тренировки нашего будущего соперника по товарищеской встрече я стоял за воротами Сантьяго Канисареса и возвращал на поле мячи после ударов Фернандо Морьентенса, Фернандо Йерро и Рауля. Мастерство этих игроков известно, поэтому работы у меня было немного, а возможность понаблюдать — уникальная.

Там же я имел удовольствие познакомиться с легендарным голкипером Андони Субисарретой, в чем мне помог сопровождавший нас в поездке довольно известный в прошлом нападающий московских «Крыльев Советов» и «Спартака» Руперто Рупертович Сагасти, в детстве вместе с другими испанскими ребятишками привезенный в Советский Союз — подальше от полыхавшей у них дома гражданской войны.

Увы, «домашний» характер абсолютно всего в этом гостеприимном местечке вообще и на стадионе «Нуэво Лос-Карменос» в частности весьма негативным образом отразился на подготовке моей комментаторской позиции. Ее не было. Причем, если позволите такой неловкий оборот, не было ее еще в большей степени, чем в албанском Шкодере, то есть не было вообще.

Страшный сон комментатора — это опоздание на игру. Обычно снится транспортная пробка, которая мешает попасть на стадион. Иногда — тщетный поиск составов команд в темном подтрибунном помещении. Иногда — запертый снаружи туалет…

Приятная во всех отношениях Гранада предложила свой вариант, причем не во сне, а наяву.

16 тысяч болельщиков уже заняли места на трибунах, а я в панике метался вверх-вниз по ступенькам стадиона в поисках моего рабочего места. Трудно такое представить, но местная сторона элементарно забыла, где располагается подготовленная ею же комментаторская позиция. Точнее, в каком месте трибуны из-под пола торчит шнур с микрофоном. Ведь ни столика, ни наушников, ни монитора запланировано не было изначально.

Свое орудие труда я вырвал из рук болельщика, когда до первого удара по мячу оставались мгновения. Средних лет

мужчина сосредоточенно дул в микрофон, видимо, пытаясь освоить его для дальнейшего использования в качестве рупора. Сидевшие вокруг земляки торопили — им не терпелось услышать над родным стадионом собственное хоровое скандирование, усиленное несуществующими динамиками. Мое сообщение о том, что микрофон пригоден исключительно для связи с далекой Москвой, было встречено ими с изрядной долей разочарования.

Уже дома я узнал, что Останкино до самого стартового свистка арбитра терялось в догадках: в Испании буря? Видно, мужчина дул как следует.

Вместе на насесте

Год спустя ареной еще одного комментаторского кошмара для меня едва не стал крошечный муниципальный стадион в Андорра-ла-Велье. Что-то в воздушных потоках над Восточными Пиренеями больше часа мешало прохождению звукового сигнала с отборочного матча Евро-2000.

Наши открыли счет после удара Виктора Онопко, потом пропустили ответный с пенальти, закончился перерыв, а репортаж все еще вел подстраховывавший меня в Москве Андрей Голованов. Я уже настроился на то, что в тот вечер родная страна меня не услышит, и, скажу честно, первый раз в моей комментаторской практике об этом не жалел.

И дело было даже не в тусклой игре нашей сборной против команды «почтальонов и страховых агентов». Все это время я в большей степени думал не о матче, а о том, как с трехметровой высоты не рухнуть на головы наших резервистов и тренерского штаба Олега Романцева. Да, мой местный коллега и я располагались на шаткой деревянной платформе, собранной по случаю международной встречи и установленной непосредственно за скамейкой запасных. Неустойчивости забавной конструкции добавляло то, что андоррский комментатор с самого начала игры принялся в бешеном темпе сучить ногами. Помню, как наши футболисты и тренеры то и дело поворачивали головы назад, реагируя на устрашающий скрип.

Насест ходил ходуном, Москва оставалась для меня глухонемой, а на поле дело шло к страшной для нас в турнирном смысле ничьей. И вдруг словно прорвавшееся сквозь туман горных вершин и некомпетентность незадачливых андоррских связистов слово: «Работай!» И тут же удар и второй гол нашего капитана, как будто и он вместе со мной получил аналогичную команду, но уже от какого-то неведомого режиссера. Так началом моей части репортажа на 57-й минуте стало сообщение о решающем мяче сборной России.

После финального свистка я постарался как можно быстрее спуститься вниз по лесенке. От греха подальше. Да и хотелось срочно узнать, что там с Александром Ширко: наш форвард уходил в раздевалку, отчаянно хромая на одетую в пластиковый мешок со льдом ногу.

«Саша, что-то серьезное?» — Мой вопрос потонул в страшном грохоте. За спиной рухнул насест с несчастным коллегой.

Я встретил его восемь лет спустя в Санкт-Петербурге, где мы снова играли с Андоррой. И после почти ностальгического

рукопожатия услышал долго копившуюся претензию. «Я тогда сломал ногу. Из-за вас. Вы же не дождались меня, вскочили и нарушили равновесие…»

С тех пор, когда добрые советчики говорят мне, что комментатор должен обязательно соблюдать баланс, я прекрасно знаю, о чем идет речь.

Глава десятая
Селедка Тарасова

Канада молодости нашей…

Оговорка в телеэфире

Колечко-колечко, выйди…

О покойном либо хорошо, либо ничего — говорим мы, когда вспоминаем ушедшего, не зная или забыв, что у древних греков звучало это немного по-другому: о покойном либо хорошо, либо ничего, кроме правды.

Вдвоем с хоккейным тренером Анатолием Тарасовым мы отправлялись в Канаду. Нашей командировке, в которой я должен был совмещать функции корреспондента ТАСС и переводчика Госкомспорта, предшествовала довольно странная сценка в стенах последнего. Во время обычного для загранпоездок инструктажа я накручивал на пальце еще свеженькое обручальное кольцо. Дело было в феврале 87-го, а осенью 86-го после четырехлетнего знакомства я стал мужем очаровательной телетайпистки аппаратной союзной информации общего для нас агентства.

Юная Оля Домрачева училась на вечернем отделении журфака МГУ, параллельно принимала и печатала на телетайпе тассовские корреспонденции со всей страны, а в итоге доросла до должности младшего редактора. Кстати, из нас двоих только один, вернее, одна имеет настоящее журналистское образование.

Забегая вперед, скажу, что если на протяжении многих лет о «необычную» девичью фамилию, которуя моя жена гордо решила не менять в замужестве, спотыкались паспортистки, гаишники, таможенники и акушеры, то с появлением на мировом олимпе белорусской биатлонистки Дарьи Домрачевой варианты: «Домрачёва», «Домра́чева» и «Добранчева» — сразу же испарились. А любимым жестом визовых офицеров в аэропортах при проверке ее паспорта стало нажатие воображаемого курка с неизменным «пиф-паф».

…Я крутил на пальце кольцо и докрутился до того, что оно незаметно для меня куда-то исчезло. Во всяком случае, обнаружив это после инструктажа, я заставил бедных секретарш международного отдела Спорткомитета ползать вместе со мной по синтетическому ковровому покрытию, изучая его сантиметр за сантиметром. Затем, когда я предположил, что кольцо соскочило раньше, где-то в коридорах спортивного ведомства, мы таким же квадратно-гнездовым способом обследовали едва ли не целый этаж. Тут уже подключились даже некоторые известные спортсмены!

Все закончилось (а должно было бы с этого начаться) звонком отчаявшегося молодожена домой. И спокойным ответом Оли: «Витя, твое кольцо лежит в ванной на умывальнике. Ты утром его

дома забыл».

Тарасов с удивлением наблюдал за происходящим, узнал о том, что пропажа нашлась, и мог вполне с самого начала составить предвзятое впечатление о своем будущем партнере по поездке. Но Анатолий Владимирович сохранял полное спокойствие и лишь неслышно для остальных сказал мне: «Ты только паспорта наши не потеряй. И валюту».

Я хотел бы, чтобы, читая дальше о некоторых особенностях и даже странностях этого великого человека, вы не забывали, что все мы, в конце концов, не без своих чудачеств. Собственно, для этого и вспомнил про потерянное кольцо.

Как вас теперь называть?

Тарасов был приглашен в энхаэловский клуб «Ванкувер Кэнакс», который в нашей прессе тогда еще называли «Канукс». Вообще названия команд, да еще и в сочетании с названиями городов, которые они представляют, — это особый лингвистический разговор. Вот почему, скажите, город мы пишем и произносим БУффало, а тамошний хоккейный клуб — «БАффало»?

Да и не только названия команд.

Иногда мне кажется, что мы в этом вопросе святее папы римского. Наши американские коллеги спокойно «ударяли» Евгения Кафельникова на втором слоге его фамилии, и хоть трава не расти! А Михаил Сергеевич Горбачёв у них неизменно «Горбачев» — через «е», а не через «ё» и с ударением на «о». Им так удобнее, и никакие другие доводы во внимание не принимаются.

А вот мы, российские комментаторы, по требованию наших взыскательных телезрителей (точнее, телеслушателей) изучаем фонетические законы, лезем в языковые дебри, докапываемся до глубоких семейных корней, чтобы объяснить дотошному болельщику, почему Биксан Лизаразю на самом деле не Биксан, а Бишенте.

Вспомнил именно этот пример, потому что накануне чемпионата Европы-2016 во время нашего товарищеского матча с французами в Сен-Дени специально прислушивался, как называли знаменитого в прошлом защитника и нынешнего телеэксперта его сидевшие рядом коллеги и бравшие автографы болельщики. Вариантов, друзья, там было как минимум три.

А однажды бывший норвежский форвард клуба «Манчестер Юнайтед» на мой прямой вопрос: «Вас зовут Сульшер, Сольскьяер или еще как-то?», не моргнув глазом, ответил: «Да можно как угодно, лишь бы было ясно, о ком идет речь».

Ничего себе! Знал бы герой финала Лиги чемпионов-99, сколько копий было сломано вокруг его фамилии в далекой России!

Сегодня мы с грустью вспоминаем безвременно ушедшего от нас легендарного «летучего голландца». Еще при жизни Йохан Круифф превратился у нас в Кройфа. Да, Кройф — именно так звучит его фамилия. Да, мы долгое время ошибались. Но стоит ли даже в поисках правды так резко обходиться с традицией?

Когда на профессиональном корте впервые появился будущий кумир любителей тенниса, мой хороший друг,

обозреватель спортивной редакции ТАСС Андрей Новиков, живший с женой — известным комментатором Ниной Ереминой по соседству с нами, в доме по Лаврушинскому переулку, написал его фамилию как Макинрой. То, что правильно говорить «Мэкинроу», у нас узнали гораздо позже, когда «Макинрой» уже вовсю гулял по страницам советских спортивных изданий. Его почему-то переименовывать не стали. А вот у Круиффа — другая судьба.

Подобных примеров много не только в спорте. Давние, еще советские поклонники американского писателя Эрнеста Хемингуэя подтвердят, что в первых русских переводах на обложке стояло «Гэмингвэй» и даже «Гэмингуй». А в моем детстве не было никакого доктора Ватсона. Друга и помощника Шерлока Холмса у нас тогда звали исключительно Уотсоном.

Когда купленного «Локомотивом» словацкого защитника Гада мы договорились для благозвучия называть Хадом, то еще не знали, что на нас предательски надвигается тема подписанной оренбургским баскетбольным клубом «Надежда» ивуарийки Аманды Захуй. Выручили организаторы соревнований, не мешкая, вписав 23-летнюю спортсменку в протоколы под фамилией матери — Базокоу…

У меня остается только один вопрос. Если мы такие въедливые, то почему, в отличие от всего человечества, футбольный Кубок мира у нас именуется «чемпионатом»? И никто не возмущается.

Не как Чкалов

Но вернемся в Ванкувер. В том сезоне клуб выглядел неважно. Тарасов должен был помочь главному тренеру Тому Уотту и его помощнику Джеку Макилхарги вытащить команду из подвала турнирной таблицы.

Но такой ли на самом деле была задача? В чем вообще состояла суть столь дальнего путешествия советского тренера?

В 1937 году Валерий Чкалов со своим экипажем совершил первый беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Ванкувер. Наши газеты однажды в поисках звонкой метафоры уже отправили «по пути» его самолета «русскую ракету» — нападающего Павла Буре. И вот теперь повторили это сравнение применительно к Тарасову. Совершенно забыв, что Чкалов-то приземлился в Ванкувере американском, а и тренер, как и в свое время хоккеист, все же направлялся в Канаду. В тот Ванкувер, что из провинции Британская Колумбия, а не из штата Вашингтон. Дотошный тассовец, я провел специальное исследование «по следам публикаций». Нет, поправку не дал никто. Ни в том, ни в другом случае. Что ж, проехали так проехали. Точнее, пролетели.

Как выяснилось довольно скоро, а если точнее, то уже на трапе самолета, приземлившегося в аэропорту третьего по величине канадского города, Анатолия Владимировича в общем-то позвали туда не за тренерской помощью. «Будут ли звезды советского хоккея играть в НХЛ?» — вот как звучал вопрос дня. Владельцы местных клубов жаждали увидеть у себя Макарова, Ларионова, Крутова, Фетисова…

В октябре 1989-го первую игру в составе клуба НХЛ (кстати, это как раз был тот самый «Баффало») провел сбежавший из расположения сборной во время турнира в Швеции Александр Могильный. Хорошо помню, как перед тогдашним заокеанским турне московского «Динамо», где я тоже выступал в роли корреспондента и переводчика, нам официально «посоветовали» не приближаться к «изменнику родины», на которого дома даже было заведено уголовное дело. Конечно, ребята отнеслись к этому скептически, но все же, приехав на тренировку «Сейбрз», на всякий случай стояли поодаль. Да и сам Александр старался не смущать их, катаясь на другой стороне площадки.

Потом был побег Сергея Федорова, отправившегося в США в составе сборной СССР на Игры доброй воли. Произошло это в 1990 году. На нас, корреспондентов, аккредитованных тогда на новых для всех соревнованиях в Сиэтле, это уже не произвело такого ошеломляющего впечатления. Перестройка постепенно

набирала темп, и совсем не за горами был одобренный советскими властями отъезд Вячеслава Фетисова и Сергея Старикова. Тем более что тропинку уже протоптали. Сергей Пряхин стал первым советским игроком, официально перешедшим в НХЛ. Это произошло в марте 1989-го, когда Госкомспорт СССР в качестве эксперимента выдал соответствующее разрешение.

…Но тогда только-только начинался 1987-й, и Тарасов, по замыслу приглашавших его людей, должен был помочь установить вот такой своеобразный трансферный мост между двумя континентами. Как когда-то Чкалов — мост воздушный. Пусть это сравнение сработает хотя бы здесь.

Ответ Анатолия Владимировича был однозначным. Он сразу же напомнил, что наши хоккеисты — комсомольцы и члены партии, а значит, патриоты, которым не нужны заокеанские коврижки. В свою очередь, он поинтересовался у журналистов, поехал бы играть в Россию Уэйн Гретцки? Те ответили, что, во всяком случае, в Канаде ему бы в этом не препятствовали. Что Тарасов со смехом подверг сомнению.

Уже в гостинице, в нашем трехкомнатном номере-люкс, Анатолий Владимирович, сидящий на кровати мрачнее тучи, скажет: «Витюха, по-моему, нас обманули. Не за тем нас сюда позвали. Хотят, чтобы мы им наших ребят начали продавать. Давай-ка отсюда, а?»

Перспектива столь стремительно завершить едва начавшуюся командировку, честно говоря, меня ошарашила. Увидеть суперхоккей, побродить по прекрасному городу на берегу океана, потратить суточные, наконец… И вдруг: «Давай-ка отсюда, а?» Нет!

Не буду раскрывать все способы убеждения, примененные мной в тот вечер, но в итоге мой старший товарищ по поездке разомлел, подобрел и сменил гнев на милость.

Впрочем, позицию Анатолия Владимировича канадцы поняли и больше особо с этой темой к нам не приставали.

«Надо бросать мимо!»

Уже первая тренировка, проведенная Тарасовым, произвела фурор. Точнее, проводили ее на льду, конечно, тренеры «Кэнакс», а он наблюдал за происходящим с трибуны, что-то записывая в блокнотик. Меня, тогда еще не комментатора, поразило то, как Анатолий Владимирович с ходу начал опознавать хоккеистов, отмечая и запоминая их слабые стороны. А ведь номеров на разноцветных тренировочных свитерах не было. Мгновенно окруживших гостя журналистов крайне удивил совет, который последовал при экспресс-разборе тактики реализации численного большинства.

— Зачем вы от синей линии лупите по воротам? Надо бросать мимо!

— Как так?

— Пусть на дальней штанге стоит вот этот, как его? Тамбеллини. И замыкает.

Совет, к которому можно прислушаться, а можно и нет, не имел бы такого эффекта, если бы уже на следующий день в самом начале очередного матча «Кэнакс» не получили численное преимущество и не использовали его именно таким способом.

В итоге встреча была выиграна, а местные газеты вышли с заголовками: «Тарасов начинает!», «Хоккейная магия по-русски»…

За три недели нашего пребывания в Канаде аутсайдер «Ванкувер» не потерпел ни одного поражения, существенно улучшив свое турнирное положение. Говорить о резком изменении стиля игры, повышении уровня физической формы, раскрытии каких-то новых качеств у хоккеистов меньше, чем за месяц, конечно, было бы смешно. Если и сработало что-то, помимо удачи, то это вся атмосфера, в одночасье возникшая вокруг команды. Знаменитое тарасовское «чудо-богатыри!» в раздевалке не прозвучало, но эмоциональные напутствия были и по мере возможностей переводились. А один из молодых защитников попросил Анатоля, как называли нашего тренера канадцы, написать для него несколько советов. Листок с рекомендациями по катанию, тренировкам, силовой подготовке занял место в раздевалке на стенке персонального шкафчика этого парня. И висел там, по крайней мере, до нашего отъезда.

А у Тамбеллини родился ребенок. Объявил он об этом на борту самолета. Это был единственный для нас с Анатолием Владимировичем выезд с командой. Посмотреть на организацию путешествия, познакомиться с традициями, сравнить с нашими — я, как спортивный журналист, впитывал каждую минуту. И вот

Стив в честь такого события раздает партнерам по сигаре. И тут Анатоль, вроде бы задремавший в своем кресле, встает:

— Что происходит? Курево?! Вы спортсмены или кто?

Мхатовская пауза. А после следующих слов Тарасова салон тонет в аплодисментах и восторженном свисте.

— По такому случаю — не сигары нужны, а водка!

Не имея, как вы уже поняли, ничего против крепких напитков, Тарасов неожиданно выступил против воды. Уже на второй тренировке он обратил внимание на то, что канадские игроки то и дело прикладываются к расставленным по периметру площадки ведеркам. Но «исключить бесконтрольное потребление жидкости» оказалось единственным тарасовским советом, который за все время командировки был проигнорирован местной стороной.

Я вспомнил, что и мне в детстве не разрешали много пить во время занятий спортом, мол, вредно для сердца. Но западная медицина к тому времени уже доказала необходимость восполнения запаса жидкости в организме.

Особой историей стал наш поход в мэрию Ванкувера. Клубом владели влиятельные люди — семья Гриффит, и на встрече ожидался весь местный бомонд.

— Жаль, нас не предупредили, — говорю Тарасову. — На такое сборище нужна бабочка, а у меня даже галстука нет.

— Да, — отвечает Анатолий Владимирович. И начинает надевать тренировочный костюм.

Прямо говорить неловко, поэтому захожу с другой стороны:

— Там может быть жарко. Не запаритесь на приеме?

— Нет, мне так удобно. А если ты о приличиях, то они поймут.

Хорошо, пусть будет так. Поехали.

— Стоп, молодой человек. А чем нас там кормить будут? Нет, надо подготовиться. Да и хозяев порадовать.

Тарасов достает из мини-бара привезенную из Москвы селедку, ловко разделывает, вынимая кишки, и кладет рыбу в целлофановый пакет.

— Вот теперь, Виктуар, пошли.

Анатолий Владимирович по ходу нашего с ним заокеанского дела называл меня по-разному. Несколько раз даже окрестил Сашей. Как он признался, вспомнив своего защитника Александра Гусева. Но, сказав «Виктуар», руководитель нашей маленькой группы явно играл на контрасте: мол, кончай выпендриваться.

Ту струйку селедочного сока, которая через дырочку в пакете бежала по покрытому бордовым ворсистым ковром полу, я запомню надолго. Во-первых, стол был в дальнем конце зала. К

тому же Тарасов шел медленно, опираясь на костыль.

Ужас на лицах собравшихся сменился натянутыми улыбками, но через десять минут эти чопорные люди уже были очарованы открытостью и непосредственностью гостя! А еще некоторое время спустя ванкуверская элита скинула пиджаки, ела нашу селедочку и восхищалась. И если просьбу Тарасова «отварить картошечки» не удовлетворили, то водка и даже соленые огурчики в итоге появились на весьма скудном, по его «послематчевой» оценке, столе. А официальное приглашение в баню к нему на дачу неожиданными для меня аплодисментами встретила женская часть компании.

Сюрпризом для Анатолия Владимировича стала встреча на выходе из мэрии с группой юных жителей Ванкувера. Подписывая протянутые ему экземпляры своей книги, он искренне удивлялся. «Надо же, на английском. Первый раз вижу!»

Вряд ли Тарасов мог забыть о том, что давал разрешение на издание за границей. Скорее всего, его просто не спросили.

К концу нашего вояжа и без того неважное состояние здоровья Анатолия Владимировича ухудшилось. Я с трудом довез его из аэропорта домой, на Сокол. Тарасов лег, я уехал. Сказал его жене: «Нина Григорьевна, завтра зайду». Жил я рядом.

На следующий день она встретила меня заплаканная: «Нет Анатолия Владимировича».

Моя первая мысль: «Умер!»

А Нина Григорьевна рассказывает: уехал в тьмутаракань, куда-то в Сибирь, на детские соревнования клуба «Золотая шайба». Причем от аэропорта там еще надо добираться до места на санях.

Нина Григорьевна продолжает:

— Я легла перед дверью: «Только через мой труп!» А он меня поднял и говорит: «Нина, мальчишек подвести не могу». И уехал.

Говорят, тиран, говорят, самодур, говорят, противоречивая личность. Что ж, у каждого в столь непростом хоккейном мире свой опыт общения с Тарасовым, свои воспоминания и свои обиды. Своя правда, кроме которой — ничего. Помните греков?

Просто в моей памяти он едет на этих несчастных санях. Больной. В пургу. После перелета и смены часовых поясов, от которой даже меня, гораздо более молодого, на следующий день еще шатает. Едет к мальчишкам. Вот и все. Точка.

Привет, Гус!

Годы спустя, довольно много контактируя с тренером нашей футбольной сборной Гусом Хиддинком, я не мог отделаться от мысли, что уж очень он похож на Тарасова.

Бред? Голландец, прилетевший к нам в красных штанах, а не в олимпийских трениках, любитель капучино и красного вина, а не пива и сорокаградусной, наконец, футбольный, а не хоккейный тренер. Можно, конечно, вспомнить, как Анатолий Владимирович в 1975-м руководил футбольным ЦСКА, но лучше не вспоминать.

Так какая связь?!

Ну да, Тарасов когда-то поднимал свою дружину на бой исполнением советского гимна (или по другой версии: «Интернационала»), а губы Хиддинка в последнее время артикулировали слова гимна российского.

И что? Тренировавшиеся у отечественного хоккейного гуру подтвердят, что Тарасов — это толстый кнут и совсем маленький кусочек пряника. Хиддинк, наоборот, — десертное изобилие и легкая плеточка на всякий случай.

О сходстве я подумал в тот момент, когда увидел Гуса вытаскивающим из автобуса сборной сетку с мячами и не подпускающим готовых услужить администраторов к своему чемодану. А потом еще картинка: Хиддинк в аэропорту Тель-Авива предлагает помощь в качестве носильщика пожилому оператору Первого канала. Окружение при этом смотрит на главного с сочувствием: ну надо же, так ронять тренерский авторитет!

Да, он в итоге с подачи прессы стал для нас «Гусом Ивановичем». Но, к моей большой радости, одновременно им не стал! Действительно, разве могли бы опуститься до такого наши начальники, наши неизвестно от чего забронзовевшие небожители.

А для меня это было впечатление, сравнимое с тарасовской селедкой двадцатилетней давности.

Тарасов и Хиддинк принадлежат к одной породе людей. Которые знают собственную цену, уверены в своих силах и поэтому имеют редкую в нашей жизни роскошь позволить себе не подстраиваться. И диктовать свои правила. И в жизни, и в работе.

Извините, за самоплагиат: об этом я уже писал — в феврале 2008 года. Можете поднять подшивку издававшегося тогда в Москве популярного журнала «Total Football». Заканчивался материал фразой: «…„Диктат“ диктатора Тарасова принес нам мировую хоккейную славу. „Диктат“ демократа Хиддинка еще

должен доказать свою состоятельность. Скептик ухмыльнется. А я жду лета…»

В феврале. Сейчас мы уже знаем, что летом Хиддинк тоже «забронзовел», но по-другому: с нашей сборной на чемпионате Европы.

Гуса запомню и по нашему традиционному шутливому обращению: «Привет, Гус!» — «И тебе привет, Гус!» И по его оценке возможностей моей родной телекомпании, когда в какой-то нашей общей командировке в ответ на мое предложение после игры распить бутылочку красного он переспросил: «От Первого канала? О, тогда бери три».

Попутно: коллеги-дикторы, перестаньте, пожалуйста, вспоминая голландца, называть его «Хиддинг». С неизвестно откуда появляющимся звонким «г» на конце. Не бог весть что, но это немного раздражает.

Глава одиннадцатая
Плохие слова

Ты — господин несказанного слова,
А сказанного слова ты — слуга.

Омар Хайям

С задней мыслью

Давайте придумаем какую-нибудь фразу с физиологичным контекстом. Ну, например, по аналогии со знаменитым лозунгом: «„Динамо“ — это сила в движении», оценим чью-то (не будем уточнять) форму как «слабость в стоянии»…

Эротическая коннотация. Допускает ли ее комментарий или спортивная журналистика вообще? А как быть с ненормативной лексикой?

Приписываемое Николаю Озерову: «Гол? Х-й, штанга!» — это все же выдумка, хотя кто-то утверждает, что слышал своими ушами. Телезритель вообще склонен к тому, чтобы услышать то, что очень хочется, и возвести это в ранг легенды. Впрочем, были и реальные фразы, убившие аудиторию наповал. Например, уже хрестоматийная, принадлежавшая известному комментатору Алексею Суркову: «Из-за поворота появляется японский лыжник по фамилии Херовато. Да, бежит он действительно неважно».

Или вот комментаторская скороговорка: «Выход один на один! Но Третьяк накрывает шайбу. Естественно, у него ж опыта больше». Переполох в аппаратной. Еще бы! Прочтите последнюю фразу вслух.

«Динамовцы пытаются сохранить очко во Владикавказе…», «Символическое вбрасывание шайбы произвела Мисс Москва, и ее подарили хоккеистам ЦСКА…», «Мы ведем наш репортаж с гребучего канала…» — телережиссер Женя Гришин насобирал уйму таких примеров. Что неудивительно: у него ж опыта больше, чем у многих других коллег…

На грани фола также фраза, вошедшая с чьего-то легкого языка в историю: «Онопко поднял ногу, и атака соперника захлебнулась». Или: «Мяч летел между ног Черчесова. Чем там его смог задержать наш голкипер — непонятно!»

Как часто говорят комментаторы, на усмотрение судьи, — в данном случае на ваше усмотрение, вот такое: «Травма паха. При ней не пробьешь как следует, не пробежишь. С травмой этой части тела вообще, скажу я вам, мало что сделаешь». Что касается меня, то я над «грустной» фразой Ильи Казакова вместе с коллегой готов посмеяться. Не судите строго.

Болельщик, надо сказать, не пропустит ничего. Случайное легкое озвончание согласной в имени «Питер», и вот уже из уст в уста передают новость о том, что комментатор намекнул на нетрадиционную сексуальную ориентацию нападающего Питера Одемвинге.

В составе ЦСКА на матче Кубка Первого канала в Израиле

появляется новый бразилец Жо. И едва ли не первой фразой репортажа становится неблагозвучное: «Жо падает». А потом, как назло: «Жо пасует, Жо попал, Жо подумал…» Господи, когда же его заменят от греха подальше?! В итоге даже намекаешь на это тренеру. Но как намекаешь! «Жо…пора отдохнуть». И до кучи: «Покинув поле, Жо по-португальски обращается к соотечественникам…» Ну, что с этим поделаешь! Ведь случайно же так сказал, без какой-либо задней (ой!) мысли.

Ничего не поделаешь. Ведь эфир — прямой. Летом 1994-го на чемпионате мира в США после поражения сборной России от Швеции под сводами крытой арены «Понтиак Сильвердоум» мне было поручено взять интервью у кого-то из наших игроков. Матчи я до этого уже комментировал, а вот корреспондентских заданий пока не имел. Дебют!

Футболисты отказывались один за другим. А фраза моей предпоследней надежды — Игоря Корнеева: «Я все расскажу. Когда-нибудь. Настанет время», — вообще до сих пор остается для меня загадкой. Несмотря на множество последующих встреч, когда Игорь Владимирович уже перешел в ранг тренера, обещанного рассказа не было. Что ж, возможно, время еще не настало. В конце концов, ведь и четверти века не прошло.

А тогда томительную паузу в эфире заполняли из студии повторами эпизодов игры, мне же оставалось рассчитывать только на вратаря Дмитрия Харина. Пусть хоть здесь спасает! Наш голкипер задержался на процедуре допинг-контроля, но вот наконец выходит…

— Дмитрий, умоляю, очень нужно. Буквально три слова о матче!

— Три? А можно: четыре?

— Да, конечно, Дима!

— Опять мы — в ж…

А потом все новые и новые репортажи, интервью… И вот уже талантливая и напористая Наталья Константинова, корреспондент программы «На футболе с Виктором Гусевым», спрашивает другого вратаря сборной России Александра Филимонова: «Саша, а вы матом ругаетесь?» После короткой паузы — гениальный, как прыжок в девятку, ответ: «Нет, только для связки слов».

Они стоят по колено в снегу. Ведь Наташа для разговора по душам сумела каким-то известным только ей способом затащить голкипера на лужниковские задворки. Туда после печального для нас — и прежде всего для Филимонова — отборочного матча чемпионата Европы с Украиной сразу же отправили те самые ворота. Две штанги и перекладина, то есть ближайшие (не считая

Виктора Онопко) свидетели страшной ошибки вратаря. Теперь они располагаются здесь, опровергая слухи о том, что наши соперники купили их у владельцев «Лужников» и переправили в Киев, как одну из главных своих футбольных реликвий.

Потом в программе мы с помощью еще не совершенной компьютерной техники, но все же представим эпизод так, как если бы Филимонов не забросил мяч сам себе, а перевел его через перекладину. Увы, сделать это можно только в виртуальном мире. Поэтому прозвучавшее на всю страну: «Бо-о-о-же мой!» — моего партнера по репортажу, которое уже почти два десятка лет почему-то настойчиво приписывается мне, останется ужасным итогом того матча. Кстати, возвращаясь к теме плохих слов, замечу: хорошо еще, что Андрей Голованов тогда простонал не что-то другое…

По ходу и подходы

Впрочем, «плохие слова» в репортаже для меня — совсем не те, что случайно вырвались изо рта, а… наоборот.

Мой любимый рок-персонаж Иан Андерсон, лидер группы «Jethro Tull», как-то сказал, что самое ужасное, это когда певец отчаянно старается влюбить в себя аудиторию: «Ведь публика все видит, срывает с тебя маску и поворачивается лицом к другому, которому плевать, который просто делает свое дело».

В некоторых фразах телезритель, на мой взгляд, просто рискует утонуть: «На данную тему судачить будем апосля, дабы априори соперник сильнее» или «Неоднозначность сейчас приобретает характер квинтэссенции». И это — невыдуманные цитаты!

Забавно и когда молодые люди, друзья вдруг ни с того ни с сего в середине репортажа переходят на имя-отчество, при этом оставаясь «на ты». Ну точь-в-точь заседание правления колхоза при советской власти! Впрочем, возможно, в этом смысл особой стилистики, которую я не понимаю. Готов обсуждать.

Но рад, что вроде бы завершается, казалось, нескончаемый эфирный парад архаизмов: «цифирь», «нынче», «намедни», «абы», «кабы», «по моему разумению», «касаемо». Особенно нелепо старорусские формы звучат в сочетании, скажем, с современным показом Лиги чемпионов.

И все же ничто у экрана не расстраивает так, как новомодные словечки. Их десятки. Хотя новое время принесло и термины, которых явно не хватало комментаторам прошлых лет.

Так, «подходы», которые долго томились в закрытых на ключ ящиках тренерских столов, сегодня помогают нашему брату при оценке событий матча. А, извините за вавилонскую тавтологию, спасительные «сейвы» — вообще отражение нового времени в футболе. Ведь статистика прошлого не была настолько детальна, чтобы фиксировать отбитые вратарями мячи. Сама графа отсутствовала, так откуда же взяться термину? Не было его и в лексиконе комментаторов. И хотя я предпочитаю наш старый добрый «угловой» заимствованному «корнеру», вряд ли сегодня приму термин «спасение». Все-таки «сейв» — это и более звучно, и коротко. И, в конце концов, уже вошло в наш футбольный язык. Впрочем, это хорошие исключения.

С ужасом жду, когда услышу в телевизоре уродливое, но уже почти повсеместное «по ходу», которое приходит на смену обычному «похоже». Если это случится, я такой, девочки, сразу буду в шоке!

Почему-то вдруг с экранов сплошняком полилась инверсия. Так, привычный «второй тайм» превратился в «тайм второй». А то и «тайм под номером два». И «группа „А“» все чаще становится «группой под литерой „А“». Произнося все это, комментатор словно пытается придать больше значимости своим словам, солидности и оригинальности репортажу в целом. Хотя в итоге получается все с точностью до наоборот.

Но «команда» все чаще зачем-то превращается в «коллектив», «подсказка» — в «подсказ». Когда вместо «очки» вдруг начинают говорить «баллы», хочется спросить: друзья, неужели вы не понимаете, что баллы — это исключительно оценочная категория, как в фигурном катании или прыжках в воду, но никак не в турнирной таблице футбольного чемпионата?

Не совсем понимаю, почему «отборочный турнир чемпионата мира» превратился в «отборочный турнир к чемпионату мира». Ведь с началом отбора чемпионат мира уже считается стартовавшим. Тогда уж правильно говорить: «отборочный турнир к финальному турниру чемпионата мира».

Большинство моих коллег не видят ничего страшного в избыточном использовании оборота «в исполнении». Возможно, я придираюсь, когда спрашиваю: почему раньше был «удар Иванова», а сейчас почти повсеместно — «удар в исполнении Иванова»? Что, наши ивановы раньше по-простецки били, а сейчас начали исполнять?

Хорошо, придираюсь. Но беда здесь не в «ударе», а в том, что словечко стало гулять и вот в таком, уже пугающем виде: «высокий темп в исполнении хозяев», «предупреждение в исполнении арбитра», «пауза в исполнении судьи». И даже: «реакция в исполнении болельщиков»…

Давайте, друзья, все же следить за своим языком. Когда мы при исполнении.

Прощай, «как бы» Здравствуй, «как раз таки»!

Очень интересно наблюдать за триумфальным шествием по эфиру словосочетания «как раз таки». По мнению целого ряда современных лингвистов, оно приняло на себя роль популярного еще совсем недавно слова-паразита «как бы».

Кто-то из опрошенных мной специалистов видит в этом даже социальный аспект. Мол, в языке, где нет определенного и неопределенного артикля, их место естественным образом занимают слова определенности и неопределенности. И вот с окончанием эпохи неясности в нашей жизни на смену неуверенного «как бы» пришло жизнеутверждающее, но не менее нелепое «как раз таки». То есть «вовремя» или «закономерно». Дотошные коллеги-филологи даже подметили, что с особой силой оно зазвучало в период единения страны во время сочинской Олимпиады. И с тех пор зашагало так, что уже никуда от него не деться. Впрочем, о «как бы» тоже так думали, а вот нате же — уходит…

Люблю словотворчество еще с тех пор, как в институте для курсовой работы по косточкам разбирал поэзию «зауми» Велимира Хлебникова, предлагавшего, например, вместо «минус» писать «нет-единица». А еще: «Смеянствуют», «любийца», «читьмо»… О подобном в литературе — отдельный разговор. Но не думаю, что это перспективный путь для спортивного репортажа.

«Когдатошнее спартаковское перепасье» звучит для меня вычурно, пусть даже совершенно понятно по мысли. Хотя, признаю, что даже это лучше, чем вконец заштампованное: «спартаковская карусель».

«Главный фаворит» или «главный лейтмотив», «более лучший» или «не самый оптимальный» — к этому привык уже давно. Неожиданный новый бич — деепричастные обороты. Чеховское «Подъезжая к сией станцыи и глядя на природу в окно, с меня слетела шляпа» — сегодня стало не то что не конфузом, а вообще нормой: «Уходя с поля, между ними возникла драка», «Обыграв защитника, удар не удался», «Могучи передвигаться, замена ему не понадобилась». И даже в солидном рекламном ролике в перерыве: «Стремясь удивить вас, нам удалось покорить весь мир…» Это всего несколько подобных фраз, которые можно услышать за один футбольный вечер.

Помимо всего прочего, комментатор канала, имеющего более

или менее широкий охват, должен понимать и оценивать невероятно пестрый состав аудитории. Конечно, расшифровывать «для бабушек», что такое офсайд, не надо. Но точно так же вряд ли у подавляющего большинства найдет позитивный отклик, например, фраза: «такой же хвостик, как у Баджо». Если, конечно, за этим не последует рассказ о легенде итальянского футбола, его промахе в финале чемпионата мира 1994 года и особенностях внешнего вида. А еще лучше, если в углу экрана появится архивное фото. Но пока это технически невозможно, а на остальное в репортаже просто нет времени.

Думаю, не стоит злоупотреблять и сравнениями игроков с актерами и киногероями, если, конечно, это не Юрий Никулин в «Бриллиантовой руке». Или, скажем, вызывать в памяти телезрителей эпизоды из сериалов, например, «Игры престолов», которую, по мнению рассказчика, должны были непременно посмотреть все.

Поверьте: процент ваших слушателей, влюбленных в это, бесспорно, прекрасное кино, ужаснет вас своей ничтожностью. Число тех, кто оценит «сериальную» аллюзию, метафору или ссылку, крайне мало по сравнению с количеством тех, кто ее просто не поймет, причем даже на уровне отдельных незнакомых слов. Кто-то даже почувствует свою ущербность. Нужно ли это комментатору? Ну а утверждать, что, упомянув, скажем, Лиама Нисона или Вуди Аллена, ты пытаешься повысить культурный уровень слушателей — или большое заблуждение, или, на мой взгляд, просто лукавство.

С другой стороны, попытка немного повалять дурака со зрителем, думаю, имеет право на жизнь.

«Вот бежит Джордж Финиди. Меня часто спрашивают: где здесь имя, а где фамилия? Я специально для вас изучил вопрос и отвечаю: это не имеет никакого значения». По-моему, это Геннадий Орлов. И, по-моему, это забавно.

Конечно, тут нельзя затрагивать тонких струн. А то получится, как когда-то у Сергея Ческидова во время репортажа с открытия Олимпийских игр: «На арену выходит колонна спортсменов независимой Монголии. Почему независимой? Да потому что от нее ничего не зависит».

Кажется, тогда Сергея отстранили от репортажей месяца на три.

Когда простят все

По моему лингвистическому убеждению, слово «перл» в русском языке приобрело почти негативную окраску исключительно из-за своего неэстетичного для нашего уха звучания, какого-то, если хотите, почти туалетного сочетания букв.

На самом деле перлы — это не что иное, как жемчужины. Поэтому комментаторскими перлами надо восхищаться, а вот то, чем восхищаться не следует и даже наоборот, нужно называть ляпами. И не путать.

Смешные фразы для репортажа ни в коем случае нельзя придумывать заранее. Ведь стремление обязательно их использовать может свести весь твой репортаж к поиску подходящего момента. А это кошмар.

Но телезритель подчас не верит, что говоришь ты совершенно спонтанно и без фиги в кармане. Вот играет «Спартак», попавший в неудачную полосу: полсостава травмировано. Все только это и обсуждают, мол, в чем причина? И тут на поле выпускают защитника Эдуарда Мора. Я совершенно спокойно сообщаю: «Мор пришел из дубля».

Реакция не заставила себя долго ждать: «Вот, наши там „мрут“, а Гусев еще и издевается. Заготовил фразу, гад!»

А когда у сборной Ирландии в матче с Россией на замену вышел нападающий Саймон Кокс, я, предположив, что сопернику сейчас пригодится «свеженький Кокс», если и каламбурил, то простодушно имел в виду всего-то каменноугольный продукт, как некое топливо для атак. Но совсем не какой-то другой, неведомый мне кокс. И восторженную (на этот раз) реакцию определенной части зрителей даже не мог спрогнозировать.

На мой взгляд, авторские фразы — вещь одноразовая. И уж точно должны оставаться авторскими. Так, оценив точную и красивую скидку мяча техничным игроком на стадионе «Локомотив» словами: «В Черкизово — время скидок», — я больше ни разу не использовал эту метафору. Но время от времени слышу ее с экрана. Уже и Черкизовского рынка давно нет, а комментаторские «скидки» продолжаются.

«Горячие пирожки» и «чертик из табакерки» не были придуманы Василием Уткиным. Он просто первым использовал их в спортивном репортаже. Но подхваченные «учениками», они мгновенно превратились в назойливый штамп. И не только они. Попутно замечу: видя, какую уже назойливую популярность получило мое «берегите себя», жалею, что в свое время не

запатентовал эту прощальную фразу. Уже давно мог бы жить на авторские.

Впрочем, случайная двусмысленность, например: «Этот форвард умеет принять на грудь», может стать культовой фразой для комментария корпоративных матчей, где веселая компания просто ждет чего-то такого о своем сослуживце. А стоящим в стенке музыкантам артистической команды можно посоветовать не закрываться руками, а, наоборот, убрать их за спину. Ведь в их профессии главное — пальцы.

Но подобная работа — это совершенно особый разговор. Даже, я бы сказал, особый жанр, где все средства хороши. Кстати, в разговоре о корпоративах слово «средства» — тоже многозначно. А соленая шутка — не пошлость. Просто надо чувствовать грань. И уместность. Которая, как и предполагает само это слово, во многом зависит от места.

Не думаю, что упоминание комментатором нетрадиционной сексуальной ориентации футболиста является чем-то запретным. Особенно если об этом публично объявил сам игрок, удостоившись, кстати, виртуальных аплодисментов общественности за смелость и открытость. Но при этом считаю просто неприемлемым однажды услышанное в репортаже: «Трибуны что-то кричат судье, видимо, вспоминая певца Элтона Джона». Для начала, это просто топорно.

Завершить эту часть моего повествования хочу цитатой еще одного моего коллеги — Георгия Черданцева. Пусть даже в каком-то смысле она ставит под сомнение саму необходимость обсуждения творческой стороны репортажа.

Юра сказал: «Главное, чтобы наши в итоге выиграли. Тогда комментатору простят все». Довольно цинично, но верно. Чисто творчески не отношу к числу своих лучших репортаж летом 99-го о победном для сборной России матче с Францией на «Стад де Франс». Или комментарий удачной игры с Англией в «Лужниках» в 2007-м. Но на встречах с болельщиками прежде всего слышу: «Как здорово вы тогда отработали!» Хотя на самом деле работали-то тогда ради такого зрительского восторга Романцев, Панов, Карпин, Титов, братья Березуцкие, Павлюченко…

Впрочем, чтобы закрыть главу на высокой ноте, вот несколько настоящих «шедевров» высокого комментаторского искусства:

«С такой игрой выиграть — все равно что добраться до Северного полюса в эпоху галер!», «Команды охватила ничейная эпидемия моровой язвы!», «Нападающий, как палочкой от эскимо, проткнул черно-белую стенку и угостил этим мороженым всю команду!»

Вот так. А вы говорите: «чертик из табакерки…»

Глава двенадцатая
Эфирная диета

Не забиваешь ты — забывают тебя».

Народная мудрость

«Вы на нарезке не стояли?»

«Если в течение нескольких лет показывать на экране лошадиную задницу, то и она станет популярной» — эту звонкую фразу когда-то услышал от Владимира Познера. И сегодня готов согласиться с мнением мудрого человека, моего хорошего знакомого, а до недавнего времени еще и соседа по дачному поселку.

А первый щелчок по носу я получил много лет назад, когда только-только начал появляться в телеэфире. Но несмотря на это, нос был уже слегка задран.

Дело было на одном из московских ежегодных международных хоккейных турниров, тогда еще проводившемся в лужниковском Дворце спорта. В очереди у буфетной стойки я заметил на себе внимательный взгляд симпатичной продавщицы. По мере моего продвижения к бутербродам и чаю девушка еще раза два заинтересованно взглянула на меня. Вот она, телевизионная известность. Спина распрямилась, плечи сами собой расправились…

И наконец, смущенный вопрос начинающей звезде:

«Извините, пожалуйста. У вас лицо очень знакомое. Вы у нас в холодном цехе на нарезке бутербродов не стояли?»

В очереди были не просто коллеги, а мои хорошие товарищи. К их истерическому хохоту я отнесся с пониманием.

Слово «кумир», видимо, когда-то вошло в русский язык со скрипом. Во всяком случае, с его использованием у нас явные проблемы. «Я — ваш давний кумир», — то и дело приходится слышать от милых людей, просящих автограф. Кстати, в последнее время расписываться все чаще приходится для бабушек и дедушек, с удовольствием отмечая добрый порыв их внуков, подходящих с ручкой и листком бумаги.

Подписываешь порой бог знает что! Спичечные коробки и паспорта, денежные купюры и фотокарточки. Вплоть до различных частей тела, даже, извиняюсь, на грани интимных. Однажды мне прислали по почте чей-то утерянный военный билет, в котором подпись комиссара странным образом заменял мой автограф. Впрочем, с весьма актуальным в этой ситуации пожеланием-предостережением: «Берегите себя!»

Что же касается крылатой фразы о задней части лошади, то у нее, извиняюсь за невольный каламбур, есть и оборотная сторона. «Не забиваешь ты — забивают тебе», — ведь так мы сами говорим во время репортажа. Телеведущий должен продолжать «забивать» — такая работа.

Временные трудности

Еду в метро. Кстати, оцениваю московское как едва ли не лучшее в мире. При всей критике за эпизодическую духоту сравните его с лондонским или нью-йоркским. По чистоте наш метрополитен даст сто очков форы конкурентам. А уж о феерически коротких паузах между прибывающими поездами — вообще не говорю. Здесь иностранные туристы нам уже давно обзавидовались.

Короче, под землей мы лучшие. Другое дело — что там, наверху… Но мы же сейчас о метро говорим.

Так вот, еду. Потому что вовсю пользуюсь общественным транспортом. Чаще всего из моего Внуково отправляюсь на аэроэкспрессе (благо удостоверение участника боевых действий позволяет не платить за это полтысячи рублей) до Киевского вокзала. А оттуда — с одной пересадкой на ВДНХ, от которой до Останкино рукой подать. И никаких проблем с пробками. Очень советую.

Итак, еду в метро. Вдруг в ухо: «Ого, Виктор Гусев — и не на „Мерседесе“?!» Поворачиваюсь. Белозубая улыбка не менее чем тысяч на 10 долларов, массивные часы едва ли не самой дорогой фирмы, из-под атласной рубашки — золотой крест с какими-то умопомрачительными вкраплениями, ну и шуба — как памятник целому поколению норок.

Ответ невольному собеседнику в силу своей очевидности возникает сразу: «Так и вы тоже не на „Гелендвагене“!»

«Э-э-э, Виктор, большая разница! У меня ВРЕМЕННЫЕ трудности».

Что ж, с такой жизненной позицией, уверен, к настоящему времени у моего случайного попутчика уже все наладилось.

Лемур и кенгуру

Мои главные болельщики — моя семья. Гранитную очевидность этого утверждения слегка подмывают воды сомнения некоторых ее членов в приоритетной роли спортивных зрелищ в жизни человечества. Еще помню, как попытка серьезной беседы с двумя дочками-школьницами была просто уничтожена фразой: «Папа, ну что ты с нами, как со всей страной, разговариваешь?» И все же — кто за меня, если не они, мои любимые?

…Кот был подобран на Тверской. На лестничной клетке, по соседству с квартирой Ирины и Сергея Стариковых. Со знаменитым хоккеистом мы тогда, в середине 90-х, отмечали его возвращение в Россию. Ира прилетела из Америки еще раньше — в 1993-м мы вместе принялись работать на проекте «ЦСКА — Русские пингвины», на три удивительных года по-партнерски объединившем армейский клуб с питтсбургскими «Пенгуинз» (у нас даже специалисты, побывавшие за океаном, почему-то упорно называют его «Пингвинз»). Вслед за женой прилетел и двукратный олимпийский чемпион.

Вечер у гостеприимнейшей семьи Стариковых был веселым, добрым и обильным. Но все хорошее, увы, кончается. С печальной мыслью я захлопнул за собой дверь и сразу увидел эти глаза. Они смотрели на меня из темноты, напоминая обложку альбома рок-оперы «Cats» — желтые на черном фоне. Пришлось снова постучать в дверь, чтобы поинтересоваться, кому принадлежит это грустное существо?

«Вот соседка умерла, родные приехали, похоронили, — сказала Ириша, — а что с ним будет, не знаю. Пока вот на лестнице».

Если о предмете кражи говорят: плохо лежит, — то этот кот, на мой не совсем трезвый взгляд, плохо сидел. Один, в темноте, беззащитный…

Через мгновение он оказался у меня за пазухой. Мы жили не так далеко, на Новопесчаной, и дорога в полуночном автобусе, пусть даже по занесенной снегом столице, не заняла много времени. Дверь, несмотря на довольно позднее время, открыла маленькая Нина. Детские глаза встретились с глазами, выглядывающими из-под моего пальто, и квартиру огласил торжествующий крик: «Мама, смотри, папа лемура принес!»

Сразу же вспомнилась еще более ранняя сценка. Из детской комнаты внуковской дачи посреди ночи мы вдруг услышали: «Мама, мама! Кенгуру!» Держась одной рукой за перекладину своего манежа, Ниночка другой указывала на противоположный

угол. Там, прислонясь к стене, на задних лапах стояла крыса…

Художественное восприятие мира в итоге сделало свое дело. Сегодня Нина — актриса Московского художественного театра имени Чехова.

Загадка для Рода Стюарта

Старшая дочь Юля, филолог, знаток, среди прочих языков, японского, заставила учащенно биться мое меломанское сердце, когда после окончания МГУ начала, параллельно с повседневной работой, принимать участие в организации московских гастролей мировых рок-звезд. Рассказы о деликатном семьянине Дэвиде Ковердейле из «Whitesnake», каждую свободную минутку звонившем домой, или о бывшем лидере «Pink Floyd» Роджере Уотерсе, наоборот, подтвердившем слухи о своем суровом нраве, я слушал, глотая слюни. А охраняют, оказывается, сильнее всех Бритни Спирс. Зачем? А группа U-2 — прекрасные дружелюбные ребята. А сэр Элтон Джон — просто душка, в порядке исключения не отказал в автографе для Юлиных родителей. А все тот же мой любимый Уотерс велел уволить водителя уже после первой поездки по нашей столице: из аэропорта в гостиницу. Очевидно, все знающий о стенах Роджер был просто не в курсе состояния наших дорог и приписал непривычную тряску непрофессионализму человека за рулем. А скандальный Оззи Осборн, к тому же измученный налетевшей во время гастролей зубной болью, кричал во весь голос, мол, позовите Джулию, буду разговаривать только с ней.

Особенно заинтересовала меня история с Родом Стюартом. Ведь его рассказ подтвердил то, что я слышал от непосредственных участников печального матча с шотландцами на чемпионате Европы-92 в Швеции. Команда СНГ (если кто-то не помнит, так некоторое время называлась наша страна) под руководством Анатолия Бышовца достойно провела два матча в предварительной группе, которые завершились боевыми ничьими с немцами и голландцами. В решающей игре нам нужна была победа над сборной Шотландии, которая уже потеряла шансы на продолжение участия в турнире.

Полузащитник Игорь Добровольский вспоминал, что с появлением соперника на газоне стадиона «Идроттспаркен» в Норрчепинге над полем повеяло перегаром. Причем запах этот прекрасно лег на историю, накануне рассказанную другим нашим футболистом. Алексей Михайличенко, тогда выступавший за шотландский клуб «Глазго Рейнджерс», на правах «своего» за день до матча побывал в лагере неприятеля. И, вернувшись, доложил, что уже на собранных в дорогу чемоданах соперник развернул грандиозную пирушку, где пиво и виски лились рекой. Подразумевалось, что за исход встречи мы можем быть спокойны.

Стоит ли напоминать, что в итоге, наверно, самый странный

в моей жизни и просто не поддающийся объяснению матч завершился поражением сборной СНГ — 0:3.

Мой хороший друг — знаменитый спортивный врач Зураб Орджоникидзе, в разные годы, в том числе и тогда, работавший в сборной, считает слухи о шотландцах явно преувеличенными. Говорит, выпивали в основном резервисты. Но вот Род Стюарт на сто процентов подтвердил разведданные, добытые Михайличенко. Ведь шотландский певец, будучи ярым фанатом, по приглашению национальной федерации принимал участие в той вечеринке.

Пострадал тогда не только престиж нашего футбола, но и мой первый телевизионный сюжет. Поехав на турнир в качестве корреспондента агентства РИА «Новости», я уже внештатно сотрудничал с Первым каналом, где готовил и вел еженедельную итоговую программу «Спорт-уикэнд». По воле судьбы жил я в Швеции в одной гостинице с женами наших футболистов: Колывановой, Чернышовой, Онопко… Практически все женатые игроки приехали не одни, но находились отдельно от своих вторых половинок. Свидание было обещано только после выхода в следующую стадию соревнований, которой тогда сразу был полуфинал.

Так вот, я не мог не воспользоваться случаем и не взять дня за два до игры интервью у милых дам. Кассета «Аэрофлотом», а тогда это было единственным способом переправить видеоматериал, улетела в Москву и уже ждала своего часа. Но так и не дождалась. После досадного поражения солнечные пожелания и слова надежды уже никому не были нужны.

А свидание в итоге состоялось. До сих пор перед глазами стоит печальная фигура Андрея Канчельскиса, обнимающего на прощание свою жену (ныне супругу певца Стаса Михайлова) у ворот стадиона. Даже домой семьи летели отдельно. В разных самолетах. Чтобы знали!

Помню мрачные интервью наших ребят по возвращении. Так, Михайличенко уже в аэропорту заявил, что это была его последняя игра за сборную СНГ. Впрочем, она сама совсем скоро перестала существовать как таковая по причине, далекой от футбола.

«Передай своему папе, — скажет Род Стюарт моей дочери, — что я не могу понять, как наши ребята тогда вообще смогли выйти на поле, ведь они с трудом держались на ногах! А уж как умудрились забить три мяча и выиграть — это вообще загадка!»

Знаменитый шотландский певец оказался большим любителем оружия. Уйти из музея на Поклонной горе заставила его лишь опасность окончательно опоздать на репетицию. А Брюс Дикинсон, лидер группы «Iron Maiden», лично пилотировавший их

собственный самолет с традиционным номером рейса «666», прибыл с полным набором экипировки для фехтования. Впрочем, эти истории можно рассказывать без конца.

…Юля, отправившись затем в Лондон с целью продолжения образования в Университете Вестминстера, нашла там свое счастье. Теперь Михаил и Юлия Зельманы — родители моих трех прекрасных внуков. Причем вслед за прекрасной Мириам в течение двух лет появились ребятишки с «битловскими» именами: Джуд и Сейди-Мишель (в репертуаре группы «The Beatles» были песни «Hey Jude», «Sexy Sadie» и «Michelle»). А значит, о моих дедовских колыбельных, если я, конечно, буду допущен, можно уже не спрашивать.

Конечно, пеленая нашего младшего Мишку, мы с моей женой предполагали, что он весьма скоро может стать дядей. Но что к 12 годам — уже трижды! Думаю, для него столь милый моему сердцу хет-трик стал не меньшим сюрпризом, чем для нас с Олей, ныне трехкратных деда и бабки.

Синхронное плавание

Среди «Больших гонок» и «Хочу знать», «Властелина гор» и «Властелина вкуса» особняком в некомментаторской части моей жизни стоит работа синхронного переводчика.

Нас учили этому в родном институте, поэтому микрофон, наушники и сама комментаторская кабина изначально не были для меня чем-то экзотическим. Да и в принципе работа синхрониста и комментаторская имеют много общего. Умение, «раздвоив» свое внимание, в то же время сосредоточить его на главном, увидеть и услышать все, при этом продолжая говорить…

В начале 90-х в жизни Международной федерации хоккея наступил момент, когда проведению его конгрессов стал мешать… шум в зале. Нет, дело было, конечно, не в потере интереса собравшихся к проблемам и задачам любимого вида спорта. Просто с развалом Советского Союза на форумах в одночасье появились представители новых федераций — Белоруссии, Украины, Казахстана, бывших прибалтийских республик…

А это значит, что девушка или молодой человек, до того нашептывавшие перевод на ухо единственному делегату от СССР, мгновенно были «клонированы», и зал наполнился этаким «русским гулом».

Тенденцию быстрее других заметил и оценил мой бывший начальник по спортивной редакции ТАСС и добрый друг Всеволод Кукушкин. Весь хоккейный мир зовет его не иначе как Сева и знает уже сто лет. Ведь Сева многие годы работал личным переводчиком патриарха нашей хоккейной дипломатии, в прошлом известного хоккеиста и арбитра Андрея Старовойтова.

Собственно, и сам Кукушкин со временем стал «патриархом», по ходу дела войдя в различные комитеты организации. Но дело даже не в этом. Общительный, умный и острый на язык человек, он стал, если хотите, символом «адекватного русского» в международной хоккейной семье.

И вот Сева сказал: «Нужны кабины для синхронного перевода и приемники с наушниками для сидящих в зале. Ну и, конечно, русский теперь должен, наряду с английским и немецким, стать официальным языком организации». Сказано — сделано. Тогдашний генеральный секретарь ИИХФ милейший швед Ян-Оке Эдвинссон дал идее зеленую улицу.

Ну а Рене Фазель не имел ничего против. Во-первых, летом 1994 года на Генеральном конгрессе в Венеции он только-только был избран президентом, и роль «новой метлы» в разных

смыслах, думаю, вполне укладывалась в концепцию его руководства. Во-вторых, зубной врач и хоккейный арбитр из Швейцарии, он неизменно хорошо относился и относится к России, что, согласитесь, фактор весьма существенный.

Как говорится, чтобы жизнь не казалась медом, тогда же в прекрасном городе на воде меня обокрали, вытащив из оставленного в номере кошелька 400 долларов. Позже я узнал, что до этого был ограблен живший по соседству президент нашей хоккейной федерации Валентин Сыч. Но сумма составила всего 50 долларов, которые лежали у него на столе. Валентин Лукич не стал об этом сообщать, поэтому тревога поднята не была и вор продолжал действовать.

Из местного отделения полиции, куда я, естественно, добирался на катере, мое дело передали в Милан. На протяжении двух лет оттуда приходили волнующие сообщения о ходе расследования. Но, как выяснилось, комиссар Каттани бывает только в кино.

Еще одна кража, связанная с хоккейными поездками, произошла в том же году, уже на следующем конгрессе. Его участники ужинали в невероятном для подобного мероприятия месте. Это был лондонский Музей мадам Тюссо, друзья! Да-да прямо среди восковых фигур. Короли, звезды спорта, преступники… Кто-то даже попросил передать соль… Нет, это я уже выдумываю. Но остальное — чистая правда. Как и то, что, вернувшись в роскошную гостиницу, мы с Олей не нашли в номере ее украшений, косметики и часов, подаренных Шведской федерацией хоккея, которая была организатором лондонского конгресса. Что самое интересное, недосчитались мы и денег — в количестве… пяти рублей.

Обиднее всего была реакция местных полицейских, заподозривших нас, как сказали бы футболисты и хоккеисты, в «нырке». Фраза констебля (хм, а как эмоционально звучит это слово!) была следующей: «Никогда в этой гостинице ничего не пропадало, а вот приехали русские — и у них, конечно же, сразу украли!»

Но это мелочи. Вот уже четверть века Фазель — у руля международного хоккея.

И столько же мы с Всеволодом Владимировичем — в кабине синхронного перевода. Кстати, сейчас слово «синхронистка» постепенно приобретает мужской род и в спорте…

Десятки городов — от Вильямуры до Форт-Лодердейла, от Торонто до Парижа. Переложение с английского на русский и обратно речей, уставов, писем — всего и вся. Я искренне смеялся, когда один случайный сосед за кружкой пива в аэропорту Тель-

Авива уличил меня в незнании хоккейных правил. Не хотелось тогда погружаться в эту тему, поэтому незадачливый болельщик так и остался в неведении, что правила эти я перевожу еще с прошлого века, обсуждая и перепроверяя каждую строчку, а то и каждое слово с канадцами и чехами, финнами и шведами…

Хотя, соглашусь, было время, когда эти правила сам нарушал безбожно. В заснеженном Внуково, на том сам корте, где летом царили Игорь Ильинский и Николай Озеров, зимой начинались наши хоккейные сражения: команда моих московских приятелей билась с командой дачных. Не было у нас специальных вратарских коньков и щитков, поэтому мы с Андреем Резининым, человеком вкуса и ценителем изящного, надевали валенки. А вот перчатки у нас с моим другом и однокурсником были настоящие, голкиперские. Для хоккея с мячом. Позже появились и для шайбы. Но отечественный производитель, видимо, не знал, что две лопасти ловушки должны смыкаться. Исправляя этот недочет, мы подкладывали ее под спину на ночь. Когда я сегодня рассказываю об этом Владиславу Третьяку, он смеется: не только вы, ребята…

Глава тринадцатая
Без микрофона

…Представительницей самых желтых газет,
Ты придешь к нему в номер, где сломан клозет,
Где лежит он, расхристан, с валютой в горсти,
Чтобы взять интервью для скандальной статьи…

Александр О'Шеннон.
Претендент на престол

Лицом в салате

Однажды мне предложили написать книгу за неделю. И на недоуменный вопрос относительно столь короткого срока потенциальный издатель ответил, мол, так все же проще простого: отбираете свои лучшие авторские колонки из «Спорт-экспресса» — и вперед.

Зная, что такие вещи делаются, я все же отказался, отдав предпочтение другому формату. Но одну из глав не мог не посвятить очень важному периоду в моей жизни.

Уверен, что все начинается именно с «пишущей» журналистики. На моей памяти немало примеров, когда молодой человек, даже хорошо осведомленный о телевизионных технологиях и любящий спорт, претендовал на корреспондентское или комментаторское место, но не получал его из-за отсутствия практики написания текстов. С другой стороны, я, без сомнения, закрывал глаза даже на неумение претендента держаться перед камерой, если в его «портфолио» были талантливые газетные или журнальные статьи.

Едва ли не самым многоплановым в моей творческой жизни был период, когда я, уже внештатно работая на ТВ, возглавил первый отечественный цветной ежемесячный журнал о футболе. Он получил название «Матч». И если бы я был Нострадамусом или просто коммерчески мыслящим человеком, то, конечно, это звонкое слово, как и «берегите себя», запатентовал бы еще тогда.

Улыбаюсь, но на моей памяти то был единственный пост главного редактора, от которого еще на уровне идеи о новом издании отказался мой хороший друг Константин Клещев. Ведь впоследствии Костя установил «всероссийский рекорд», в разные годы возглавив две извечно конкурирующие газеты «Спорт-экспресс» и «Советский спорт». Он же был первым главным редактором журнала «PROСпорт», и далеко не только его.

С большим теплом сегодня вспоминаю фантастически креативную группу журналистов нашей редакции, в конце 1995-го заселившихся в средних размеров помещении на Петровке, 16.

Строгий, не дававший никому спуску ответственный секретарь Юра Бугельский. Слово «спуск» звучит здесь неплохим каламбуром, потому что Бугель — человек, хорошо известный в горнолыжных кругах. Всеми иллюстрациями занимался Андрей Желнов, великолепный фотомастер и при этом отличный организатор, привлекавший к работе лучших фотокоров уровня Александра Федорова, Владимира Родионова, Игоря Уткина. Сегодня Андрей руководит направлением мультимедиа в

«Советском спорте». Кстати, помимо фото мы широко использовали в оформлении рисунки и карикатуры. Забавнейших персонажей рисовал Саша Заяц. Который еще и пел. Знали ли мы тогда, что он, Александр О'Шеннон, со временем станет одним из грандов авторской песни, лауреатом больших конкурсов и прославится как автор знаменитой «На станции „Панки" живут лесбиянки…»

Группу пишущих журналистов-редакторов составили ребята, которые в своей области и сегодня дадут сто очков форы любому. Алексей Кузнецов, Борис Богданов и Владимир Константинов — люди тассовской школы, после «Матча» сказавшие и продолжающие говорить свое слово на ключевых позициях в спортивной журналистике.

Писал для нас и тогда еще дебютант телеэфира Василий Уткин, и гуру отечественной спортивной прессы Александр Горбунов. Авторами были, увы, уже покойные мэтры Владимир Дворцов и Борис Левин. Прекрасные материалы приносили Сергей Микулик, Игорь Рабинер, Аксель Вартанян, Михаил Мельников, Николай Яременко, Александр Нилин, Юрий Цыбанев, Олег Винокуров…

И еще человек, при знакомстве представившийся: «Кто я? Некто Голышак».

Да, ныне получивший вместе со своим соавтором Александром Кружковым уже не одну журналистскую премию за материалы на страницах «СЭ», Юрий раскрылся у нас. Как и другой автор классных спортивных текстов — мой друг детства Андрей Грин, впоследствии занявший высокий пост в Москомархитектуры. Телевизионные байки представлял на суд читателя известный останкинский режиссер Евгений Гришин.

Изобретательный и стремительный на поле капитан футбольной сборной российских журналистов Юрий Панкратов был таким же и в «Матче», совмещая работу корреспондента с добычей рекламных контрактов. В роли коммерческого директора выступал и Владимир Малушков, прозванный «Биг-Беном» за свою стать и любовь ко всему британскому.

Делая «Матч», мы вовсю пытались отойти от пресловутых «голов, очков, секунд».

Когда нынешний кибернетический колосс «Фэнтези-футбол» был еще в зачаточном состоянии, журнал по инициативе эрудированного и изобретательного Игоря Гольдеса начал для читателей опередившую свое время игру «Матч 100». Очки там начислялись в виде присуждаемых участникам «толстых колосков». С учетом того, что в те годы Профессиональную футбольную лигу возглавлял Николай Толстых, а Российский

футбольный союз — Вячеслав Колосков, нам это казалось забавным.

Нестандартные интервью и рубрики, веселые фотоконкурсы и стихи, выборки из ярких читательских писем… Но издатель Андрей Мальгин в духе того времени порой требовал от меня и другого.

«Хотите фото Виктора Онопко поставить на обложку? Хорошо, но Онопко нужен нам не в высоком прыжке с повязкой капитана сборной. Это пóшло. Он нужен нам лицом в салате, пьяный!»

Не поддержав этот посыл, я остался благодарен Андрею уже хотя бы за то, что на его дне рождения познакомился с семейной парой: Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером. А то, что бросил он наше издание, как мне казалось, на самом взлете, весной 97-го, предпочтя тему «Туризм и отдых», так, возможно, взлет мне только привиделся: в экономических делах я не дока.

«Матч» читали. С гордостью вспоминаю, как на мою колонку «Молчание Ярцева», посвященную возвращению Олега Романцева к руководству «Спартаком» после того, как клуб без него стал чемпионом страны, откликнулся Станислав Черчесов. Тогдашний вратарь «Тироля», где-то раздобыв мой домашний телефон, позвонил из Австрии, специально чтобы похвалить написанное. Было приятно.

В свои лучшие времена «Матч» закладывался на самостоятельные зарубежные поездки, но и не гнушался «паразитированием» на телевидении. Из каждой своей комментаторской командировки я привозил и какие-то материалы для журнала.

Так, ранним февральским утром 97-го в сицилийском аэропорту я оказался рядом с Сержем Мументалером. Швейцарский арбитр накануне отработал в Палермо на ответном матче за европейский Суперкубок между «Ювентусом» и ПСЖ. А примерно за год до этого Мументалер отвратительным образом не пустил наш «Спартак» в полуфинал Лиги чемпионов.

— Серж, я телекомментатор из России. Вы помните Кечинова?

— Да, это молодой парень из «Спартака».

— А помните, как не назначили пенальти за фол на нем в Москве?

— Знаете, вот вчера было явное нарушение, и я наказал, между прочим, хозяев.

— Но вчера при общем счете 7:1 в пользу «Юве» по сумме двух матчей это уже ничего не решало. А «Спартак» в тот момент вел 2:0, по сумме сравнял счет, и «Нант», не получив 11-метровый

в свои ворота, в ответной атаке сразу забил…

— До свидания.

Коротенькая беседа с Мументалером вдруг оказалась прообразом другого похожего, но гораздо более пространного интервью, опубликованного уже в газете «Спорт-экспресс» и неожиданно для меня ставшего предметом жаркого спора с моим телевизионным начальством.

Зачем я дал слово «убийце»?

Если Мументалер в марте 96-го похоронил надежды футбольного «Спартака», то почти десять лет спустя финский рефери Ханну Хенрикссон аналогичным образом расправился с нашей хоккейной сборной. Полуфинальный матч с Канадой на чемпионате мира-2005 в Вене мы проиграли — 3:4. Но исход, уверен, должен был быть другим. Если бы не по меньшей мере странное судейство. 34:10 — общий счет штрафного времени «в пользу» россиян и совершенно непонятные решения 42-летнего финна, особенно в первом периоде, когда в ворота Максима Соколова были заброшены три безответные шайбы.

И вот — журналистская удача, с которой мало что можно сравнить в нашей профессии.

«…Человек появился из темноты венской ночи в дверях уже закрывающегося ресторанчика недалеко от центра австрийской столицы. Лысеющий, невысокого роста, в очках и с бутылкой пива в руках…»

— Слышу, вы говорите по-русски. Я хотел бы извиниться перед российскими болельщиками. Меня зовут Ханну. Я из Финляндии. Сегодня я судил ваш матч с канадцами…

Принимая наше приглашение, Хенрикссон садится за столик. Самое странное, что находимся мы совсем не рядом с ареной, а далеко, где-то почти на городской окраине. На ловца и зверь бежит? Но ведь мы никого и не думали ловить! Мы — это мои коллеги по Первому каналу, включая работающего в бригаде саратовского корреспондента Романа Грибова.

Я подмигиваю Роме: «Незаметно включай диктофон — сейчас что-то будет!» Мог бы и не подмигивать. У Грибова уже все готово: опытнейший журналист!

А Хенрикссон рассказывает нам (для краткости в отличие от газетного варианта опускаю здесь его прямую речь), что не пошел, как обычно после матча, в гущу болельщиков, так как испугался мести наших фанатов. И вот вообще уехал подальше от стадиона. Что по судейскому обмену работал у нас на матчах чемпионата России и прекрасно знает те слова, которые доносились до него с трибун…

Оказывается, прозвище «Ники» ему дали в детстве по сходству звучания его фамилии с фамилией тогдашнего президента США Ричарда Никсона. (Нам с Романом нужны такие детали, чтобы читатель поверил в подлинность интервью, уж очень оно необычное.) И вот еще: звонит жена Хели. Она смотрела трансляцию, видела все. Говорит: не переживай. А

нашему тренеру Владимиру Юрзинову, с которым Ханну хорошо знаком, он после матча по-фински сказал, что просто в ключевых моментах канадцы были хитрее россиян.

И Хенрикссону очень хотелось бы, чтобы «Юрзи» все понял, ведь там не было ни грамма предвзятости, если и ошибался, то неумышленно: где-то не успел, где-то не увидел… Ну да, канадец «нырнул», а он принял симуляцию за фол русского… Хорошо, не профессионал! Но ведь он и работает в строительной компании в Тампере, как все там, в оранжевой униформе. То бишь далеко не миллионер, а судейство — хобби.

Концовка была такой:

«Ханну допил пиво, взял со столика очки, поднялся и грустно улыбнулся нам на прощание.

— Я выдержу критику и не брошу судейский свисток. А хотел поговорить с вами, чтобы русские не держали на меня зла. Поверьте, я не подсуживал канадцам…»

«Писать надо пьяным, редактировать трезвым», — когда-то сказал Хемингуэй. Пересказанное здесь вкратце интервью было расшифровано ночью, отредактировано рано утром и оперативно отправлено в Москву. На первой полосе «Спорт-экспресса» оно появилось под заголовком: «Ханну Хенрикссон. Если я и ошибался, то неумышленно».

Без ложной скромности скажу, что наш материал вызвал восторг главного редактора «СЭ» Владимира Кучмия. Прекрасно понимая, что большую роль здесь сыграло элементарное везение, он тем не менее говорил о корреспондентском мастерстве. Не знаю, заслуженно ли. Но тоже было приятно. Как от того звонка Черчесова.

В начале 90-х Владимир Михайлович увел своих единомышленников из главной в стране спортивной газеты, которую обожал мой папа. По рассказам мамы, в те редкие случаи, когда «Советский спорт» не приходил по подписке, отец не мог успокоиться. То, что номер придет завтра, его не устраивало. Он шел на улицу, находил один из весьма многочисленных тогда газетных стендов и, стоя, прочитывал все от первой до последней страницы. Иногда, когда дело было совсем под вечер, помогал специально захваченный из дома фонарик. Думаю, студенты-биологи удивились бы, увидев своего университетского декана профессора Гусева за таким занятием. А может, и нет. Ведь привыкли же они к тому, что летом он частенько приглашал их и сотрудников факультета на дачу во Внуково, где были не только шашлыки, но и обязательная любительская постановка какой-нибудь пьесы.

Впрочем, когда настала пора для новой газеты, папа принял

ее с восторгом. Еще бы! Отчеты о футбольных матчах уже на следующее утро! Да и вообще все именно так, как должно быть о спорте! Мы просто раньше не знали, что это возможно в принципе.

Заменить отца не может никто. Но когда после его смерти я приезжал к главному редактору «Спорт-экспресса», это было отдушиной. Володя даже говорил немного как папа, с какими-то знакомыми мне с детства интонациями. А творчество моего деда, например, знал не хуже членов нашей семьи.

Взвалив на свои плечи колоссальную организационно-редакторскую ношу, Кучмий перестал делать то, за что его почитательски боготворил Михаил Гусев, и не только. Газета осталась без его блистательных публикаций. О велоспорте, о коньках…

Но вдруг, в ответ на мое поздравление газете с 25-летием, он написал колонку, где вспомнил, как в МГУ пять лет дышал с моим отцом «одним университетским воздухом»… Кстати, свое решение сделать новую газету Владимир Кучмий однажды объяснил желанием иметь «право дышать».

За все время сотрудничества с «СЭ» только в рубрике «Без микрофона» у меня было почти 200 публикаций. Обо всем. И лишь один текст написать я не смог. В тот грустный день — 21 марта 2009 года.

Сегодня я поддерживаю прекрасные отношения с особенной для меня газетой, с удовольствием участвую в ее проектах и откликаюсь на предложения об интервью. Но сам больше в «Спорт-экспресс» не пишу.

…Вернемся к интервью с финским хоккейным арбитром. Совершенно другая реакция ждала меня на телецентре.

Это не было рабочим обсуждением. Ведь речь шла о чем-то сделанном во внерабочее время и не имеющем никакого отношения к трансляциям Первого канала. Разговор с моим тогдашним непосредственным начальником Николаем Малышевым был просто творческой дискуссией. Но она дала мне понять, насколько разным может быть восприятие одного и того же события с точки зрения его журналистского воплощения.

Позиция Николая Николаевича заключалась в том, что никакая журналистская удача априори не может вырасти на почве поражения своей команды. А появление на первой странице популярной газеты интервью человека, «убившего» национальную сборную и навлекшего на себя естественный гнев любителей спорта, — большая ошибка. Тем более если это интервью фактически оправдывает его.

Тогда я, конечно, спорил, отстаивая свою правоту. Вон и в

газете как похвалили! Да и сейчас, если вы наберете в поисковой системе фамилию финского арбитра, то найдете в основном перепечатки того материала или ссылки на него. Но, честно говоря, в итоге, несмотря на весь многолетний журналистский опыт, понимаю, что в собственной оценке ситуации застрял между двумя противоположными позициями, занятыми двумя уважаемыми мной людьми. Вопрос концептуальный.

А что же Хенрикссон? С тех пор мы не видели его на чемпионатах мира. «Ники» ушел от нас. Подальше, в триатлон.

Глава четырнадцатая
Другая колея

В обнимочку с обшарпанной гармошкой –
Меня и пригласили за нее.

Владимир Высоцкий.
Смотрины

Моя фильмография

Помним еще со школы: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Правда, на самом деле звучало это у Ленина немного по-другому, и не только о кино: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшим для нас являются кино и цирк».

Считается, что если о тебе говорят в КВН, то это верх популярности. Поэтому я отчаянно радуюсь тому, что сборная «Азия-микс», оказывается, любит меня за то, что «При Викторе Гусеве русские всегда терпят поражение…»

Или вот уже из народного творчества: «Финал комментировал Виктор Гусев. Проиграли обе команды».

Но анекдоты анекдотами, а если о тебе художественный фильм! Блокбастер! Фильм-катастрофа! Вот это да! Даже если играет тебя… женщина.

Об этом, впрочем, тоже речь еще впереди. Сначала о собственных ролях в кино, которых набралось уже порядка двух десятков.

Особняком в славной фильмографии стоит образ комментатора Бородинского сражения в эпохальной ленте «Ржевский против Наполеона». Ведь моим напарником там был не кто иной, как Андрей Шевченко, легенда киевского «Динамо», «Милана» и «Челси», а впоследствии главный тренер сборной Украины. Андрей, как вы уже, наверно, догадались, играл собственного однофамильца Тараса, то есть поэта, художника, революционера-демократа, одним словом, народного героя своей страны. И при этом по сценарию являлся моим сокомментатором.

Для меня это была не первая встреча с легендарным форвардом. Познакомились мы в Милане на вручении ежегодной премии «Звезда», учрежденной газетой «Спорт-экспресс» для лучшего футболиста стран Содружества и Балтии. Шевченко стал ее первым лауреатом по итогам 2004-го. А потом были зимние Олимпийские игры в Турине, когда Андрей, тогда выступавший за «Милан» и специально приехавший на хоккей, поднялся в нашу с Владиславом Третьяком комментаторскую кабину, чтобы поздравить с победой над канадцами. Как с нашей общей. Были же времена.

Впрочем, летом все того же 2006-го мне пришлось через «Спорт-экспресс» объясняться на украинскую тему. Тогда части телезрителей не понравилось, что в репортаже с футбольного чемпионата мира я симпатизировал жовто-блакитным, хотя опрос и показал, что в отсутствие на турнире в Германии сборной

России 70 % наших болельщиков поддерживают именно сборную Украины.

Для нас эта команда — такая же чужая, как любой ее соперник, в том числе Саудовская Аравия, говорили критики. Поэтому комментатор не должен быть так же пристрастен, как если бы на поле были россияне.

Моя статья для «СЭ», изначально имевшая название: «Почему я болею за Украину?», вышла под заголовком: «Почему болеем за Украину?». То есть редакция показала свою солидарность с комментатором. Я же написал о совершенно очевидных, на мой взгляд, вещах. И, кстати, вспомнил туринский эпизод с Шевченко.

…К счастью, в тот прекрасный съемочный вечер в Киеве три года спустя нас волновали совсем другие проблемы. Если меня загримировать было просто (никто не знает, каким мог быть внешне комментатор начала XIX века), то роль Шевченко требовала исключительной исторической достоверности. Андрей прибыл на съемку прямо с матча динамовцев в Лиге чемпионов. И хотя провел ту игру на скамейке запасных, от эмоций отходил постепенно, под руками опытных гримеров.

Срисовывали Кобзаря с купюры в сто гривен. Те, кто знаком с украинской национальной валютой, могут оценить точность работы специалистов. На мой взгляд, сработали они просто здорово, и я совершенно не переборщил с комплиментом, сказав: «Ну, вы просто сестры-грим!»

Я же предстал перед съемочной группой кем-то похожим на другого великого поэта той же эпохи. Возможно, благодаря умело наклеенным бакенбардам. Сходство с Пушкиным не оценила лишь блондинка из административной группы, слова которой на несколько минут парализовали работу свалившегося на пол от смеха оператора: «Ой, а если Гусева разгримировать, вылитый Стас Михайлов получится…»

Осталось лишь добавить, что наша сцена не вошла в окончательный вариант фильма Марюса Вайнберга. Сохранились только фото, одно из которых вы найдете в этой книге. И неожиданное упоминание в титрах рядом с фамилиями Светланы Ходченковой, Михаила Ефремова, Павла Деревянко и даже Жана-Клода Ван Дамма.

Еще в нескольких фильмах я пытался выстроить концепцию роли, найти зерно характера, пройти, как подсказывает моя актриса-дочь Нина, весь путь от внешнего к внутреннему. Но за 20–30 секунд отведенного моему герою экранного времени сделать это было сложновато.

В спродюсированной Тимуром Бекмамбетовым ленте «Колотилов» режиссера Левана Габриадзе, как и в «Ржевском», в

итоге все обошлось без моего героя. При получении гонорара бухгалтер, явно смущаясь, объяснила мне, что это связано с изменением концепции фильма, в частности, включением в него Миллы Йовович и Ивана Урганта, которых не было в первоначальной версии. Претендовать на соперничество с такими кинозвездами я и не пытался. Но гордо отказываться от денег тоже не стал. Кстати, вместе со мной убрали и название кинофильма, заменив его на «Выкрутасы».

Роль в «Ворониных» стала началом моей «сериальной» карьеры. И я очень быстро понял, что это такое. «Вы же друг Букина, да? Распишитесь, пожалуйста!» — Эти слова я впервые услышал в Тобольске, потом — в Нижнем Новгороде, наконец — в Санкт-Петербурге.

Сниматься в сериале «Молодежка» я приехал прямо из Боткинской больницы со сломанными отростками трех позвонков. Учил слова, лежа на передвижной койке в медпункте хоккейной арены «Мегаспорт» и чувствуя своей поврежденной спиной тепло Ильи Ковальчука, Павла Дацюка, а может, даже и самого…

«Ледокол» Николая Хомерики вышел в 2016-м, немного не успев к 30-летию уже упомянутой здесь антарктической спасательной экспедиции. Корреспондента на борту «Владивостока», то есть меня, сыграла Ольга Смирнова (Филимонова). Поскольку по сценарию к представителю СМИ должен был беззастенчиво клеиться сотрудник КГБ, то мужская фигура здесь не подходила. Тем более что журналист имел еще и статус жены капитана спасаемого судна. Короче, во имя сюжета и развития любовной линии прототип великодушно принял изменение пола. Как если бы меня кто-то спросил.

Как я был пингвином

«Русские пингвины» не имели никакого отношения к Антарктиде. Они вообще прилетели из Америки. В образе невысокого, кудрявого и чрезвычайно юркого молодого человека по фамилии… Варшава. Точнее, звали его Уоршо. Стивен Уоршо.

В 1992 году Стив был назначен координатором российско-американского хоккейного проекта «ЦСКА — Русские пингвины». В соответствии с соглашением о сотрудничестве, подписанным нашим легендарным тренером Виктором Тихоновым и владельцем «Питтсбург пенгуинз» Ховардом Болдуином.

Образцовый заокеанский спортивный маркетолог десантировался в перестроечную Россию, чтобы основать совместный бизнес, вернуть зрителей в обшарпанный Ледовый дворец, привлечь западных спонсоров, развернуть продажу символики.

Начитавшись историй про КГБ и мафию, американец боялся в Москве всего на свете. Но самым страшным своим врагом считал нашу еду. В течение первого месяца заокеанский координатор питался только шоколадом и хлебом, заработав проблемы с желудком. После чего… отказался от хлеба.

Впрочем, постепенно Стив пообвыкся, научился пить водку, полюбил шашлык и пельмени. Запретной для него осталась только «мертвая рыба», поэтому к пиву мы брали ему не воблу, а сухарики.

Внештатно работая на ТВ и выпуская ежемесячный футбольный журнал, я тогда не имел постоянной ежедневной занятости, поэтому на предложение «Русских пингвинов» откликнулся охотно. И в своем офисе на армейской арене совмещал пост пресс-атташе и делового консультанта со всем, что требовалось для раскрутки уникальной идеи — вплоть до роли диктора или массовика-затейника на хоккейных матчах.

Это сейчас на играх КХЛ музыка, шоу, конкурсы, катающиеся по льду талисманы и, видимо, раз и навсегда решенный вопрос с пожарной охраной. За наши «дикие» — с точки зрения серьезных и почему-то неизменно красных лиц — фейерверки я брал на себя личную ответственность, а Стив, кряхтя, отсчитывал наличные. И свитеры звезд никто до нас в России к куполу арены не поднимал, и рок-н-ролл в паузах не звучал, и в будущих вип-ложах бомжи, отчистив себе пространство от хлама, кипятили воду для чая…

Уоршо периодически звонит из Нью-Йорка с предложением написать книгу о «Русских пингвинах», которая, по его словам, станет бестселлером. И, наверно, мы сделаем это. И расскажем о

том, как целую ночь накануне первого матча в чемпионате России скрюченными от холода пальцами вместе клеили неведомую нашему хоккею рекламу на девственно белые борта. О том, как пригласили для выступления в перерыве стриптизерш — и, надо же, именно на тот матч, который решило посетить руководство Министерства обороны: «Надо посмотреть, что там американцы делают с нашим ЦСКА». О том, как в костюме пингвина у нас разогревал публику ныне гламурный фотограф и светский персонаж Александр фон Буш. Делал он это, изрядно потея, а мы во всей Москве за три года так и не нашли прачечную, где этот гигантский костюм можно было бы постирать…

Так что книга впереди. Пока же два слова о бесславном конце исторического проекта. В клубе появились доморощенные, не очень сведущие, но решительно настроенные бизнесмены, предложившие взять «пингвинов» с уже гремевшим по стране звонким названием и спонсорскими контрактами под свое широкое и мощное крыло. Аргумент был серьезный: «Американцы всех обманывают, гоните их взашей, и сейчас мы…»

Предложение было принято. Уоршо улетел домой. В Питтсбурге удивленно развели руками. А проект умер три месяца спустя. Пополнив мой горький опыт столь типичных для нашей жизни историй.

Сказка Андерсона

В тот летний вечер 2012 года в «Греческий театр» — знаменитую концертную площадку под открытым небом на Голливудских холмах стекались рокеры со стажем и стеганными одеялами. Все ждали Иана Андерсона и его легендарную британскую группу «Jethro Tull».

Я сидел в шестом ряду по центру и пожинал плоды. Пока шла настройка звука, солнце закатилось за вершину горы, и стало зябко. Сбегал за одеждой для жены и сына: на купленных тут же с лотка свитерах двоился до сердцебиения знакомый принт: Андерсон солирует на флейте, поджав ногу, как цапля…

Я полюбил его музыку в 1972-м, сразу и навсегда. Но судьба распорядилась так, что из безликого преданного фаната откуда-то из Восточной Европы тридцать лет спустя я стал его другом. Мы переписывались, после концертов всегда встречались за сценой (он — с бутылочкой пива, я — с непроходящим трепетом), иногда ходили с компанией друзей в ресторан.

Но тогда, в наполненном прог-роком калифорнийском амфитеатре, я внимал звукам его флейты в совершенно ином качестве — как партнер.

За год до того Иан позвонил и спросил, не могу ли я перевести на русский язык тексты песен с его нового концептуального диска?

Меня прошиб пот, язык прилип к небу, и я взял отпуск.

Подбор отмычек к развернутым метафорам Иана, бессонный поиск русского эквивалента его сложного стиха, духовная трепанация — в общем, это был отпуск мечты. Диск вышел в роскошном подарочном издании-коробке с моим русским переводом, а также с другими — на немецкий, португальский, чешский…

Иан время от времени присылает весточку с Барбадоса. После каждого длинного гастрольного тура он запирается там в кондиционированном шалаше и пишет новую музыку. Так появилась и первая для «Jethro Tull» рок-опера. Мой друг прислал либретто: переведешь?

Перевел. Вскоре он привез оперу в Москву. И сейчас, в свои 70, Андерсон снова что-то сочиняет. А я жду.

Глава пятнадцатая
Кровь комментатора

Все смешалось…

Лев Толстой. Анна Каренина

Чьи это ноги?

Лежу в больнице после нелепого падения на рельсы с железнодорожной платформы Внуково. Еще не зная о моей травме, звонит референт дирекции спортивного вещания Первого канала.

— Виктор, могу вас порадовать.

— Да, слушаю, Виктория Леонидовна.

— Вам пришло приглашение на мюзикл.

— Какой?

— «Анна Каренина…»

Да, моя временами печальная исповедь началась с абсурдного падения на железнодорожные рельсы в дорогом сердцу Внукове. А вообще физические травмы, если не считать переломов ребер во время футбольных матчей в «Лужниках» и на стадионе Юных Пионеров, где мы сражались точно как пионеры-герои, я по большей части получал вдали от родных берегов. Скажем, осенью 2002-го в джунглях далекого острова.

«Кровь комментатора обагрила песок Доминиканы» — заголовок одной из газет заставил моих родных достать валидол. А дальше — больше. В ярко написанной статье рассказывалось о том, что стебель растения-убийцы пронзил шею Виктора Гусева, прибывшего на необитаемый остров в составе участников телеигры «Последний герой». Одновременно издание авторитетно опровергало и даже высмеивало недостойные домыслы других СМИ, которые намекали на отравленную стрелу, пущенную случайным аборигеном. А вот за то, что смертоносный отросток вонзился в миллиметрах от сонной артерии, газета ручалась. И обещала следить за развитием событий на острове, завершив статью весьма многообещающими словами: «А сколько тяжелых травм еще впереди!»

На самом деле поводом для желтой публикации стало падение (иногда думаю: может, у меня вообще падучая) с горы, куда я полез во время первого же испытания «героев» в рамках проекта. Стремясь опередить ловкого и жилистого актера «Казанову», я перепутал цель. И вместо предназначенного мне факела, который был закреплен на склоне, бросился к его, Саши Лыкова, при этом потеряв равновесие. Через несколько мгновений я уже летел вниз, и мой подбородок нашел острый край валуна у самого подножия горы. Эстафету я в итоге продолжил, и кровь (тут газета своих читателей не обманула) действительно обагрила песок, так как состязание вместе с огромной тачкой, которую мы катили по лесу, переместилось на

берег океана.

С течением дней на острове, которые, возможно, так и останутся самой странной страницей моей жизни, это происшествие почти забылось. А сейчас напоминает о себе лишь бородкой, которую я был вынужден отпустить, чтобы закрыть шрам. Любопытно, что после финиша, когда фотокорреспондент Первого канала собрал оба племени для съемок на рекламную афишу, я лежал неподалеку, как мне казалось, отдавая Богу душу, и в итоге на постер не попал.

Очевидцы говорят, что позже, в Москве, бросая на плакат последний взгляд, перед тем как дать добро на расклеивание по всей стране в преддверии показа, генеральный директор Первого Константин Эрнст воскликнул: «Секундочку, а где же Гусев?» В итоге моя голова была вмонтирована между сомкнутых плеч товарищей по проекту. А вот чьи там были ноги, я не знаю до сих пор.

Хорошо, когда друзья рядом. В этом я еще раз убедился во время съемок программы «Большие гонки» на юге Франции. В первый же день ведущий Дмитрий Нагиев по воле режиссеров безжалостно бросил нас на арену боя с быком. Нас — это олимпийского чемпиона по греко-римской борьбе Хасана Бароева, знаменитого футбольного «Царя» Александра Мостового и легендарного хоккейного капитана Илью Ковальчука.

В такой компании, а к тому же в сверхрейтинговом эфире Первого канала, согласитесь, и смерть красна! Достойнейшие, отважные люди! Чего стоит хотя бы поступок Ковальчука, который по своему энхаэловскому контракту не имел права не только сражаться с рогатым соперником, но и, по-моему, даже переходить улицу в неположенном месте. Впрочем, Илья — боец, которому трудно что-то запретить, когда речь идет о состязании. Уже с самого начала «Гонок» он бесстрашно брал на себя наиболее сложные этапы даже самых иезуитских эстафет.

И вот — бык. Мне сразу не понравились две вещи. Первая — то, что зверь по сравнению с тем бычком, каким он казался с трибуны, оказался вполне серьезной особью. Хорошо, что концы рогов ему прикрывали колпачки, наподобие тех, что надевают на нос цирковые клоуны. Но тут было не до смеха, ведь вторым мгновенным разочарованием стало поведение животного. Сразу выяснилось, что интересует его не Бароев, не Мостовой и даже не Ковальчук…

Вся моя личная стратегия провалилась уже на первых секундах поединка. Назовем это именно поединком, потому что бык сразу пошел на меня. Вот так — один на один. Первого удара в плечо не выдержала, как выяснилось позже, суставная сумка.

Спасли сильные руки Бароева и все остальное, что Хасан напряг, оттаскивая от меня коричневого соперника.

На следующие «Большие гонки» я тоже поехал, но уже в роли капитана, который, по примеру большого тенниса, сам не играет, а лишь руководит партнерами. Как и на «Властелина горы» в Альпы, где одним из членов моей команды, в частности, стал блистательный в прошлом баскетболист Сергей Панов. Тут одно из воспоминаний связано с тем, как этот гигант ростом в 203 сантиметра, не сгибаясь, шел на установленный на склоне гигантский вентилятор, призванный отбросить участника на метры в сторону. Представить себя на его месте, признаюсь, было сложно.

Под пулями

О чем я подумал, когда кубинский бронетранспортер на узкой горной дорожке неподалеку от города Аддис-Абеба выскочил на наш автобус? Как сейчас помню: единственной мыслью, пронесшейся в голове за те секунды, что протараненная машина летела кубарем вниз по склону, была: «Надо же — погибнуть неизвестно где, неизвестно за что, да еще и от союзников!»

Но никто не погиб. Сломанная рука водителя, сотрясение мозга у двух коллег… И моя царапина на правом локте. Говорил же врач в Боткинской: фартовый!

На этой нелепой со всех точек зрения войне я ни в кого не стрелял. Соответственно никого не убил. Стреляли в меня, но, как это ни парадоксально, защищенные от пуль окопами эфиопской войны, мы порой чувствовали себя там безопаснее, чем вдали от линии фронта.

Жить под угрозой теракта. Тогда это слово было еще не в ходу. Но, по сути своей, стало нормой для эфиопской столицы. Никогда не забуду проезд по центру Аддис-Абебы, когда по нашему многострадальному автобусу был открыт автоматный огонь. И здесь, слава богу, уцелели все.

За время эфиопской «кампании» погибли 23 наших, еще четверо умерли от ран и болезней, шестеро пропали без вести. Тяжесть на сердце от гибели друзей — это то, что прежде всего мешает вспоминать об армейской службе как о времени, когда «трава была зеленее» и когда африканское солнце в январе позволяло забыть о наших морозах. Можно, как это чаще всего и бывает, стереть из памяти все тяготы, но только не это.

К счастью, уцелел подорвавшийся на мине Сережа Журавлев, в прошлом гандболист, выпускник моего инязовского курса и (вот уж параллельные судьбы!) мой друг по той самой американской стажировке. Сегодня на его груди — орден Красной Звезды.

Увы, мой эфиопский сосед Миша Буланый из иняза горьковского, выигравший у себя в институте письменный конкурс на право отправиться в Африку, так и не вернулся из краткосрочной поездки на фронт в ноябре 78-го. Осталась жена с грудным ребенком. Мишина могила — на кладбище города Невинномысск в Ставропольском крае.

Специалист по ремонту артвооружения подполковник Удалов, с которым в первые месяцы службы тоже делили и кров, и пищу, пропал в лесу недалеко от города Харар вместе с ребятами из состава отдельного медицинского батальона. В июне

того же 78-го их взяла в плен сомалийская разведка. Мой однокурсник Олег Кронштадтов, тоже по воле судьбы попавший в Эфиопию, был в составе отряда, брошенного за диверсантами, которые спешили вместе с «языками» вернуться на свою территорию. По его рассказам, группа вела поиск в течение месяца — шаг за шагом, километр за километром, по пути опрашивая местное население, натыкаясь на остатки костров, но тщетно. За последним приграничным городом Джиджига следы оборвались.

Говорят, двое из шести наших захваченных сомалийцами ребят были самбистами. (Олег утверждает, что нет: мол, так народная молва переиначила слово «особисты».)

Так или иначе, они скрутили охрану, бежали, но все же погибли от пуль. Потом расстреляли и остальных, кроме самого Удалова, которого еще долго показывали иностранной прессе — в качестве доказательства непосредственного участия в войне советских войск, чего, как я уже писал, на самом деле не было. Дальнейшая судьба Николая Филипповича неизвестна.

Их лица стоят у меня перед глазами. А с 15 февраля 2011 года мы отмечаем День памяти россиян, погибших при исполнении служебного долга за пределами Отечества.

Этот долг не могу назвать делом и смыслом жизни, ведь речь шла не о защите родной земли, где у тебя просто нет и не может быть выбора. Здесь у каждого из нас выбор был. Но, приняв условия долга служебного, ты оказываешься не вправе сделать шаг назад в конкретный момент, уже стоя плечом к плечу с другом.

Вне зависимости от того, что потом скажут о том времени, о той войне и о той стране.

Эпилог
Бодрая эпитафия

В журнале «Classic Rock» есть рубрика, где звезды рок-музыки отвечают на довольно нестандартные вопросы. Последний звучит так: «Какой вы видите надпись на вашей могиле?»

Ответы совершенно разные. Вот, например, Стив Хэкетт, бывший солист «Genesis», хотел бы, чтобы было: «Увидимся на той стороне». Ширли Мэнсон из «Garbage» представляет эту строчку такой: «Я вас предупреждала».

Кто-то предпочитает: «Серия вторая» или «Дожил до трехсот». А легендарный клавишник Рик Уэйкман предлагает: «Нечестно. Я еще не закончил».

Извините за мрачность темы, но моя эпитафия мне ясна. На надгробном камне веселый гравер выведет: «Теперь — победим!»

Я наводил справки. Обвинять комментатора в поражениях спортсменов — такого не было никогда. И нигде. Оговорюсь: Северную Корею я не проверял.

Скажу больше, эта история ставит меня в один ряд с великими тренерами.

Капелло и Бесков, Сколари и Ходжсон… Вячеслав Быков — это уже хоккей… Все они были нещадно биты после неудач своих команд в крупных турнирах. И, безусловно, попасть в такую компанию очень лестно.

Говорит это и о признании роли комментаторов, которых раньше многие считали всего лишь вспомогательным звеном спортивного действа. Ведь теперь стало совершенно ясно, что ход игры напрямую зависит от человека у микрофона! Он не менее важен для достижения конечного результата, чем центрфорвард, вратарь или мастер по ремонту бутс.

В эту теорию немного не вписывается тот факт, что матч бывает показан одновременно несколькими каналами. И соответственно откомментирован разными людьми. Но здесь можно принять предложение, появившееся в сети: тогда виновным в неудаче признается тот комментатор, чья телекомпания является правообладателем трансляции.

На мой взгляд, это очень мудро, как и все остальное в Интернете.

Друзья, конечно, это шутка. Хотел сделать мою первую книжку максимально живой, веселой и не перегруженной наукообразными рассуждениями о стратегии и подводных течениях спортивной или телевизионной жизни.

В любой шутке есть доля правды. В моих историях — правда все! Погрешность может быть только в какой-то дате или последовательности событий. Но на это, уверен, сразу же укажете вы, мои бдительные слушатели и читатели. И я буду только благодарен.

Мы вместе уже больше 40 лет. Спасибо вам за все эти годы.

Берегите себя!